

ISSN 2541-8874

ВЕСТНИК

**Восточно-Сибирского государственного
института культуры**

2022/4(24)

Улан-Удэ

Министерство культуры Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный
институт культуры»

В Е С Т Н И К
Восточно-Сибирского государственного
института культуры

Научный журнал по искусствоведению, культурологии,
историческим наукам

№ 4(24)

Улан-Удэ
Издательско-полиграфический комплекс
ФГБОУ ВО ВСГИК
2022

Учредитель: ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 74824 от 21 января 2019 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Журнал включен в систему РИНЦ

Редакционная коллегия

Р. И. Пшеничникова, профессор, академик МАН ВШ (гл. редактор);
Е. Ю. Перова, канд. эконом. наук, доцент (зам. гл. редактора);
И. С. Цыремпилова, д-р ист. наук, профессор (зам. гл. редактора);
Е. В. Банзаракцаева, канд. ист. наук, доцент (отв. секретарь);
М. В. Амгаланова, д-р культурологии, доцент; И. Б. Батуева, д-р ист. наук,
профессор; Т. Н. Бояк, д-р социол. наук, профессор; О. Б. Буксикова, д-р
искусствоведения, профессор; Н. Ж. Дагбаева, д-р пед. наук, профессор;
М. Б. Дандарон, д-р филос. наук, профессор; Н. Б. Дашиева, д-р ист.
наук, профессор; С. А. Езова, канд. пед. наук, профессор;
В. В. Номогоева, д-р ист. наук, доцент; А. М. Плеханова, д-р ист. наук,
доцент; З. А. Серебрякова, д-р филол. наук, доцент; С. Г. Степанова, канд.
пед. наук, доцент; Е. В. Сундуева, д-р филол. наук, доцент;
С. П. Татарова, д-р социол. наук, профессор; Л. М. Хобракова, канд.
филол. наук, доцент; А. В. Чебунин, д-р филос. наук, профессор.

В Е С Т Н И К Восточно-Сибирского государственного института культуры : научный журнал по искусствоведению, культурологии, историческим наукам. – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГИК, 2022. – № 4(24). – 152 с.

Адрес издателя, редакции и типографии ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры»
670031, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, д. 1.
Телефон: (3012) 23-29-83; e-mail: vestnikvsgik@mail.ru

Выход в свет 29.12.2022. 70x108 1/16. Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 7,33.
Тираж 500 экз. Заказ № 2565. Цена свободная.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе ФГБОУ ВО
ВСГИК 670031, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 1.

© ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры», 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	5
Тихонов В. В. КАРАГАСЫ (ТОФЫ) И СКАНСЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПО АКТУАЛИЗАЦИИ ИХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	5
Махачкеева Г. В. К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА АЛАРСКИХ БУРЯТ	13
Семенов Е. В. ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ЗАБАЙКАЛЬЕ	26
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	38
Дандарон М. Б., Цыренова С. Б.-О. ПРИРОДНЫЙ УЗОР И ОРНАМЕНТ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ	38
Покацкий В. А. ИППИЧЕСКИЙ ЖАНР В ЖИВОПИСИ ПОЛЬСКОГО ССЫЛЬНОГО ХУДОЖНИКА ЮЗЕФА БЕРКМАНА	45
Иванова О. Д. АНСАМБЛЬ ЯТАГИСТОК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА ПЕСНИ И ТАНЦА «БАЙКАЛ»	54
Сангадиева Э. Г. ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ ГРИГОРЬЕВОЙ	61
КУЛЬТУРОЛОГИЯ	68
Чебунин А. В. ИСКУССТВО И ГУМАНИЗМ	68
Кучмуруков В. В., Соболева Ю. Е. СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ЕГО ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ	83
Бояк Т. Н., Дедюро Д. А. СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ КАК МЕХАНИЗМ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ	93

Татарова С. П., Кызылов А. А. К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЙЦЕВ _____	101
Ерохина Е. Г. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФЕСТИВАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ _____	109
Ершова О. С. ПРАЗДНИК КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ _____	115
<i>ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА</i> _____	125
Батуева Э. Б. ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ У СТУДЕНТОВ ДПИ К ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ _____	125
Бутуханов В. А., Дандарон М. Б. ТЕХНОЛОГИЯ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ 3D СЛОВАРЕЙ БУРЯТСКОГО И УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВ _____	133
Бальжитова О. М. ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ КАК СПОСОБ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА ГАУК РБ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ») _____	141
<i>Сведения об авторах</i> _____	149

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

DOI 10.31443/2541-8874-2022-4-24-5-12

УДК 39(571.53)(=512.1)

Тихонов В. В.

КАРАГАСЫ (ТОФЫ) И СКАНСЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА ПО АКТУАЛИЗАЦИИ ИХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

В статье рассматриваются принципы территориального расселения карагасов (тофов), временные изменения численности населения в соответствии с переписями, основные направления их хозяйственной деятельности, инфраструктура поселений и характер жилищ в зависимости от сезонности. Приводится информация о некоторых элементах духовной жизни карагасов (тофов). Предлагаются варианты актуализации историко-культурного наследия карагасов (тофов) – посредством развития тофаларской экспозиции в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» (г. Иркутск).

Ключевые слова: тофы, карагасы, стойбище, чум, экспозиция.

Tikhonov V. V.

THE KARAGAS (THE TOFAS) AND SCANSENOLOGICAL PRACTICE ON ACTUALIZING THEIR HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

The article describes the principles of the territorial residing of the Karagas (the Tofas), the time changes in the number of population in accordance with the censuses, their main householding activities, infrastructure of the settlements, type of dwellings depending on the season. The information about some elements of the spiritual lives of the Karagas (the Tofas) is provided. The variants of actualization of the historical and cultural heritage of the Karagas (the Tofas) are suggested through the development of the Tofalars' exposition in the Architectural and Ethnographic Museum «Taltsy» (Irkutsk city).

Keywords: the Tofas, the Karagas, encampment, choum, exposition.

Небольшая этническая группа тофов, до первой четверти XX в. называемых карагасами, расселена на юго-западе Иркутской области в предгорьях Саян по долинам рек Бирюса, Ия, Уда, Гутара, Кара-Бурени [1, с. 60-61]. Территория труднодоступна практически в течение всего года. Логистическая связь с остальной территорией Иркутской области осуществляется зимой по зимнику вездеходным автомобильным транспортом, летом используется редкий вертолетный транспорт. Информация о численном составе этноса стала поступать с XVII в. [4, с. 254], и он практически за 300 лет изменился незначительно [6, с. 35-36; 8, с. 2; 5, с. 7; 9, с. 5]. На рубеже XX-XXI вв., по данным Л.В. Мельниковой, численность этноса определялась в 630 человек [6, с. 22]. Комментируя последнюю цифру, следует отметить, что число чистых тофов в этой цифре незначительно, большую часть составляет группа от смешанных браков. Значительную долю этноса в этой группе формируют представители других этнических групп, заявивших себя тофами [12, с. 128]. Это связано с тем, что тофы как коренные жители обладают определенными льготами. Этнос по месту их расселения, в основном связанного с реками, делится на три группы:

восточную, тяготеющую к р. Сасырке [9, с. 4], включающую роды Чогду и Кара-Чогду с численностью на первую четверть XX в. 181 человек [9, с. 10]; западную группу, тяготеющую к р. Нерхе [9, с. 4] с родами Ссарых-хаш и Сары-Хайш, насчитывавших 188 чел. Численность гутарской группы, где расположился род Чептей, составляла 47 человек. Основой жизненного уклада карагасов (тофов) была охота и вьючное оленеводство [14, с. 95]. В качестве ездового средства олень использовался редко, так как тофаларские (саянские) олени были более мелкими по отношению к северным оленям [2, с. 37]. Товарным производством у карагасов (тофов) был пушной промысел [10, с. 6]. В основном велась добыча соболя и белки. Охотничий сезон делился на два периода: с середины октября до середины декабря, по первому снегу, и второй период – уже по устоявшемуся насту с конца января до начала апреля. Основное вооружение карагасского охотника на рубеже XIX-XX вв. составляли кремневые и пистонные ружья, дробовики и незначительное количество винтовок системы Бердана [8, с. 9]. Оружие в основном применяли при защите от медведей и волков. Пушнину добывали, чтобы не попортить шкуру, с помощью различных приспособлений

соблений капканного типа. Использовали различные приспособления для ловли лосей и диких оленей. Поодиночке на охоту практически не ходили. Промысловик на охоту брал, в том числе для обучения, повзрослевших сыновей, или входил в артель с чужими охотниками [6, с. 45]. На зимний сезон семьи оставались в долинах рек, в более мягком климате с основным оленьим стадом. Охотники с собой на охоту брали 2-3 оленя на человека [8, с. 7] и 2-3 собаки [6, с. 46]. Периодически они на своем маршруте останавливались на 2-3 дня, организуя временное стойбище, от которого совершали однодневные маршруты по территории, расставляли капканы или снимали с капканов добычу. Охотничьи уголья обходились по неправильному кругу, длина которого колебалась от 60 до 100 км. По возвращении в долину пушнину частично сдавали как ясак (налог), остальную продавали скупщикам, чаще меняли ее на продукты и иные припасы. Выходя на охотничьи уголья на промысел пушного зверя, с собой брали минимум поклажи, в основном это был порох, пули, соль, мука, спички (иногда для добычи огня обходились кресалом), котелок. В качестве мяса использовали тушки белок.

Оленеводство было вторым направлением в хозяйственной деятельности карагасов (тофов). В хозяйстве олени использовались в основном для перевозки грузов [11, с. 128] во время летних перекочевков. В летний сезон оленей из долин перегоняли на альпийские продуваемые ветром луга Саянских предгорий, где было меньше гнуса. По мере истощения травостоя перекочевывали на новое место. Поголовье оленей на 1912 г. на всю Карагасию составляло 2579 особей. В год на среднюю семью в 4-5 человек [9, с. 10] требовалось около 40 кг мяса, как правило оленьего [12, с. 129]. Шкура оленя использовалась после специальной обработки на одежду, обувь, одеяла и на ровдугу для покрытия чумов (хотя и очень редко, так как более прочным покрытием считалась ровдуга из лосиных шкур). При ведении хозяйства в качестве вспомогательного промысла у карагасов были добыча орехов, птицы, рыбы, корней саранок, а в зимнее время добыча копытных животных. Так, рыбы карагасы в 1914 г. добыли 48 пудов [10, с. 41-42]. Впрок рыбу не добывали, только на ближайшую потребность. Добыча птицы ограничивалась в год на семью 8 рябчиками и 3 глухарями [10, с. 46]. На 1914 г. общий объем добычи карагасами птицы составлял 465 глуха-

рей и 304 рябчика [10, с. 42]. На этот же год саранок выкопали 93,5 пуда, а орехов заготовили 500 пудов.

Добыча золота карагасами велась с 60-70-х гг. XIX в., и в это время намывалось по рекам рассыпного золота по 192,5 золотника в год. На начало XX в. намывка золота составила 20 золотников, и этим уже занимались всего 3 карагасских семьи. После революции добычу золота карагасы прекратили.

В XIX в. у карагасов в хозяйстве появились лошади. По сравнению с оленем лошадь была более прихотливым животным. Для нее было обязательно заготавливать сено на зиму [3, с. 51] для подкормки, хотя большую часть корма лошадь получала от подножной пастьбы, за счет его добывания из-под снега при помощи копыт. Однако зимний падеж лошадей был значительным. Поэтому на карагасскую семью редко было 2-4 лошади, иногда на семью лошадей совсем не было [3, с. 50], обходились без них.

Основной инфраструктурой поселений карагасов (тофов) были стойбища, делившиеся на зимние и летние, в зависимости от сезона года. После коллективизации 30-х гг. XX в. стали появляться поселки. Основой стойбищ были чумы. Зимние – корьевые с лиственничным по-

крытием и ровдугами, летние – корьевые с лиственничным, реже берестяным покрытием и ровдужные. По размеру и площади зимний чум в диаметре составлял 4,5-5 м, а летний около 3-3,5 м. Конусообразный каркас чума изготавливался из жердей. Летний чум из 15-20, а зимний из 25-30 жердей. Две жерди основные, одна из них роговидной формы в верхней части. Две вспомогательные по обеим сторонам. Остальные жерди внахлест. Корьевой чум покрывался пластом лиственничной коры размерами примерно по вертикали 2 м, по ширине – 1,2 м. Укладка шла снизу вверх внахлест слоями. Вверху оставляли на конусе отверстие под дымоход.

Автору довелось стать свидетелем горизонтальной укладки покрытия чума лиственничной корой. Но это, скорее всего, не традиционная укладка. При берестяной укладке листы бересты меньше: по вертикали 60 см, по горизонтали 40-50 см. Их сшивали с зацепом между листами жилами животных в ленту. Лента имела зацепы внизу и сверху. Ленты перевозились с собой от стоянки к стоянке. Покрытие собиралось на чуме с помощью зацепов минут за 15-20. Берестяное покрытие очень редко встречается. У зимнего чума жерди в укладке более плотные. Иногда использовали

полубревна (диаметром 15-18 см) со сплошной укладкой, на которые укладывалась кора. В редких случаях под кору укладывали мох для тепла. Вход в чум закрывали той же ровдужой. В чумах с ровдужным покрытием по жердям укладывали внакладку пласты перевозимой ровдужки, и также, как и в корьевых чумах, прижимали покрытие жердями с внешней стороны.

Внутренняя часть чума делалась на мужскую слева и женскую справа стороны с распределением по сторонам соответствующего инвентаря. В центре – кострище с закрепленной на высоте 1-1,2 м над землей жердью для котелка или чайника, которая крепилась в основном к вертикальным жердям. П-образная укладка трех бревен вокруг костра с открытой стороной к входу служила как сиденья. По краям чума укладывался лапник, на котором размещались шкуры и меховые одеяла, иногда меховые мешки для спанья. У православных тофов с конца XIX в. на стене, расположенной напротив входа, закреплялась икона Николая Угодника.

В составе инфраструктуры тофаларского стойбища как летнего, так и зимнего могли находиться лабазы, воздушные и наземные (холодильники); жердевые ограждения; дымокуры; собачьи будки; жердевые помосты для хранения вещей, столбики привязи для оленей.

Сегодня патриархальная культура тофов почти утрачена. В естественной исторической среде остались только ее небольшие элементы. Учитывая удаленность Тофаларии от основных туристических маршрутов, принято решение сохранять элементы историко-культурного наследия тофов (карагасов) в региональном этнографическом музее под открытым небом «Тальцы» (г. Иркутск). Автором экспозиции стала Л.В. Мельникова [7].

В музее уже построена этническая экспозиционная тофаларская зона, пока состоящая из зимнего и летнего стойбищ [15, с. 200-201; 13, с. 90]. В перспективе возможно аутентичное воссоздание тофаларских захоронений, характеризующих их духовную культуру, и избы карагасника – постройки русских купцов-скупщиков у тофов (карагасов) пушнины.

Примечания

1. Вайнштейн С. И. Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов до начала XX в. // Советская этнография. 1968. № 3. С. 60-67.

2. Вайнштейн С. И. Проблемы происхождения оленеводства в Евразии. Роль саянского очага в распространении оленеводства в Евразии // Советская этнография. 1971. № 5. С. 37-51.

3. Васильев В. Н. Краткий очерк быта карагасов // Этнографическое обозрение. М., 1910. Кн. LXXXIV–LXXXV, № 1-2. С. 46-76.

4. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М. : Изд-во АН СССР, 1960.

5. Евсенин И. А. Карагасы : краткий очерк. Красноярск, 1919. 22 с.

6. Мельникова Л. В. Тофы : историко-культурный очерк. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 304 с.

7. Мельникова Л. В. Историческая справка «Материальная и духовная культура тофов конца XIX – начала XX вв.». Иркутск, 2001 // ГАИО. Ф. № Р-3676. Оп. 1. Ед. хр. 244. Л. 141.

8. Миротворцев К. Н. Карагасы. Статистико-экономический очерк. Иркутск, 1921. 26 с.

9. Петри Б. Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. Иркутск, 1927. 32 с.

10. Петри Б. Э. Промыслы карагас. Иркутск, 1928. 54 с.

11. Помишин С. Б. О транспортном использовании оленя тофаларами // Советская этнография. 1971. № 5. С. 128-131.

12. Садовой А. Н., Мельникова Л. В. Тофалары (основные этапы этнической истории) // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 128-138.

13. Тихонов В. В. Основные направления развития Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Иркутск : Репроцентр А1, 2006. 214 с.

14. Тихонов В. В. Отличительные элементы материального наследия этносов и этнических групп, сформировавших историко-культурный потенциал Предбайкалья второй половины XIX – начала XX века // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. Кемерово. 2013. № 23. С. 93-108.

15. Тихонов В. В. Историко-культурное наследие Предбайкалья. Иркутск : Репроцентр А1, 2013. 364 с.

References

1. Weinstein S. I. Rodovaja struktura i patronomicheskaia organizacija u tofalarov do nachala XX v. [The Tofalars' ancestral structure and patronymic organization before the beginning of the XX c.] // So-

vetskaja etnografija [The Soviet ethnography]. 1968. № 3. Pp. 60-67. [In Russ].

2. Weinstein S. I. Problemy proiskhozhdenija olenevodstva v Evrazii. Rol' sajanskogo ochaga v rasprostranении olenevodstva v Evrazii [Problems of the deer raising origin in Eurasia. Role of the Sayan hearth in deer raising spread in Eurasia] // Sovetskaja etnografija [The Soviet ethnography]. 1971. № 5. Pp. 37-51. [In Russ].

3. Vasilyev V. N. Kratkij ocherk byta karagasov [Short feature story of the Karagas' everyday life] // Etnograficheskije obozrenije [Ethnographic review]. M., 1910. Book LXXXIV – LXXXV, № 1-2. Pp. 46 - 76. [In Russ.].

4. Dolgikh B. O. Rodovoj i plemennoj sostav narodov Sibiri v XVII v. [Ancestral and tribal composition of the peoples of Siberia in the XVII c.]. M., 1960. [In Russ.].

5. Evsenin I. A. Karagas : kratkij ocherk [The Karagas : short feature story]. Krasnoyarsk, 1919. 22 p. [In Russ.].

6. Melnikova L. V. Tofy : istoriko-kul'turnyj ocherk [The Tofas : historical and cultural feature story]. Irkutsk, 1994. 304 p. [In Russ.].

7. Melnikova L. V. Istoricheskaja spravka «Material'naja i dukhovnaja kul'tura tofov konca XIX – nachala XX vv.» [Historical inquiry «Material and spiritual culture of the Tofas of the end of the XIX-beginning of the XX c.»]. Irkutsk, 2001 // GAIO. F. № R-3676. Op. 1. Ed. khr. 244. L. 141 [SAIR. F. № R-3676. Inv. 1. St. unit 244. L. 141. [In Russ.].

8. Mirotvortsev K. N. Karagasy. Statistiko-ekonomicheskij ocherk [The Karagas. Statistical and economic feature story]. Irkutsk, 1921. 26 p. [In Russ.].

9. Petri B. E. Okhotnich'ji ugod'ja i rasselenije karagas [Hunting grounds and settlement of the Karagas]. Irkutsk, 1927. 32 p. [In Russ.].

10. Petri B. E. Promysly karagas [Crafts of the Karagas]. Irkutsk, 1928. 54 p. [In Russ.].

11. Pomishin S. B. O transportnom ispol'zovanii olenja tofalarami [About transport use of deer by the Tofalars] // Sovetskaja etnografija [The Soviet ethnography]. 1971. № 5. Pp. 128 -131. [In Russ.].

12. Sadovoy A. N., Melnikova L. V. Tofalary (osnovnyje etapy etnicheskoi istorii) [The Tofalars (main stages of ethnic history)] // Arkheologija Juzhnoj Sibiri [Archaeology of South Siberia]. Novosibirsk, 2003. Pp. 128 -138. [In Russ.].

13. Tikhonov V. V. Osnovnye napravlenija razvitija Arkhitekturno-etnograficheskogo muzeja «Talecy» [Main directions of

the development of the Architectural and Ethnographical Museum «Talsy»]. Irkutsk, 2006. 214 p. [In Russ.].

14. Tikhonov V. V. Otlichitel'nyje elementy material'nogo nasledija etnosov i etnicheskikh grupp, sformirovavshikh istoriko-kul'turnyj potencial Predbajkal'ja vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka [Distinctive features of tangible heritage of the ethnoses and ethnic groups that formed the historical and cultural potential of Cisbaikalia of the second half of the XIX-beginning of the XX century] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv [Bulletin of Kemerovo state university of culture and arts]. Kemerovo, № 23, 2013. Pp. 93-108. [In Russ.].

15. Tikhonov V. V. Istoriko-kul'turnoje nasledije Predbajkal'ja [Historical and cultural heritage of Cisbaikalia]. Irkutsk, 2013. 364 p. [In Russ.].

Махачкеева Г. В.

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА АЛАРСКИХ БУРЯТ

В статье рассмотрены вопросы происхождения аларских бурят, входящих в состав племени хонгодоров. Проблемы их генезиса во многом до сих пор остаются дискуссионными. В ходе исследования выявлены некоторые локальные данные, что позволит дополнить общее представление об этнотерриториальной группе.

Ключевые слова: этногенез, аларские буряты, хонгодоры, родовая группа.

Makhachkeeva G. V.

TO THE PROBLEM OF THE ALAR BURYATS' GENESIS

The issues of the origin of the Alar Buryats, belonging to the Khongodor tribe, have been considered in the article. The problems of their genesis still remain controversial. During the research some local data have been revealed that allow to complement a general idea about the ethnoterritorial group.

Keywords: ethnogenesis, the Alar Buryats, the Khongodor tribe, generic group.

Тема этногенеза локальной группы аларских бурят по-прежнему остается актуальной. В связи с этим целью данной статьи является изучение родовой структуры аларцев, часть которых считается хонгодорами. Также к хонгодорам относятся компактно проживающих тункинских, закаменских, окинских и китойских бурят. Дисперсно хонгодоры проживают в Нукутском районе Иркутской области, в Хубсугульском и Бу-

лаганском аймаках Монголии [1, с. 12]. В обществе бытует мнение, что пришли хонгодоры из Монголии в XVI-XVII вв. Однако эту версию исследователи считают ошибочной: во-первых, за пределами Бурятии нет большого племени хонгодоров, что говорит о его формировании именно в Прибайкалье [2, с. 75]; во-вторых, по мнению Ц. Цыдендамбаева, Н. Егунова, Ж.А. Зимина, А.Л. Ангархаева, ни по языку, ни по

материальной и духовной культуре хонгодоры не являются монголами. Если бы их переселение произошло в XVII в., то они не могли бы, по вполне обоснованному замечанию Ц.Б. Цыдендамбаева, так сильно обурятиться по языку [3, с. 158]. Ярким примером являются проживающие в Джидинском районе Бурятии *цонголы* и *сартулы*, пришедшие из Монголии почти в то же время, что и хонгодоры, но не утратившие родного монгольского языка, проживая в бурятской среде.

Подтвержденным является и мнение Ж.А. Зимина, считавшим, что в культуре хонгодоров нет следов распространенного тогда в Монголии буддизма, в частности, нет тибетско-буддийских имен [4, с. 108].

К этим аргументам следует добавить выявленные нами данные о том, что во всех аспектах хозяйственной и культурной деятельности аларских бурят не обнаруживаются элементы монгольской системы жизнеобеспечения. Если земледелие, скотоводство, сенокосение, поселения и жилища, национальный костюм и кухня, танцевальное и песенное искусство содержат традиционно тюркский компонент, то охота, рыболовство, некоторые виды народных промыслов – самодийско-тунгусский (Г.В. Махачкеева, 2018, 2019, 2022). Ис-

ключением является язык, частично подвергшийся ассимиляции.

Версию об автохтонном происхождении хонгодоров справедливо поддерживают также Д.С. Дугаров, Д.Д. Нимаев, Б.Ш. Доржиев и др. Сведения о том, что хонгодоры к приходу казаков уже проживали в Приангарье, подтверждаются донесениями последних: в 1643 г. «брацкие люди готели и конгодоры приходили в Верхоленский острог и отогнали служилых людей, лошадей и скот» [5, с. 138]; в 1645 г. правобережные эхириты и булагаты сообщали верхоянскому воеводе: «приходили из-за Ангары де брацкие князца Могочака хонгодорского роду» [6, с. 132]; в 1648 г. хонгодорский князец Мукунчак был взят в аманаты в Верхоленском остроге [5, с. 138].

Более того, известно, что в 1658 г. от злодеяний Похабова во время массового ухода балаганских бурят к монголам ушли не все аларцы, а лишь некоторая их часть, в основном затем вернувшаяся. Так, архивные документы гласят, что Бахак Ирбанов, считающийся правителем аларцев после Боошхо-бухэ, не пришел, а *вернулся* из Монголии, уже имея *изагуур*, т.е. подданство России [7, с. 132]. Видно это и из указов Иркутской приказной избы 1688,

1690 г.: *вернувшимся* из монгольских степей брацким ясашным иноземцам, в числе которых был Бахак Ирбанов, было велено кочевать «на *прежней* их отводной земле по Белой реке ...»; во второй копии тому же Ирбанову указано «в своем улусе над *прежними ясачными брацкими староплатежными мужики* и над *новыми мунгальскими выходцами* смотреть накрепко, чтобы в них шатости и измены не было...»; [7, с. 97]. Как видим, речь идет о *старожилах*-аларцах, остававшихся на родных местах, и новых, *возвратившихся* из Монголии.

Подтверждаются эти факты и родословными аларцев. Например, в роду Хабаловых из с. Ныгда одного из предков звали *Тэхэриин Убон*, то есть Вернувшийся Убон (*тэхэрхэ* – досл. вернуться). Из семейной легенды известно, что он уходил когда-то в Монголию в поисках лучшей доли, но затем вернулся (ПМА (полевые материалы автора), 2014). Известно, что пребывание беглецов у монголов было кратковременным. Почти сразу начинается репатриация, поэтому их и называли *бусхулами*, т.е. возвратившимися (*бусаха* – досл. возвратиться) [8, с. 17]. Общеизвестно, что этот процесс шел вплоть до закрытия границ по Буринскому договору (1727 г.).

По мнению Д.Д. Нимаева, хонгодоры – это родовая группа, впоследствии ставшая целостным племенем [9, с. 82]. Эта версия представляется вполне обоснованной. Так, в Аларском ведомстве даже в начале XX в. насчитывалось более 60 родов, в основном самостоятельных. Разобраться в этой структуре было непросто, что не могло не привести к упрощающим мерам. Видимо, для удобства царская администрация сформировала восемь хонгодорских родов [10, с. 58]. Также у тункинских бурят административно-родовое деление до революции по разным причинам носило искусственный характер [11, с. 94]. Часто «род административный был далеко не адекватен роду действительному» и причины для этого были разными и достаточно объективными [12, с. 116; 13, с. 32]. В результате в состав хонгодоров были инкорпорированы представители почти всех проживающих в Алари родовых групп, которые в долине были расселены отдельными *айлами*-поселениями: Долоонгууд, Наймаангууд, Ашхай, Бадархан, Бурутхан, Зудэ, Харгана, Хурхуд, Шаранууд, Готол и т.д. При близком рассмотрении обнаруживается, что в действительности эти группы имели разное происхождение.

Так, *долонгуты* (*долоонгууд*), по данным Н. Бичурина, Рашид-ад-дина и Г. Е. Грумм-Гржимайло, – саянские тюрки, в XVII в. – *теленгуты*. Теленгуты (телеуты) – аборигены Южной Сибири, под именем «да-лянь» упоминаются в китайских летописях конца V в. [11, с. 92]. Ареал расселения долонгутов в Аларской долине включал деревни Шабшалтуй, Яматы, Алзобей, а также поселение *айл* Долоонгууд между улусами Куркат и Киркей (ПМА, 2020).

Наймангуты (*найманы*) относятся к тюркским народностям. Как и меркиты, татары и керейты, они относились к 12 наиболее крупным, сильным и культурным племенам Центральной Азии XII – начала XIII вв., поэтому данных о них в исторической литературе много [14, с. 11]. Поселения найманов были в Аларском и Боханском районах [15, с. 50].

Род *онхот(ой)* тоже считается тюркским. Согласно древнекитайским источникам, он жил вдоль Великой Китайской стены, с 842 г. причислялся к белым татарам (*да-да*) [11, с. 99].

Род *зудэ* был расселен юго-западнее современной Алари [16, с. 59]. Его этногенез сегодня считается неизвестным, но, по нашему мнению, он возник от западных соседей аларцев –

тофаларов (карагасов), у которых есть род *дэгды-чжогды*, называемый окинскими бурятами *зудэ*. Также известно, что карагаский род (чог-да) есть в родоплеменных группах тувинцев *чооду*, *чогду*, хакасов (тьода), кумандинцев, тубаларов (дъоты, чоты), телеутов (чжоты, джоты, чооты), шорцев (чот) и др. [17]. С.И. Вайнштейн считал эти группы самодийскими по происхождению, позже тюркизированными [18]. Общее происхождение с тувинским когда-то многочисленным родом *колтува* имеет аларский род *холтубай*, не вошедший в состав хонгодоров [18].

Аларские роды *уйгар*, *уһар*, *баахай* и *h(c)ойот* относились, по П. Баторову, к урянхайцам. Окинцы называли урянхайцами *урьянхад* или уйгурами *уйгар* тофаларов [19, с. 18]. Малоизвестен факт о том, что сойоты, с которыми аларцы вели дружбу и родство, жили непосредственно в самой долине, по р. Белая и ее истокам [20]. Аларская степь была поставщиком хлебопродуктов и для тюрков горной Оки: муку и зерно часто обменивали на невест, чтобы обойтись без калыма. Ж.А. Зимин приводит пример женитьбы своего деда Махляна (Михаила), который родителям невесты из окинского рода *уляба* заплатил один мешок муки и три мешка ржи [6, с. 135]. По-

добных примеров можно привести множество.

Род *буруутхан*, состоящий из двух ветвей – *маха* и *шоно*, происходит от хакасского волчьего рода (сеок) *пууру* в составе телеутов, хакасов, шорцев [21, с. 360; 13, с. 170].

Шошолоки, зафиксированные не только в Алари, но и у закаменских, тункинских, китойских бурят и хубсугульских монголов, тоже имеют тюркские корни. Их родина – Горный Алтай, регион р. Куу, откуда они дошли до Байкала. У шошолоков сходные по содержанию исторические предания с родом *шакшалык* из алтайского рода *чалкан* (челканцы) или *куу-кижи* (лебединцы) [3, с. 155].

Аларские *сартулы* – потомки тюрко-бухарских *сартов* (*һартулы*, *гартулы*), переселенных при Чингисхане и позже из империи Хорезм-шахов, Туркестана в Северо-Западную Монголию. Оттуда некоторая часть мигрировала в Тунку и Аларь, где была причислена ко 2-му кульметскому роду Унгинского ведомства. Они подразделялись на *шарга* и *зэрдэ* [22, с. 195]. В Алари *сартулы* обосновались на юге долины, в *айлах* Ныгда, Халта, Бурково, Баинск. Улус Бурково был назван по имени *сартула* Буурхи [13, с. 170]. Именно в этих местах наблюдается речь с

характерным оканьем, которое лингвисты связывают с таджикским языком [23, с. 89]. Вероятно, и название рода *дуртэн* связано со среднеазиатскими ремесленниками и возникло от аларского *гарта дуртээ*, переводящегося как «мастеровые руки».

Тэртэ исследователи связывают с этнонимом *терат*, принадлежащим одному из татарских племен, расселенных в правых притоках р. Ангара [24, с. 101].

Итак, к тюркским по происхождению племенам в Алари относятся *долонгуты*, *наймангуты*, *зудээ*, *холтубай*, *уйгар*, *уһар*, *шошолок*, *онхот*, *баахай*, *буруутхан*, *дуртэн*, *сартулы*, *тэртэ*, *хойот*.

Хурхуд считается отдельным родом, хотя его причисляют к *булагатам*. Г.Н. Румянцев, а также М.Н. Мельхеев, опираясь на сохранившиеся топонимы *Ирху*, *Каха*, находили в этнонимах *ирхэд*, *хурхут* самодийский субстрат. Искаженный топоним *Куркат* произошел от рода *хурхуд*, близкого к саянским *хойотам* (*сойотам*), принадлежащим к самодийской этнической группе [15, с. 43]. Добавим, что улус Куркат находится в юго-западной части Аларской долины, прилегающей к Предсаянью. В списке родов, представленных Баторовым в 20-х г. XX в., они при-

шли из Тунки или Китоя, то есть с юга [6, с. 125].

Также к самостоятельным группам относились *икинаты*, *сэгэнуты*, *ашабагаты*, населявшие долины рек Ия, Уда, Ока и имевшие постоянные контакты с хакасами – насельниками Минусинской котловины. С приходом казаков небольшая их часть обосновалась в Алари.

Шарануты, имеющие ветви *баргай*, *бэрбэхэн*, *хултэ*, считаются наиболее древними насельниками аларских степей, самостоятельным родом [13, с. 168]. В этнической Бурятии они представлены только в составе аларцев, что дает право предположить их формирование именно в Алари. Также бурятские по происхождению *шарануты* есть в Монголии. Скорее всего, это потомки аларцев, оставшихся после миграции второй половины XVII в. [25, с. 90].

Вошли в состав хонгодоров и местные осколки бурятских племен: род *хабарнут*, произошедший от человека по прозвищу *Хабар*. Легенда гласит, что после пира перед *зэгэтэ аба* один из облавщиков стал царапать *хабардаха* ногтями котел, чтобы собрать и доесть остатки саламата *сюрмаһан* – эта корочка, образовавшаяся на дне посуды, в которой готовилось блюдо, считается лаком-

ством. Участники предстоящей охоты прозвали его *Хабар*;

һагта (по С. П. Балдаеву – *найдар*) [26, с. 122]. По преданию, основатель рода *һагта* – человек, которого в детстве заворачивали в послед *һаг* (ПМА, 2021); *тайбжсин* (*сагаан*), *ашата*, *аихай*, *боолдой*, *боролзой*, *харгана*, *отогой*, *шакуй*, *шуранхан*, *далхай*, *нарат*, *харанут*, *гурангут*, *бадархан*, *улаазай*, *хойхо*, *боронут*, *дурлай*, *уляаба* и т.д. Группу *гурангут* считают хамниганами, есть мнение об их смешанном даурско-тунгусско-маньчжурском пласте в составе аларцев [13, с. 170]. Эти группы исторически были расселены в центральной, южной и западной частях Аларской долины.

Также на юго-западной и западной окраинах в долинах р. Большая и Малая Белая, Иреть были расселены, кроме сойотов, тунгусы родов *габлют*, *занхат*, *ченчит* [6, с. 126]. Восточная и северо-восточная районы территории были заняты родами племени булагатов, именующихся в Алари *зууни булагадуд*. Это роды *готол*, *зунги*, *ноёт*, *ёнгут*, *хогой*, *онгой*, *хулмээнгэ*, а также *хангинцы* и *шаратцы*, которых относят к племени *хори* и т.д. Из этого списка не до конца выяснен этноним *хулмээнгэ*, с помощью эвенкийского существительного *хул* выводящийся на семантику

«заостряющий, заостритель, изготовитель стрел». Предполагается, что носители этнонима относятся к покоренным тунгусам [13, с. 143]. Возможно, здесь следует обратить внимание на местную лексику тюркского происхождения, не имеющую соответствия в литературном языке. Так, у аларцев в ходу термин *хулэмшээ*, *хулмэшиээ* (раб, батрак, бесправный бедняк) соответствует хакасскому *хул*, *хулы*, татарскому *кол*, происходящих от древнетюркского *кул* (раб).

Как видим, анализ родовой структуры аларских бурят подтверждает версию о гетерогенном характере процесса формирования этнотерриториальной группы [27, с. 237]. Общеизвестно, что в ее хозяйственно-культурной деятельности обнаруживаются ранние индоиранские и индоевропейские компоненты. Автохтонный конгломерат племен и родов самодийского, кетского, тунгусского, енисейского, тюркского проис-

хождения постепенно дополнялся пришлыми монгольскими группами, на позднем этапе исторического развития частично ассимилировавшими язык. При этом все остальные аспекты жизнедеятельности сохранили аборигенный тюркский и тунгусский компоненты. Этот вывод поддерживается множеством археологических, лингвистических, фольклорных, этнографических фактов.

Таким образом, этнотерриториальная группа к XVII в. была объединена общей системой жизнеобеспечения, выраженной локальной земледельческо-скотоводческой материальной и духовной культурой. Многочисленность разных родовых групп, осложнявшая работу царской администрации, привела к формированию в пределах территориального образования восьми хонгодорских родов. Группы были унифицированы на базе родовой группы хонгодоров, которая формировалась именно в Приангарье.

Примечания

1. Ангархаев А. Л. Хонгодоры и единство бурятских племен // Саяно-Алтайский и Байкальский регионы в общемонгольской истории на рубеже XXI века : материалы межрегион. науч. конф., посвящ. IX встрече хонгодоров. Улан-Удэ, 2013. С. 9-24.
2. Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI – XIX вв.). Иркутск, 2005. 159 с.
3. Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы истории монголов и бурят. М., 2011. 278 с.

4. Зимин Ж. А. К вопросу о выходе хонгодоровских родов из Монголии и их расселении в Алари // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов : сб. ст. Улан-Удэ, 1983. С. 102-113.

5. Доржиев Б. Ш. История происхождения и становления бурятского народа. Улан-Удэ, 2010. 204 с.

6. Зимин Ж. А. Аларь: история и современность. Кн. 1. Аларь – родная колыбель. Улан-Удэ, 2004. 203 с.

7. Богданов М. Н. Очерки истории бурят-монгольского народа. Улан-Удэ, 2008. 304 с.

8. Мельхеев М. Н. Карты расселения и перемещения бурятских родо-племенных групп по данным топо- и этнонимии // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1974. Вып 6. С. 3-27.

9. Доржиев Б. Ш. Древняя Бурятия – северная окраина Хуннского государства. Улан-Удэ, 2013. 295 с.

10. Санжеев Г. Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов : сб. ст. Улан-Удэ, 1983. С. 47-69.

11. Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов : сб. ст. Улан-Удэ, 1983. С. 90-101.

12. Залкинд Е. М. Присоединение Бурятии к России. Улан-Удэ, 1970. 400 с.

13. Нанзатов Б. З. Иркутские буряты в XIX веке: этнический состав и расселение. Улан-Удэ, 2018. 224 с.

14. Ушницкий В. В. Средневековые народы Центральной Азии (Вопросы происхождения и этнической истории тюрко-монгольских племен). Казань, 2009. 116 с.

15. Мельхеев М. Н. Географические названия Восточной Сибири. Иркутская и Читинская области. Иркутск, 1969. 120 с.

16. Наследники Аларской долины. Сборник научно-исследовательских работ обучающихся в образовательных учреждениях Аларского района Иркутской области (2010-2017 гг.). Иркутск, 2018. 252 с.

17. Краткий обзор некоторых родоплеменных групп тувинцев по данным междисциплинарных исследований. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/kratkiy-obzor-nekotoryh-rodoplemennyh-grupp-tuvintsev-po-dannym-mezhdistsiplinarnyh-issledovaniy.pdf> (дата обращения: 15.02.22).

18. Айыжы Е. В., Конгу А. А. Родоплеменные группы тувинцев Тоджинского района Республики Тува на современном этапе (по материалам полевых исследований). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodoplemennyye-gruppy-tuvintsev-todzhinskogo-rayona-respubliki-tuva-na-sovremennom-etape-po-materialam-polevyh-issledovaniy> (дата обращения: 24.09.22).

19. Рассадин И. В. Хозяйство, быт и культура тофаларов. Улан-Удэ, 2005. С. 202.

20. Можаев И. А. Заметка о мунгалах // Известия ВСОРГО. 1905. Т. XXXVI. URL: http://ellibnb.library.isu.ru/cgi-bin/irbis64r_15_vsorgo/cgiirbis_64.htm (дата обращения: 18.11.21).

21. Павлов Е. В. К дефиниции самодийского компонента в этногенезисе предбайкальских бурят (по материалам этимологического анализа родовых этнонимов племени эхирит) // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2010. С. 356-364.

22. Тубчинов С. Д. Расселение сартулов в Центральной Азии // Мир Центральной Азии : материалы междунар. науч. конф. Т. 1 : Археология. Этнология. Улан-Удэ, 2002. С. 194-197.

23. Алексеев Д. А. О «территориальных» диалектах бурят-монгольского языка // Материалы научной конференции по вопросам бурят-монгольского языка. Улан-Удэ, 1955. С. 74-96.

24. Нанзатов Б. З. Средневековые татары и Приангарье (по данным «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина) // Чингисхан и судьбы народов Евразии. Улан-Удэ, 2003. С. 99-102.

25. Нанзатов Б. З., Содномпилова М. М. Этнический состав Аларской степной думы в XIX в. // Саяно-Алтайский и Байкальский регионы в общемонгольской истории на рубеже XXI века : материалы межрегион. науч. конф., посвящ. IX встрече хонгодоров. Улан-Удэ, 2013. С. 86-96.

26. Румянцев Г. Н. Предания о происхождении аларских бурят // Этнографический сборник. Улан-Удэ, 1961. Вып. 2. С. 115-128.

27. Павлов Е. В. К проблеме генезиса и ранней этнической истории бурятских родов тэртэ и шошолок // История и культура народов Сибири, стран Центральной и Восточной Азии : материалы III междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 2007. С. 228-338.

References

1. Angarkhaev A. L. Khongodory i edinstvo burjatskikh plemjen [The Khongodors and the unity of the Buryat tribes] // Sajano-Altajskij i Bajkal'skij regiony v obshchemongol'skoj istorii na rubezhe XXI veka» : materialy mezhregion. nauch. konf., posvjashch. IX vstreche khongodorov [The Sayan-Altai and Baikal regions in the general Mongolian history at the turn of the XXI century : proceedings of the interreg. scient. conf. dedicated to the IX meeting of the Khongodors]. Ulan-Ude, 2013. Pp. 9-24. [In Russ.].
2. Nanzatov B. Z. Etnogenez zapadnykh burjat (VI – XIX vv.) [Ethnogenesis of the Western Buryats (VI-XIX centuries)]. Irkutsk, 2005. 159 p. [In Russ.].
3. Zoriktuev B. R. Aktual'nyje problemy istorii mongolov i burjat. [Actual problems of the history of the Mongols and the Buryats]. M., 2011. 278 p. [In Russ.].
4. Zimin Zh. A. K voprosu o vykhode khongodorskikh rodov iz Mongolii i ikh rasselenii v Alari [To the issue of the Khondogor tribes' leaving Mongolia and their settling in Alar] // Etnicheskiye i istoriko-kul'turnyje svjazi mongol'skikh narodov : sb. st. [Ethnical and historical and cultural relations of the Mongolian peoples : coll. of art.]. Ulan-Ude, 1983. Pp. 102-113. [In Russ.].
5. Dorzhiev B. Sh. Istorija proiskhozhdenija i stanovlenija burjatskogo naroda [To the issue of the origin and formation of the Buryat people]. Ulan-Ude, 2010. 204 p. [In Russ.].
6. Zimin Zh. A. Alar': istorija i sovremennost'. Kniga I. Alar' – rodnaja kolybel' [Alar: history and modernity. Book I. Alar – the native cradle]. 2004. 203 p. [In Russ.].
7. Bogdanov M. N. Ocherki istorii burjat-mongol'skogo naroda [Feature stories about the history of the Buryat-Mongolian people]. Ulan-Ude, 2008. 304 p. [In Russ.].
8. Melkheev M. N. Karty rasselenija i peremeshchenija burjatskikh rodo-plemennykh grupp po dannym topo- i etnonimiki [Maps of dispersion and movement of the Buryat tribal groups according to toponymic and ethnonymic data // Etnograficheskij sbornik [Ethnographic collection]. Ulan-Ude, 1974. Issue 6. Pp. 3-27. [In Russ.].
9. Dorzhiev B. Sh. Drevnja Burjatija – severnaja okraina Khunnskogo gosudarstva [Ancient Buryatia – northern suburb of the Xiongnu state]. Улан-Удэ, 2013. 295 с. [In Russ.].
10. Sanzheev G. D. Nekotoryje voprosy etnonimiki i drevnej istorii mongol'skikh narodov [Several issues on ethnonymy and ancient history of the Mongolian peoples] // Etnicheskiye i istoriko-kul'turnyje

svjazi mongol'skikh narodov : sb. st. [Ethnical and historical and cultural relations of the Mongolian peoples : coll. of art.]. Ulan-Ude, 1983. Pp. 47-69. [In Russ.].

11. Dugarov B. S. O proiskhozhdenii okinskikh burjat [About the origin of the Oka Buryats] // Etnicheskije i istoriko-kul'turnyje svjazi mongol'skikh narodov : sb. st. [Ethnical and historical and cultural relations of the Mongolian peoples : coll. of art.]. Ulan-Ude, 1983. Pp. 90-101. [In Russ.].

12. Zalkind E. M. Prisojedenenije Burjatii k Rossii [Joining of Buryatia to Russia]. Ulan-Ude, 1970. 400 p. [In Russ.].

13. Nanzatov B. Z. Irkutskije burjaty v XIX veke: etnicheskij sostav i rasselenije [The Irkutsk Buryats in the XIX century: ethnic composition and settlement]. Ulan-Ude, 2018. 224 p. [In Russ.].

14. Ushnitsky V. V. Srednevekovyje narody Central'noj Azii (Voprosy proiskhozhdenija i etnicheskoj istorii tjurko-mongol'skikh plemjen) [The Medieval peoples of Central Asia (The issues of the origin and ethnic history of the Turkic-Mongolian tribes)]. Kazan, 2009. 116 p. [In Russ.].

15. Melkheev M. N. Geograficheskie nazvanija Vostochnoj Sibiri. Irkutskaja i Chitinskaja oblasti [Geographical names of Eastern Siberia. The Irkutsk and Chita regions]. Irkutsk, 1969. 120 p. [In Russ.].

16. Nasledniki Alarskoj doliny. Sbornik nauchno-issledovatel'skikh rabot obuchajushchikhsja v obrazovatel'nykh uchrezhdenijakh Alarskogo rajona Irkutskoj oblasti (2010-2017 gg.). [Inheritors of the Alar Valley. Collection of the scientific papers of the learners of the educational institutions of the Alar district of the Irkutsk region (2010-2017)]. Irkutsk, 2018. 252 p. [In Russ.].

17. Kratkij obzor netorykh rodoplemennykh grupp tuvincev po dannym mezhdisciplinarnykh issledovanij [Short review of some tribal groups of the Tuvans according to the data of interdisciplinary research]. URL: <file:///C:/Users/user/Downloads/kratkij-obzor-nekotoryh-rodoplemennyh-grupp-tuvintsev-po-dannym-mezhdistsiplinarnyh-issledovaniy.pdf> (15.02.22). [In Russ.].

18. Aiyzhy E. V., Kongu A.A. Rodoplemennyje gruppy tuvincev Todzhinskogo rajona respubliki Tuva na sovremennom etape (po materialam polevykh issledovanij) [Tribal groups of the Tuvans of the Todzha district of the Republic of Tuva at the present stage (based on materials of the field research)]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rodoplemennye-gruppy-tuvintsev-todzhinskogo-rayona-respubliki-tuva-na-sovremennom-etape-po-materialam-polevykh-issledovaniy> (24.09.22). [In Russ.].

19. Rassadin I. V. Khozjajstvo, byt i kul'tura tofalarov [Householding, daily activities and culture of the Tofalars]. Ulan-Ude, 2005. 202 p. [In Russ.].

20. Mozhaev I. A. Zametka o mungalakh [Note about the Mungals] // Izvestija VSORGO [News of ESDRGS]. 1905. V. XXXVI URL: http://ellibnb.library.isu.ru/cgi-bin/irbis64r_15_vsorgo/cgiirbis_64.htm (18.11.21). [In Russ.].

21. Pavlov E. V. K definicii samodijskogo komponenta v etnogenezise predbajkal'skikh burjat (po materialam etimologicheskogo analiza rodovykh etnonimov plemeni ekhirit) [To the definition of the Samoyed component in the ethnogenesis of the Buryats of Cisbaikalia (on the materials of the etymological analysis of the tribal ethnonyms of the Erkhirit tribe) // Istorija i kul'tura narodov Sibiri, stran Central'noj i Vostochnoj Azii : materialy IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf. // History and culture of the peoples of Siberia, Central and Eastern Asia : proceedings of the IV intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2010. Pp. 356-364. [In Russ.].

22. Tubchinov S. D. Rasselenije sartulov v Central'noj Azii [Dispersion of the Sartuls in Central Asia] // Mir Central'noj Azii : materialy mezhdunar. nauch. konf. T. 1 : Arkheologija. Etnologija [World of the Central Asia : proceedings of the intern. scient. conf. V 1 : Archaeology, Ethnology]. Ulan-Ude, 2002. Pp. 194-197. [In Russ.].

23. Alekseev D. A. O «territorial'nykh» dialektakh burjat-mongol'skogo jazyka [About «the territorial» dialects of the Buryat-Mongolian language] // Materialy nauchnoj konferencii po voprosam burjat-mongol'skogo jazyka [Proceedings of the scientific conference on the issues of the Buryat-Mongolian language]. Ulan-Ude, 1955. Pp. 74-96. [In Russ.].

24. Nanzatov B. Z. Srednevekovye tatory i Priangarje (po dannym «Sbornika letopisei» Rashid-ad-dina) [The Tatars of Middle Ages and the Priangarye (on the data of Rashid-al-Din's «Collection of chronicles») // Chingiskhan i sudby narodov Evrazii [Genghis khan and the destinies of the peoples of Eurasia]. Ulan-Ude, 2003, Pp. 99-102. [In Russ.].

25. Nanzatov B. Z., Sodnompilova M. M. Etnicheskij sostav Alarskoj stepnoj dумы v XIX v. [Ethnic composition of the Alar steppe duma in the XIX c.] // Sajano-Altajskij i Bajkal'skij regiony v obshchemongol'skoj istorii na rubezhe XXI veka : materialy mezhhregion. nauch. konf., posvjashch. IX vstreche khongodorov [The Sayan-Altai and Baikal regions in the general Mongolian history at the turn of the

XXI century : proceedings of the Interreg. scient. conf. dedicated to the IX meeting of the Khongodors]. Ulan-Ude, 2013. Pp.86-96. [In Russ.].

26. Rumyantsev G. N. Predaniya o proiskhozhdenii alarskikh burjat [Legends about the origin of the Alar Buryats] // Etnograficheskiy sbornik [Ethnographic collection]. Ulan-Ude, 1961. Issue 2. Pp. 115-128. [In Russ.].

27. Pavlov E. V. K probleme genezisa i rannej etnicheskoj istorii burjatskikh rodov terte i shosholok [To the problem of genesis and early ethnic history of the Buryat tribes Terte and Shosholok] // Istorija i kul'tura narodov Sibiri, stran Central'noj i Vostochnoj Azii : materialy III mezhdunarodnoj nauch.-prakt. konf. [History and culture of the peoples of Siberia, countries of Central and Eastern Asia : proceedings of the III intern. scient.-pract. conf.]. Ulan-Ude, 2007. Pp. 228-338. [In Russ.].

Список информантов

1. Булытов С.С., 1948 г., род бадархан, с. Куркат Аларского района Иркутской области.

2. Балыкова И.С., 1935 г., род ашата, г. Улан-Удэ Республика Бурятия.

3. Дабанов В.Г., 1968 г., род шарануты, с. Куйта Аларского района Иркутской области.

Семенов Е. В.

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЬСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

В статье рассматриваются вопросы творческой деятельности ссыльных участников польского восстания 1863-1864 гг. во время следования их по этапу и пребывания на каторжных работах на территории Забайкальской области. Автор привлекает широкий круг исторических источников для реконструкции основных направлений творческой деятельности. Наиболее распространенными формами творческой активности ссыльных в рассматриваемый период являлись музыка, живопись и рисунок, театральные постановки, а также различные формы образовательной деятельности.

Ключевые слова: польские ссыльные, творческая деятельность, польские художники, театральные постановки.

Semyenov Ye. V.

CREATIVE ACTIVITY OF THE POLISH EXILES IN TRANSBAIKALIA

The article considers the issues of the creative activity of the Polish exile participants of the uprising of 1863-1864 during their way under the special convoy and doing hard labor on the territory of the Transbaikal region. The author uses a wide range of historical sources to reconstruct the main directions of the creative activity. Music, painting and drawing, theatrical performances, various forms of educational activity were the most common forms of creative activity of the exiles in the period under consideration.

Keywords: the Polish exiles, creative activity, the Polish artists, theatrical performances.

Потребность в творчестве является самой высшей потребностью человека. Согласно пирамиде потребностей А. Мас-

лоу она занимает высшую точку потребностей человека. Искусство позволяет творческой личности выразить свои внут-

ренние чувства и желания, а для группы – выступает маркером и позволяет сформировать чувство единения [12, с. 163-164].

Особую роль творческая деятельность играет в условиях ограничения свободы и заключения. Одним из первых творческой деятельности лиц, находящихся в местах заключения, посвятил свою работу российский исследователь П.И. Карпов [7]. В своей работе автор рассматривал формы творческой деятельности заключенных, а также влияние творчества на внутренний мир заключенного и возможности использования творчества при исправлении.

Вопросам творческой деятельности поляков на каторжных работах и поселении на территории Байкальского региона уделяли внимание как российские, так и польские исследователи в XIX и XX вв. [10, 11]. Особенно активно данное направление исследования стало изучаться в начале XXI в. В основном российские и польские исследователи рассматривали художественную деятельность польских ссыльных, в первую очередь, рисунок и живопись [9].

Первые упоминания о творческой активности сосланных в Сибирь поляков мы встречаем в воспоминаниях самих ссыльных. Угнетенное психологиче-

ское состояние заключенных во время этапирования в сибирские рудники и заводы заставляло их искать средства для восстановления психологического равновесия. Именно творчество в сложившейся ситуации являлось одним из действенных инструментов психологической защиты. Наиболее распространенными средствами являлись различного рода образовательные формы, включавшие в себя кружки по интересам, классы по изучению гуманитарных, точных или естественно-исторических дисциплин, иностранных языков. Зачастую в среде поляков, размещавшихся на этапах в крупных сибирских городах, разворачивались серьезные политические споры и диспуты.

Сигизмунд Минейко¹ следующим образом описывал взаимоотношения польских ссыльных и их творческую активность во время движения по этапам: «В этой грустной доле мы чувствовали потребность спасения друг друга поскольку являлись братьями, брошенными на пропасти бездорожья. Мы стали любящими братьями, состоящими из молодых и старых без сословных различий.

¹ Минейко Сигизмунд (1840-1925) участник польского восстания 1863-1864 гг. Приговорен к смертной казни, замененной 12 годами каторжных работ. Во время следования на каторгу совершил побег.

Все были готовы помогать друг другу и делиться своим имуществом и моральной поддержкой. Любовь и тоска по утраченной родине все более возрастала, и мы жили и выносили все проблемы, оживленные надеждой возвращения на родину. Иначе легко можно было стать сумасшедшим и закончить самоубийством» [15, с. 384].

В воспоминаниях ссыльный также описывал традиционное времяпрепровождение на пересыльных этапах, заключавшееся в чтении художественной литературы, обучении иностранным языкам, истории, философии, а также практическим навыкам, музицировании на скрипках, флейтах, гитарах и кларнетах [15, с. 398].

Наиболее популярными практическими занятиями были ремонт часов, резьба по дереву и кости [15, с. 390]. Многие ссыльные обучались шитью, скорняжному искусству.

По прибытии в Иркутск, польские ссыльные Экспедицией о ссыльных распределялись на места отбывания каторжных работ на территории Иркутской губернии и Забайкальской области. Основными местами каторги в рассматриваемый период являлись Петровский железодобывательный завод, Сивяковское тюремное помещение, Александровский сереброплавильный завод, Усольский со-

леваренный завод, Братский железодобывательный завод, Усть-Кутский солеваренный завод и др. Зачастую в местах отбывания каторжных работ не было необходимого объема каторжных работ, в связи с чем многие ссыльные не привлекались к работам и обладали достаточным количеством свободного времени.

Идея скорейшего освобождения из каторжных работ, подпитываемая в том числе императорскими манифестами 1866 и 1868 гг., стимулировала творческую активность польских ссыльных, находившихся в Забайкалье. Наиболее распространенными видами творческой деятельности польских ссыльных были изобразительное искусство, музыка и театральное творчество.

Музыка сопровождала польским ссыльным в том числе и во время их следования по этапам. Очередной раз обратимся к воспоминаниям С. Минейко. Автор пишет о концертах, свидетелем которых он сам являлся: «Поскольку среди нас находилось несколько музыкантов, имеющих скрипки и флейты, начался тихий вечерний концерт, а также художественный хор, воспроизводивший тоскливые тона, отвечавшие чувствам в душах, охваченных горечью» [15, с. 385]. По мере движения партии по

этапу формировался хор ссыльных, включавший в себя как любителей, так и профессиональных музыкантов [15, с. 390].

Музыкальное творчество польских ссыльных являлось одной из наиболее распространенных форм творческой деятельности. Даже те из ссыльных, которые не обладали музыкальным талантом и слухом старались проявить себя в данном направлении [15, с. 390].

Находившийся одновременно с польскими ссыльными в Петровском железоделательном заводе в 60-е гг. XIX в. В. Обручев таким образом описывал музыкальное творчество ссыльных поляков: «По вечерам оттуда (из острога – Е.С.) часто слышалось хорошее хоровое пение. При возвращении моем с прогулки по ближайшим горам эти звуки часто заставляли меня останавливаться и слушать. Иногда ссыльные пели песни, отправляясь на работу или возвращаясь с нее. Слов я не мог расслышать и даже не в состоянии был бы сказать на каком языке они пели» [8, с. 575].

Хотя автор воспоминаний не был близко знаком с польскими ссыльными, поскольку содержался отдельно от поляков, тем не менее ему приходилось периодически с ними встречаться. По его словам, не увенчалась успехом идея фран-

цузского ссыльного Э. Андреоли² доставить в тюремное помещение по инициативе единственное на тот момент в Петровском заводе фортепиано [8, с. 576].

По свидетельству П.Д. Баллода³, отбывавшего каторжные работы на Александровском сереброплавильном заводе в одно время с Н.Г. Чернышевским и польскими ссыльными, поляки активно занимались музыкальным творчеством. В своих воспоминаниях российский революционер описывает курьезный случай, произошедший на Александровском заводе с музыкальными экспериментами польских ссыльных: «Но случилось следующее: среди его соседей поляков развилось нечто вроде болезни – музыкальная мания. На них на всех почти напала охота учиться играть на скрипке. Это был, пожалуй, естественный исход для людей, обреченных на полную бездеятельность, так как иначе им тоже пришлось бы превратиться в спящих сурков, каким стал караульный казак. Для развития этой болезни доста-

² Андреоли Эмилий – участник польского восстания 1863-1864 гг. Отбывал наказание каторжными работами на Петровском железоделательном заводе в 1860-е гг.

³ Баллод П.Д. (1839-1918) русский революционный демократ. Отбывал каторжные работы в Сивяковском тюремном помещении и на Александровском сереброплавильном заводе.

точно было одному-двум из них сыграть несколько песен, особенно патриотических, и вот это вызвало энтузиазм, который охватил массу. К несчастью Н.Г., меломаны к тому же подобрались не совсем удачно. Вышло как-то так, что по соседству с ним помещались поляки-мастеровые, по ремеслу колесники. Как люди, привыкшие к скрипу колес, они относились к этому звуку не только спокойно, но и с некоторым даже энтузиазмом, так как он напоминал им лучшее время – родину, семью. Но если принять во внимание, что скрипки были изготовлены этими же колесниками, то легко себе представить, какие этот оркестр исполнял мелодии. И вот такие концерты стали даваться с утра до вечера по обе стороны комнаты Чернышевского! По утрам играли «соло», после обеда «дуэты», «трио» и «квартеты», а к вечеру эти «артисты», составив общий оркестр, доходили до наибольшей ярости. Не думайте, однако, что эти любители музыки хотели сделать неприятность москалю Чернышевскому. Напротив, они искренне думали, что услаждают его слух, и поэтому даже иногда приглашали его к себе на чай и заодно послушать «музыку». Чернышевский иногда принимал это приглашение, но тогда наиболее ярые колесники-

музыканты не участвовали в оркестре. Об этой музыке Н.Г. говорил только: «Это ужасно, ужасно!». Чтобы избавиться от наибольшего параксизма этих меломанов, Чернышевский под их музыку спал, а работал обыкновенно по ночам» [1, с. 143-144].

Кроме польских ссыльных в указанный период на Александровском сереброплавильном заводе отбывали наказание русские революционные демократы. По словам П.Д. Баллода, среди русских ссыльных также сформировался хор, который периодически давал небольшие концерты [1, с. 239-240].

Таким образом пение являлось наиболее распространенным видом творческой деятельности среди польских ссыльных, поскольку не требовала дополнительных расходов и специальных талантов. Сложнее было с музыкальным исполнением, поскольку не все ссыльные обладали музыкальными инструментами и могли себе позволить приобрести их в условиях каторги.

После выхода на поселение в Иркутск некоторая часть польских ссыльных продолжила заниматься музыкальным и хореографическим искусством. Так, в 1875 г. в Иркутске согласно списку ссыльных и рода их занятий числилось 12 человек, которые занимались музы-

кой [6, Л. 2 об., 9 об., 11 об., 13 об.].

В среде польских ссыльных бывали случаи организации театральных постановок. Один из таких фактов зафиксировал на своем рисунке Ю. Беркман, отбывавший каторжные работы в Сивяковском тюремном помещении. Достаточно подробно рисунок был проанализирован польским исследователем Е. Фечко [13].

О регулярных театральных постановках в Сивяково свидетельствует находившийся на каторжных работах в Сивяковском тюремном помещении Л. Зелонко. По его словам, организатором театральных постановок явился ссыльный Людвиг Левинский⁴ [3, Л. 2], а на импровизированной сцене выступали: Моргулец из Волыни⁵, Гвяздовский «с таким талантом, что лучшая сцена не постыдилась бы их» [14, с. 49].

На Александровском сереброплавильном заводе также

осуществлялись театральные постановки как русскими, так и польскими ссыльными: «В это же время составился театр, на котором играли какую-то пьесу его же (Н.Г. Чернышевского – Е.С.) сочинения. Была еще поставлена другая пьеса Ляндовского⁶, бывшего начальника польских жандармов во время восстания» [1, с. 143].

Подтверждает слова Баллода и С.Г. Стахевич, который также отбывал наказание на Александровском сереброплавильном заводе: «Изредка, два или три раза в году, любители сценического искусства устраивали подобные спектакли или даже оперы. Несколько пьесок для этих спектаклей написал Чернышевский» [1, с. 240].

Б. Дыбовский, находившийся на каторжных работах в Забайкалье в 60-е гг. XIX в., зафиксировал в своих воспоминаниях случай театрализованного представления по случаю прибытия в Читу летом 1868 г. генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова [16, с. 282-283]. Основными идейными вдохновителями данной постановки явились польские ссыльные, находившиеся в данное время в областной столице

⁴ Левинский Людвиг Людвигович – участник польского восстания 1863-1864 гг., приговорен к 12 годам каторжных работ в рудниках. На каторжных работах находился на Петровском железоделательном заводе и Сивяковском тюремном помещении.

⁵ В рассматриваемый период в Сивяковском тюремном помещении на каторжных работах находились два брата Моргулец – Степан и Болеслав. Вопрос кто из них мог выступать на импровизированной сцене, требует дальнейшего исследования.

⁶ Ляндовский Павел – участник польского восстания 1863-1864 гг. В 1867-1870 гг. находился на каторжных работах на Александровском сереброплавильном заводе. 17 февраля 1870 г. отправлен в Иркутск.

Чите, а также в близлежащих местах каторжных работ. Преподававший танцы в Чите польский ссыльный Франц Мейбаум⁷ [4, Л. 47 об.] предложил поставить театрализованное оперо-балетное представление, «что-то в стиле берлинского балета «Флик и Флок»⁸. Музыка была написана Ромуальдом Пытлевским⁹ [2, Л. 254], шуточные стихотворения В. Марчевским и Н. Эпштейном, а основными действующими лицами выступили жители Читы, представители местного купечества и чиновники областного управления. На роль ангелочков были взяты девочки из семей чиновников [16, с. 282]. Декорации для импровизированного концерта в зале собраний написал художник С. Вронский, который был специально для этого приглашен из Дарасуна, где он находился на работах [16, с. 282].

⁷ Мейбаум Франц – участник польского восстания 1863-1864 гг., приговорен к 10 годам каторжных работ в крепостях. На каторжных работах находился в Сивяковском тюремном помещении.

⁸ Балет «Приключения Флика и Флока» (нем. «Flick und Flock Abentener») Поля Тальони впервые был поставлен в 1858 г. на сцене Берлинского оперного театра. Со временем получил большую популярность во многих странах Европы.

⁹ Пытлевский Ромуальд Максимович – участник польского восстания 1863-1864 гг., приговорен к 8 годам каторжных работ на заводах. На каторжных работах находился в Сивяковском тюремном помещении и Дарасуне.

После выхода на поселение польские ссыльные старались найти себе заработок в соответствии со своими умениями. Так, Войцех Бушинский, причисленный на поселение в Кенонское селение, 12 июня 1874 г. обращался к Читинскому окружному исправнику с прошением разрешить ему проживать в Чите, поскольку «зная ремесло резать печати и исправлять часы посредством которого извлекаю себе средство к существованию мне необходимо проживать в городах» [5, Л. 28]. Зачастую ссыльные поляки получали разрешение на проживание в крупных населенных пунктах и городах. Данное обстоятельство не только значительно облегчало ссыльным поиск заработка в соответствии со своим ремеслом, но и расширяло предложение товаров и услуг на местном рынке.

На поселении большинство поляков, обладавших живописным талантом, стремились обосноваться в Иркутске, где проще было найти достойный заработок. Самая крупная колония польских ссыльных в конце 60-х-70-е гг. XIX в. была сосредоточена в Иркутске. По материалам полицейского надзора за проживавшими в губернской столице ссыльными известно, что в 1876 г. 15 из них занимались различными видами твор-

ческой деятельности. Ювелирным мастерством занимались Любенау Станислав и Шницер Пинкус, граверным искусством трудился Шушковский, в фотографических салонах работали Катерля Станислав, Войщицкий Игнатий, Беркман Юзеф [6, Л. 3, 4 об., 8 об.].

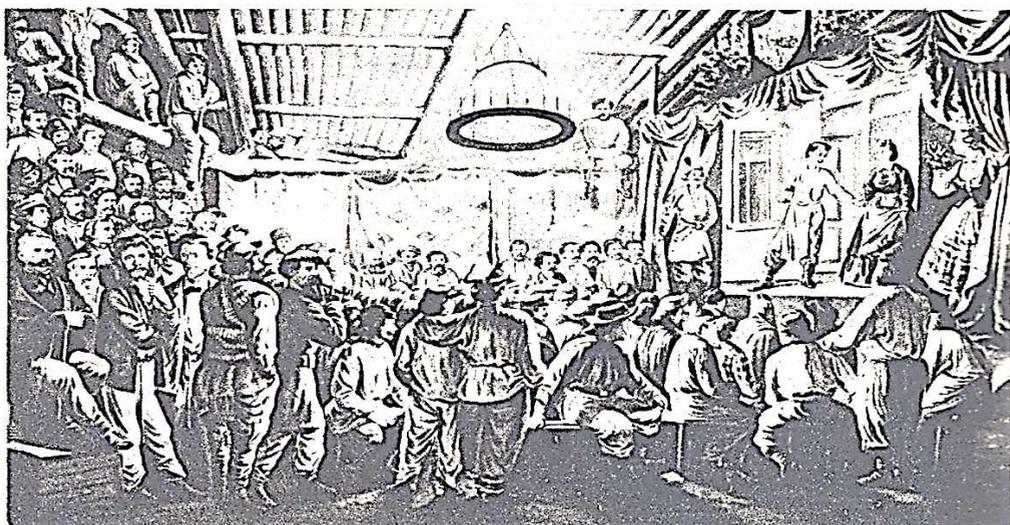
Подводя итог, следует отметить, что польские ссыльные, отбывавшие каторжные работы в Забайкалье и сосредоточенные на горных заводах и рудниках, стремились к сохранению культурных традиций, развитию некоторых направлений творческой деятельности.

После выхода на поселение некоторые польские ссыльные нашли применение своим твор-

ческим способностям и занимались живописью, музыкой. Основным центром, где польские ссыльные могли реализовать себя в творчестве в рассматриваемый период, был Иркутск. Именно в губернскую столицу стремились переехать польские ссыльные для приискания себе выгодного занятия. В некоторых случаях творческие таланты позволяли поселенцам найти достойный заработок и значительные средства для жизни.

На сегодня в ряде сибирских музеев сохранилось значительное количество художественных произведений польских ссыльных, свидетельствующих об активной творческой деятельности [11, с. 26].

Рис. 1.

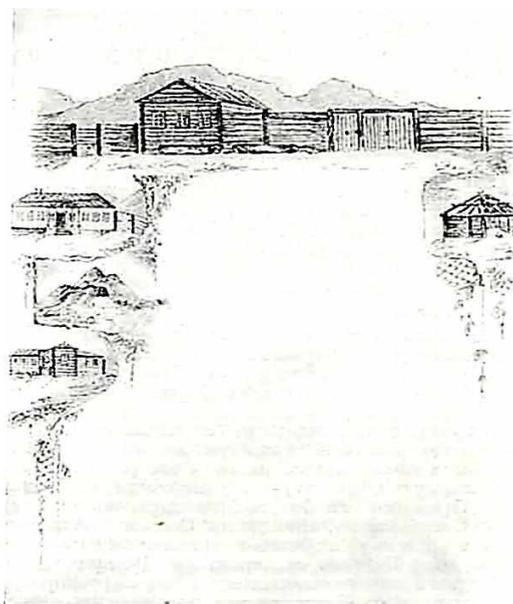
Театр польских ссыльных в Сивяково. 1860-е гг. Ю. Беркман (Fiećko J. Teatr w kajdanach : na marginesie zapomnianego obrazu Józefa Baerkmana // Pamiętnik Teatralny. Kwartalnik poświęcony historii i krytyce teatru założony przez Leona Schillera. 1995. z. 3-4 (175-176). S. 411-426.)

Рис. 2.

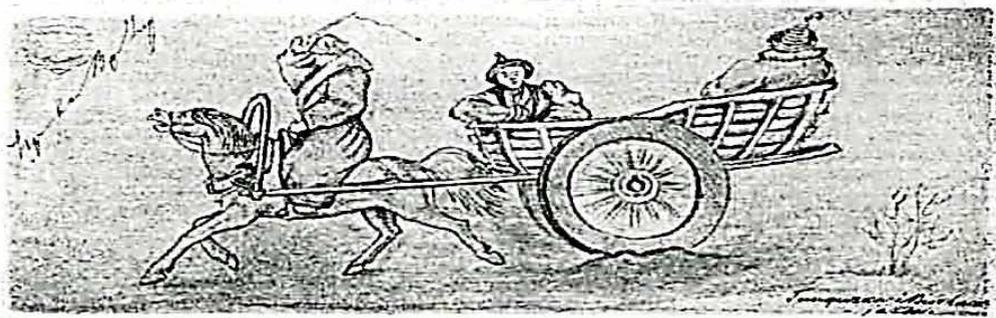
Рисунок польского ссыльного. Ю. Беркман. 1860-е гг.
Музей войска польского (Польша, Варшава)

Рис. 3.

Виды Кадаи. Виньетка на почтовой бумаге.
1866 г. Польский ссыльный (имя не установлено).

Радзиловская Ф.Н. Места каторги Чернышевского в рисунках польских политических ссыльных 1860-х годов // Литературное наследство. 1959. Т. 67. С. 141-156.

**Сцены из быта населения Александровского завода. 1865-1866 гг.
Польский ссыльный (имя не установлено)**

Радзиловская Ф.Н. Места каторги Чернышевского в рисунках польских политических ссыльных 1860-х годов // Литературное наследство. 1959. Т. 67. С. 141-156.

Примечания

1. Валескали П. И. Революционный демократ Пётр Давыдович Баллод : материалы к биографии. Рига : Зинатне, 1987. 302 с.

2. ГАЗК (Государственный архив Забайкальского края). Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 867. Л. 254.

3. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 874. Л. 18.

4. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 7973. Л. 28.

5. ГАЗК. Ф. 1. Оп. 2 (п). Д. 41. Л. 47 об.

6. Государственный архив Иркутской области. Ф. 91. Оп. 1. Д. 315.

7. Карпов П. И. Творчество заключенных (рисунки, скульптура и работы мастерских). М. : Изд-во Народного комиссариата внутренних дел, 1929. 82 с.

8. Обручев В. А. Из пережитого // Вестник Европы. 1907. Т. 3. С. 565-598.

9. Радзиловская Ф. Н. Места каторги Чернышевского в рисунках польских политических ссыльных 1860-х годов // Литературное наследство. 1959. Т. 67. С. 141-156.

10. Семенов Е. В. Творчество польских художников в Забайкалье в 60-е гг. XIX в.: Станислав Вронский // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. Улан-Удэ, 2018. № 3(7). С. 120-128.

11. Семенов Е. В. Художественное наследие польских художников XIX в. в Забайкалье: проблемы выявления, изучения, сохранения и презентации // Сохранение, изучение и популяризация

наследия: опыт участия и векторы развития : материалы Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., (18 апр. 2019 г., Республика Бурятия, г. Улан-Удэ). Улан-Удэ : Изд.-полигр. комплекс ФГБОУ ВО ВСГИК, 2019. Т. 1. С. 25-28.

12. Юнкер Т. Эволюция человека = Die Evolution des Menschen / пер. с нем. П. Щекиной. Минск : Дискурс, 2020. 192 с.

13. Fiećko J. Teatr w kajdanach : na marginesie zapomnianego obrazu Józefa Baerkmana // Pamiętnik Teatralny. Kwartalnik poświęcony historii i krytyce teatru założony przez Leona Schillera. 1995. z. 3-4 (175-176). S. 411-426. [In Polish].

14. Jastrzębiec Zielonko Z. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863-1869. Kraków : Spółka Wydawnicza w Krakowie, 1906. 319 s. [In Polish].

15. Mineyko Z. Z tajgi pod Akropol. Wspomnienia z lat 1848-1866. Warszawa : Instytut Wydawniczy Pax, 1971. 552 s. [In Polish].

16. Pamiętnik dra B. Dybowskiego od roku 1862 począwszy do roku 1878. Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 627 с.

References

1. Valeskali P. I. Revoljucionnyj democrat Pjetr Davydovich Ballod : materialy k biografii [The revolutionary democrat Petr Davydovich Ballod : materials to the biography]. Riga, 1987. 302 p. [In Russ.].

2. GAZK (Gosudarstvennyj arkhiv Zabajkal'skogo kraja) [SATR (State archive of the Transbaikal region). F.1. Inv. 1 (o). C. 867. L. 254. [In Russ.].

3. GAZK [SATR]. F.1. Inv. 1 (o). C. 874. L. 18. [In Russ.].

4. GAZK [SATR]. F. 1. Inv. 1 (o). C. 7973. L. 28. [In Russ.].

5. GAZK [SATR]. F.1. Inv. 2 (p). C. 41.L. 47 reg. [In Russ]

6. Gosudarstvennyj arkhiv Irkutskoj oblasti [State archive of the Irkutsk region]. F. 91. Inv. 1. C. 315. [In Russ.].

7. Karpov P. I. Tvorchestvo zakljuchennykh (risunki, skul'ptura i raboty masterskikh) [Creativity of the prisoned (drawings, sculpture and works of the workshops]. M., 1929. 82 p. [In Russ.].

8. Obruchev V. A. Iz perzhitogo [From the experience] // Vestnik Yevropy [Bulletin of Europe]. 1907. V. 3. Pp. 565-598. [In Russ.].

9. Radzilovskaya F. N. Mesta katorgi Chernyshevskogo v risunkakh pol'skijkh politicheskikh ssyl'nykh 1860-kh godov [Chernyshevsky's places of exile in the drawings of the Polish political exiles of the 1860s] // Literaturnoje nasledstvo [Literary heritage]. 1959. V. 67. Pp. 141-156 [In Russ.].

10. Semyenov Ye. V. Tvorchestvo pol'skikh khudozhnikov v Zabajkal'je v 60-je gg. XIX v.: Sranislav Bronskij [Creativity of the Polish artists in Transbaikalia in the 60s of the XIX c.: Stanislaw Vronsky] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of East Siberian state institute of culture]. Ulan-Ude, 2018. № 3(7). Pp. 120-128. [In Russ.].

11. Semyenov Ye. V. Khudozhestvennoje nasledije pol'skikh khudozhnikov XIX v. v Zabajkalje: problemy vyjavenija, izuchenija, sokhraneniija i prezentacii [Artistic heritage of the Polish artists of the XIX c. in Transbaikalia: problems of revealing, studying, preserving and presenting] // Sokhraneniije, izuchenije i populjarizacija nasledija: opyt uchastija i vektory razvitija : materialy Vseross. s mezhdunar. uchastijem nauch.-prakt. konf., (18 apr. 2019, Respublika Burjatia, g. Ulan-Ude) [Preserving, studying and popularizing heritage: experience of participation and vectors of development : [proceedings of the All-Russ. with intern. partic. scient.-pract. conf., (18 Apr. 2019, the Republic of Buryatia, Ulan-Ude city)]. Ulan-Ude, 2019. V. 1. Pp. 25-28. [In Russ.].

12. Yunker T. Evoljucija cheloveka [Die Evolution des Menschen] / transl. from German by P. Shchekina. Minsk, 2020. 192 p. [In Russ.].

13. Fiećko J. Teatr w kajdanach : na marginesie zapomnianego obrazu Józefa Baerkmana // Pamiętnik Teatralny. Kwartalnik poświęcony historii i krytyce teatru założony przez Leona Schillera. 1995. z. 3-4 (175-176). S. 411-426. [In Polish].

14. Jastrzębiec Zielonko Z. Wspomnienia z Syberyi od roku 1863-1869. Kraków : Spółka Wydawnicza w Krakowie, 1906. 319 s. [In Polish].

15. Mineyko Z. Z tajgi pod Akropol. Wspomnienia z lat 1848-1866. Warszawa : Instytut Wydawniczy Pax, 1971. 552 s. [In Polish].

16. Pamiętnik dra B. Dybowskiego od roku 1862 począwszy do roku 1878. Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 627 s. [In Polish].

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

DOI 10.31443/2541-8874-2022-4-24-38-44

УДК 39(=512.31):7.048

Дандарон М. Б., Цыренова С. Б.-О.

ПРИРОДНЫЙ УЗОР И ОРНАМЕНТ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

В статье исследован бурятский орнамент, как сфера художественного творчества, универсальная для всех народов мира. Предпринята попытка изучения генезиса орнамента в историческом и мировоззренческом ключе. Рассмотрено символическое значение природных узоров, составляющих бурятский орнамент, их выразительное содержание, также функции, которые имеют кроме эстетических, утилитарное и сакральное значение.

Ключевые слова: орнамент, узор растительный, узор зоморфный, семантика, народная культура, творчество, символы, сакральный смысл.

Dandaron M. B., Tsyrenova S. B.-O.

NATURAL PATTERN AND ORNAMENT IN THE BURYATS' TRADITIONAL CULTURE

The article has examined the Buryat ornament as a sphere of artistic creativity universal for all peoples of the world. The attempt has been made to study the genesis of the ornament phenomenon taking into consideration history and ideology. The authors consider symbolic meaning of the natural patterns that make up the Buryat ornament, their expressive content, and also functions that have utilitarian and sacred significance besides aesthetic.

Keywords: ornament, floral pattern, zoomorphic pattern, semantics, folk culture, creativity, symbols, sacred meaning.

Орнамент представляет собой особое явление в культуре человечества. Это шаг человека к образному мышлению, позволивший ему выделиться из

природы. Орнамент – это алфавит художественного мышления человечества, и отражение черт души народа, национального характера [4, с. 3].

Начальные представления о мире у древних людей строились на анимизме – вере в душу, духов, одухотворение предметов и явлений окружающего мира. Причиной таких представлений были вера в единство мира, во взаимосвязь человека с природой, а также ограниченный запас знаний, страх и бессилие перед силами природных стихий. Такое представление о мире диктовало законы нравственности, морали, которые предписывали человеку этическое поведение по отношению к окружающему миру, природе. С древности в орнаментальных композициях запечатлена космическая упорядоченность модели мира.

Возможно, что первые рисунки узоров создавали люди, обладающие техниками вхождения в транс (персональные состояния сознания), речь идет о шаманах, значимых и могущественных членах древнего общества. Создание подобных рисунков-узоров имело сакральный смысл и доступны такие практики были только шаманам. Вероятно, именно по этой причине содержание, ритм и порядок изображенных элементов и узоров орнамента несут в себе таинственный смысл, до сих вызывают интерес, удивление, восхищение перед их красотой и загадочностью. Со временем, после опре-

деленных обрядов посвящения, право наносить орнаменты получили и простые люди, желающие защитить себя и свой род от злых духов.

По мнению ученых историков, орнаментальные формы закладывались в период с неолита по бронзовый век. Первые простейшие орнаменты появлялись и развивались по мере накопления знаний человека об окружающем его мире. Декоративное искусство разных народов имеет индивидуальные черты и характерные особенности, что проявляется в мотивах орнамента, цветовом колорите, характере узоров, декоративных формах и техническом исполнении. Богатство флоры и фауны окружающего мира, в зависимости от природных и географических условий проживания народа, было и является источником разнообразных природных материалов для декоративного искусства: дерево, кора, корни, шкуры животных, рога и др. Из растительного и животного сырья изготавливали минеральные и органические краски, отличавшиеся прочностью и долговечностью. Все это накладывало отпечаток на своеобразие и самобытность материальной и духовной культуры разных народов в период формирования их этнической специфики и художественной традиции.

Первые орнаменты появились уже на каменных орудиях труда. Орнамент состоял из простых фигур в виде кругов, прямых и волнистых линий, спиралей. Настенные росписи в отдельных первобытных пещерах представлены изображениями животных, птиц и человека. Орнамент наносился практически на любые поверхности. Часто орнамент образуют не только простые формы, а также включают фигуры животных, птиц, цветов, рыб и фигур человека. В культуре народов мира представлены богато орнаментированные одежда, костюмы, головные уборы, украшения, детали интерьера, предметы домашнего обихода, архитектурные детали, оружие, также поверхности тела – татуировка. «На ножах и огнивах мастера чаще изображали декоративные элементы и символы, которые стали прерогативой орнаментации мужских украшений: «роговидный узор», «улзы», «анималистические мотивы» – «звериный стиль»» [1, с. 6]. Такие узоры характерны для восточных народов, он распространён и среди монгольских племен.

Орнамент складывается из составных частей – узоров. Узоры – это стилистическое изображение стихии и явления природы, смены времен года, разнообразие животного мира,

богатство растительного покрова земли, так человек отображал свое представление о мире. Эти знаки являются своеобразным универсальным языком кодирования и передачи информации, понятной всем. Узор состоит из отдельных элементов, которые могут складываться в разных вариациях, в результате чего появляется орнамент. Повторяющийся ритм, композиция, цвет в сочетании элементов узора задают определенный порядок и систему, которые формируют характер и тему орнамента.

Этническая специфика и особый характер народного художественного мастерства представлены в бурятском орнаменте и узорах. Выразительные особенности бурятского орнамента отражают верования народа, жизненный уклад, особенности природной среды, в которой жили многие предыдущие поколения, они несут настроение, выражают соотношение универсальных природных сил. Все это представлено в символическом изображении явлений природы: дождь, гроза, ветер, солнце, луна, звёзды, радуга и др. В бурятской мифологии широко представлены божества – животные и птицы, которые также широко введены в системы бурятского орнамента. «Семантический анализ природных образов на основе

мифологических и этнографических материалов показывает, что наиболее полно образ природы раскрыт в космогонических, астральных, тотемических мифах, где утверждается совершенство мироздания» [5].

Каждый орнамент имеет свое содержание, на которое оказывает влияние его функция, которая заключается не только в украшении и создании эстетичного внешнего вида. Орнамент несет визуальную информацию о назначении и специфике данного художественного изделия, к примеру, если это одежда, то характер орнамента несет информацию о гендерном различии, возрасте, профессии, специфике работы, увлечений и т.д. ее владельца. То же самое относится к предметам быта, архитектурным деталям, интерьерным украшениям и др.

Особое значение, возможно, главное для орнамента, имеет сакральная функция защиты человека. Традиционные костюм, украшения и другие предметы являются художественными изделиями, представляющими не только эстетическую ценность и удовольствие, но и несут в себе древнюю защитную функцию в виде символики многообразных орнаментов на одежде, украшениях, предметах быта. В богатом арсенале культуры народов мира особое место занимают

украшения, выполненные талантливыми народными мастерами из серебра, золота, драгоценных и полудрагоценных камней.

Богато орнаментированные украшения представляли собой не только красивые ювелирные изделия, но и имели главное назначение – оберегать и охранять человека от злых сил, и привлекать в качестве защиты добрые силы природы. Такие представления складывались издревле, в попытке человека разгадать таинство природных явлений и преодолеть страх перед таинственным неизвестным миром. Для привлечения защитных сил природы были использованы символы природы – неба, солнца, луны и др. в стилизованном виде, образующие узоры.

Детальное изучение узоров и орнаментов, многообразие их форм, палитры, открывает перед искусствоведами и этнографами своеобразие культуры народа, его традиции, обычаи, древние мировоззренческие мифы и легенды. Такие исследования дают возможность проследить генезис и развитие бурятского орнамента, его богатую историю. Ц.С. Сампиловым, одним из старейших бурятских художников, были запечатлены свыше 600 узоров, хранящихся в музейных фондах. Эти образцы были им со-

браны, по-видимому, из литературных источников, в частности, из статьи Б.Э. Петри «Орнамент кудинских бурят»; наследия П.П. Хороших; а также собственных эскизов орнаментов, зафиксированных во время поездок по районам республики, и инновационных вариантов» [2].

Бурятский орнамент имеет свое название «Угалза», что в переводе означает «узоры». Искусствоведами разработана классификация, которая выделяет четыре группы бурятского народного орнамента: геометрический, растительный, религиозный, зооморфный. В растительном орнаменте представлены стилизованные изображения травы, веток, листьев разных форм, многообразия цветов. Зооморфный орнамент представлен рисунками животных, а также завитков рогов, узоров звериных шкур, когтей, бивней, черепов животных. Весьма популярны изображения 12 животных из восточного календаря, особенно в преддверии Нового года по Восточному календарю, а также стилизованные изображения дракона, слона, льва, черепахи. «Разные виды животных – драконы, стилизованные львы – изображались на ножах и огнивах с целью уберечь их владельца от злых духов и придавать ему силу или качества, свойственные тем или

иным животным. Дракон олицетворял собой силу, исполнение всех желаний. Это излюбленный мотив бурятских мастеров, пластика которого давала возможность широкого проявления творческой фантазии» [1].

В бурятском орнаменте к группе растительных орнаментов относится один из главных символов буддийского учения – лотос. Лотос символизирует чистоту учения. Подобно тому как прекрасный тысячелепестковый цветок лотоса вырастает из гнилой воды болота, чистое сознание адепта буддизма способно вырасти из болота сансары. Ритмичные повторения цветка лотоса символизируют непреклонную силу и мудрости буддийского учения.

Универсальным является орнаментальный мотив Солнце – круглый диск, Луна – серповидный полумесяц. «Круг – один из универсальных знаков, обозначающий в неолитическую эпоху Небо, а позже – Солнце, один из самых распространенных мотивов в орнаменте предбайкальских бурят, встречаются во многих бытовых предметах» [3, с. 29].

На гербе Бурятии, Монголии соембо – диск Солнца и полумесяц – древние прародители монголоязычных народов.

Итак, заложенные еще в древности значение, содержа-

ние и функции орнамента остаются актуальными по настоящее время, не теряют они и своего сакрального значения. Техника исполнения, простота и чёткость линий, оригинальность композиции, а также целесообразность нанесения узора в соответствии с назначением предмета, определяет несомненную функциональность орнамента.

В настоящее время традиционное мастерство рисунка не утрачено, напротив, интерес к технике исполнения узора и орнамента, его содержанию, значению и тем функциям, которые ему приписывают, пережи-

вает новый творческий интерес со стороны художников, дизайнеров, мастеров декоративного искусства. Это дает повод для оптимистичного прогноза сохранения культуры народа в целом, учитывая широкую экспансию орнамента во всех областях не только художественного творчества, но и во многих областях жизни и деятельности человека. Сегодня орнаментами украшается религиозная атрибутика, талисманы, одежда и обувь, украшения, ювелирные изделия и бижутерия, предметы интерьера, мебель, посуда и другие бытовые предметы.

Примечания

1. Алексеева Т. Е. Стилистические особенности мужских серебряных украшений // Отражение символики традиционной культуры в искусстве народов Байкальского региона и центральной Азии : материалы Междунар. круглого стола. Улан-Удэ, 2001. С. 5-8.

2. Баторова Е. А. Бурятский орнамент XVIII-XX веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2000.

3. Баторова Е. А. Вариации мотива «Солнца и луна» в орнаментальном искусстве бурят // Отражение символики традиционной культуры в искусстве народов Байкальского региона и Центральной Азии : материалы Междунар. круглого стола. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2001. С. 29.

4. Сухарева Н. В. Орнаменты всех времен и стилей. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2014. 448 с.

5. Филончик О. А. Образ природы в традиционной культуре коренных народов Сибири (на материалах приенисейского края). Улан-Удэ : автореф. дис. ... канд. искусствоведения, 2015.

References

1. Alexeeva T. E. Stilisticheskiye osobennosti muzhskikh serebrjanykh ukrashenij [Stylistic peculiarities of male silver decorations] // Otrazhenije simboliki tradicionnoj kul'tury v iskusstve narodov Baikal'skogo regiona i central'noj Azii : materialy Mezhdun. kruglogo stola [Reflection of the symbolics of traditional culture in the art of the peoples of the Baikal region and central Asia : proceedings of the Intern. round table]. Ulan-Ude, 2001. Pp. 5-8 [In Russ.].
2. Batorova Ye.A. Burjatskij ornament XVIII-XX vekov : avtoref. dis... kand. iskusstvovedenja [The Buryat ornament of the XVIII-XX centuries : dissertation thesis ... candidate of Art History]. M., 2000. [In Russ.].
3. Batorova Ye. A. Variacii motiva «Solnca i luna» v ornamental'nom iskusstve burjat [Variations of the motive «The sun and the moon» in the Buryats' ornamental art] // Otrazhenije simboliki tradicionnoj kul'tury v iskusstve narodov Baikal'skogo regiona i central'noj Azii : materialy Mezhdun. kruglogo stola [Reflection of the symbolics of traditional culture in the art of the peoples of the Baikal region and central Asia : proceedings of the Intern. round table]. Ulan-Ude, 2001. P. 29. [In Russ.].
4. Sukhareva N. V. Ornamenty vsekh vremjen i stilej [Ornaments of all times and styles]. M., 2014. 448 p. [In Russ.].
5. Filonchik O. A. Obraz prirody v tradicionnoj kul'ture korennykh narodov Sibiri (na materialakh prijenisejskogo krja) [Nature image in the traditional culture of the indigenous peoples of Siberia (on the materials of the Pre-Yenisei region)]. Ulan-Ude : dissertation thesis ... candidate of Art History, 2015. [In Russ.].

Покацкий В. А.

ИППИЧЕСКИЙ ЖАНР В ЖИВОПИСИ ПОЛЬСКОГО ССЫЛЬНОГО ХУДОЖНИКА ЮЗЕФА БЕРКМАНА

Статья посвящена творчеству польского ссыльного художника второй половины XIX века Юзефа Беркмана. В своих произведениях он изображал лошадей, тем самым способствовал формированию иппического жанра. Проанализированы живописные полотна автора. Поднимается дискуссионный вопрос о том, является ли Юзеф Беркман первопроходцем иппического жанра на территории Байкальского региона.

Ключевые слова: иппический жанр, польское восстание 1863-1864 гг., ссылка, коллекции, художественное наследие, Юзеф Беркман, лошадь.

Pokatskiy V. A.

IPPIC GENRE IN PAINTING OF THE POLISH EXILED ARTIST JOZEF BERKMAN

The article is devoted to the creativity of Jozef Berkman, a Polish exiled artist of the second half of the XIX century. He portrayed horses in his works, thus contributing to the formation of the hippie genre. The author's paintings have been analyzed. The issue under discussion is raised whether Jozef Berkman is a pioneer of the hippie genre on the territory of the Baikal region.

Keywords: hippie genre, the Polish uprising of 1863-1864, exile, collections, artistic heritage, Jozef Berkman, horse.

Иппический жанр является одним из направлений в анималистике, где центральной фигурой художественной композиции является лошадь. В русской живописи XIX – начала XX вв. такой жанр выделяется в качестве обособленного направле-

ния, задавая ведущее направление анималистики того времени. На протяжении сотен веков анималистика занимала значительную долю и в искусстве Байкальского региона. Сначала это были фигурки из кости, затем сложные монументальные

изваяния ритуального назначения.

В XIX в. анималистика начинает занимать прочные позиции в живописи региона. Во многом это стало возможным благодаря ссыльным, среди которых было значительное количество людей, обладавших художественным талантом. Сначала это были декабристы [3], затем ссыльные поляки – участники восстаний 1830-1831 и 1863-1864 гг. [10, с. 524]. В отечественной живописи XIX в. лошадь становится одной из наиболее значимых фигур, встречаясь на полотнах всё большего количества жанров: бытового, исторического, батального. Тогда же популярность начали получать изображения знаменитых скакунов. Популярность лошадей в России обусловлена многими немаловажными факторами, в частности «тогдашняя, еще не знавшая железных дорог Россия более, нежели когда-либо, нуждалась для своего уже много-сложного быта в лошадиной культуре, и культура эта стояла, действительно так высоко, как никогда раньше» [5].

Появление иппического жанра в Байкальском регионе во многом связано с художественной деятельностью польских ссыльных, многие из которых обладали определенным художественным талантом и

проявили его во время пребывания на каторжных работах и на поселении. Вопросы участия польских политических ссыльных в культурной жизни Байкальского региона во второй половине XIX в. не нашли большого отражения в отечественной и зарубежной научной литературе. О многих работах и художниках имеется лишь общее представление. Основной источниковой базой исследования выступили исторические документы региональных архивов и художественное наследие польских ссыльных, находящееся на хранении в музеях региона.

Одним из наиболее характерных мастеров, работавших в иппическом жанре на территории Байкальского региона, являлся Юзеф Беркман. Начало художественной деятельности Юзефа Беркмана в Байкальском регионе связано с прибытием на каторжные работы за участие в освободительном восстании [1]. Стоит заметить, что профильного художественного образования Юзеф Беркман не получал, а навыки живописца осваивал в свободное от лекций время, посещая занятия в петербургской Академии художеств.

На территории Байкальского региона Юзеф Беркман оказался в 1865 г., приговорённый к каторжным работам сроком на 4 года за участие в польском

восстании 1863-1864 гг. [4, с. 37]. Здесь же, в условиях неволи и проявился художественный талант Беркмана. Каторжные работы художник отбывал изначально в Сивяковском тюремном помещении, в дальнейшем был перенаправлен на Александровский сереброплавильный завод. Примечательно то, что первые работы Юзефа Беркмана, написанные в Байкальском регионе, были посвящены именно каторжному быту осуждённых [8].

В 1866 г. каторжные работы Юзефу Беркману были заменены на поселение, благодаря манифесту императора Александра II. На поселение Юзеф Беркман был выслан в Братскую волость Нижнеудинского округа Иркутской губернии [1, с. 143]. Помимо освобождения от работ, переход на поселение принёс также и новые трудности – отныне художнику зарабатывать на жизнь приходилось самостоятельно. Некоторое время ссыльный работал носильщиком на Николаевском железоделательном заводе, расположенном недалеко от современного Братска [9, с. 459]. Позднее художник перебирается в г. Иркутск, для чего ему было необходимо ежегодно получать билеты, дающие право на проживание в столице Восточной Сибири. Разрешение на выезд с места ссылки Юзеф

Беркман получил в 1877 г. и переехал в г. Нижний Новгород [13]. В это же время и начинается новый виток в художественном творчестве, характеризующийся активным переходом к иппическому жанру [15, с. 523]. За один только 1877 г. Юзефом Беркманом были написаны картины «Тройка», «Всадник с двумя лошадьми» и «Пурга в Тункинской долине» совместно со Станиславом Вронским. Причём последняя картина с заснеженными пейзажами Тунки и лошадьми объединяет в себе характерные признаки творчества каждого художника [2]. В этот же период было написано полотно «Въезд Великого князя Алексея Александровича в Иркутск». В 1884 г. художником было получено разрешение на проживание в Варшаве. Однако, даже после отъезда из Иркутска, Юзеф Беркман продолжал принимать участие в художественных выставках, организованных в столице Восточной Сибири в конце XIX – начале XX вв. [7]. Одна из наиболее примечательных таких выставок прошла в помещении мужской гимназии г. Иркутск, с 28 декабря 1880 г. по 14 января 1881 г., где художником был представлен ряд живописных полотен, в т.ч. иппического жанра [11, с. 53].

Примечательно, что во второй половине XIX в. Юзеф

Беркман был единственным художником Байкальского региона, чьей кисти принадлежали картины в иппическом жанре. Безусловно, лошадь встречалась на полотнах и других художников, например, на картине П.Н. Рязанцева с видами г. Нерчинск, где лошадь с ездоком изображена на переднем плане. При этом само полотно пейзажного типа, лошади в нём отведена второстепенная «фоновая» роль. Что же касается остальных художников – современников Юзефа Беркмана, бывших и творивших в Байкальском регионе второй половины XIX в.: С. Вронский, Е.Е. Мейер, Дж. Фрост, С.Р. Бирнбаум – то у них работы пейзажного и портретного жанра.

Стоит отметить, что помимо полотен Юзефа Беркмана иппические мотивы встречаются на рисунках других польских ссыльных, чьё имя не установлено и несколько рисунков тушью с изображениями лошади принадлежат авторству С. Катерля, который также был ссыльным [6, с. 149]. Отличие данных работ от полотен Юзефа Беркмана в том, что они были написаны на листах бумаги и выполнены в графической манере и, соответственно, не могут быть причислены к живописным полотнам.

Иппический жанр занимает центральное место в живописи

Ю. Беркмана. Работы художника приобретали иркутские ценители искусства. Согласно сведениям искусствоведа А. Д. Фатьянова, известному иркутскому коллекционеру Л.М. Циммерману принадлежало полотно Ю. Беркмана «На почтовых зимой» [12, с. 127]. Судя по названию, данное полотно также следует отнести к рассматриваемому в нашей работе жанру, однако на данный момент мы не обладаем более полной информацией о данной картине.

На основании проведенного анализа Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации удалось выявить четыре картины Ю. Беркмана, включенных в состав Музейного фонда и хранящихся в Иркутском областном художественном музее им. В.П. Сукачева.

Работы Юзефа Беркмана, хранящиеся в Улан-Удэ в фондах Художественного музея им. Ц.С. Сампилова: «Въезд Великого князя Алексея Александровича в Иркутск» (1877) и «Парад» (1878). В коллекцию музея обе картины, согласно учётным документам, поступили в 1964 г. из фондов Краеведческого музея им. М.Н. Хангалова.

В Иркутском областном художественном музее хранятся полотна: «Тройка. (По москов-

скому тракту)» (1877), «Всадник с двумя лошадьми» (1877), «Пурга в Тункинской долине» (1877), «Четверка» (1914). Картины «Тройка» и «Всадник с двумя лошадьми». Они поступили в музей, по одним сведениям, в 1937 г., по другим – в 1943 г. в дар от коллекционера Н.Ф. Похолкова.

Неоднократно живописные произведения Ю. Беркмана, написанные им в период поселения в Иркутске, экспонировались как в самом Иркутске, так и в других сибирских городах. Полотно «Тройка» было представлено на следующих выставках: «Выставка в пользу иркутского комитета по оказанию помощи семьям ополченцев, призванных на военную службу» г. Иркутск, 1915 г.; «Подарки Иркутскому художественному музею» г. Иркутск, 1965 г.; «Русская живопись из собрания Иркутского областного художественного музея» г. Новосибирск, 2006 г. [16]. На выставке «Подарки Иркутскому художественному музею» в 1965 г. также экспонировалось полотно «Всадник с двумя лошадьми».

Картина «Пурга в Тункинской долине» до 1989 г. хранилась в коллекции известного иркутского фотографа Ю. А. Андрулайтиса, пока не была передана в музей. В Иркутске же и было приобретено полотно

«Четвёрка», поступившее в фонд музея в 1932 г.

Как следует из выше написанного, в музеях Байкальского региона насчитывается в общей сложности шесть живописных полотен Юзефа Беркмана, все они относятся к иппическому жанру. Многие из представленных произведений экспонировались на сибирских выставках и музею были переданы уже в советский период из частных коллекций.

Полотна Юзефа Беркмана, хранящиеся в музеях Улан-Удэ и Иркутска, не являются его единственными работами, известно ещё как минимум о трёх произведениях Юзефа Беркмана иппического жанра. В 1913 г. на выставке «Конь в польской живописи и скульптуре», состоявшейся в Кракове по инициативе Товарищества любителей искусства, Ю. Беркман представил три своих акварельных рисунка: «Казачи», «Скачки быстрой партии в Барабинской степи» и «Подземный пожар торфяных залежей в Барабинской степи» [14, с. 6]. К сожалению, в каталоге выставки был представлен только последний рисунок. В экспозиционных залах Байкальского региона данные работы не выставлялись.

Несмотря на распространённость иппического жанра среди российских живописцев,

на территории Байкальского региона он не снискал большой популярности, поддерживаемый во многом лишь благодаря усилиям ссыльных художников, в числе которых и был Юзеф Беркман, ставший здесь наиболее значительной фигурой в живописи данного жанра.

Автором данной статьи предпринята попытка осветить данный вопрос с привлечением широкого круга отечественных и зарубежных источников, мемуарного наследия и научной литературы. В статье представлена реконструкция небольшого периода жизни художника, имевшего большое значение для развития его творческого потенциала.

Юзеф Беркман за время каторжных работ, поселения и освобождения создал значительное количество работ. Основными темами его художественного творчества явились ссылка и анималистика. В настоящее время его работы находятся на хранении в музейных собраниях Литвы, Польши, России и Украины. Неизвестными остаются произведения художника, хранящиеся в частных коллекциях. К большому сожалению, полного собрания рисунков и полотен, принадлежавших кисти Юзефа Беркмана

как единого документального комплекса до настоящего времени не сохранилось. Одним из актуальных вопросов остается выявление, изучение и презентация наследия художника.

Безусловно, уже сама ссылка за многие тысячи километров от родного края является достаточно суровым наказанием, однако вместе с тем бытовало мнение, что сосланный человек уже не является опасным элементом, чем зачастую объясняется некоторая лояльность со стороны надзорных органов по отношению к ссыльным полякам. Им зачастую позволялось заниматься творчеством, ремеслом, торговлей, преподаванием и исследованиями, в то время как привлечение к непосредственно каторжному труду сводилось к минимуму. В этом плане положение Ю. Беркмана мало чем отличалось от положения его земляков.

В завершение написанного можно сделать вывод, что во многом благодаря ссыльным польским художникам, которые несмотря на то, что не были первопроходцами в плане придания анималистическому искусству светского направления, поспособствовали его дальнейшему развитию, особенно в иппическом жанре.

Примечания

1. Болонев Ф. Ф., Люцидарская А. А., Шинковой А. И. Ссылльные поляки в Сибири XVII, XIX вв. Новосибирск : Книжица, 2007. С. 167.

2. Булгаков Ф. И. «Наши художники» (живописцы, скульпторы, мозаичисты, граверы и медальеры) на академических выставках последнего 25-летия : биографии, портреты художников и снимки с их произведений. В 2 т. Т. 1. СПб., 1889. 233 с.

3. Куйбышева К. С., Сафонова Н. И. Акварели декабриста Петра Ивановича Борисова. М., 1986. 551 с.

4. Матвейчык Д. Ч. Удзельнікі паўстання 1863-1864 гадоў : біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыяльнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск : Беларусь, 2016. 735 с. ISBN 978-985-01-1159-3.

5. Портнова И. В. «Иппический жанр» в русском искусстве второй половины XIX – начала XX века. Характер художественного образа, значение // Культура и цивилизация. 2016. № 4. С. 57-65.

6. Радзиловская Ф. Н. Места каторги Чернышевского в рисунках польских политических ссыльных 1860-х годов // Литературное наследство. М., 1959. Т. 67. С. 141-156.

7. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1902-1924 гг. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1994. 555 с.

8. Семенов Е. В. Художественное творчество польских ссыльных на территории Забайкалья во второй половине XIX в. // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 3. С. 54-61.

9. Семенов Е. В., Покацкий В. А. Польский ссыльный художник Юзеф Беркман в Байкальском регионе в 60-70-е годы XIX века // Научный диалог. 2022. № 11(7). С. 449-466.

10. Строй Л. Р. Становление художественных школ Сибири в XIX – начале XX веков // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7, № 1А. С. 523-536.

11. Токарев В. П. Художники Сибири. XIX век. Новосибирск, 1993. 113 с.

12. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1995. 192 с.

13. Bukowski K. Józef Baerkman. Weteran z roku 1863. Sylwetka // Dziennik Wileński. Wilno. 1917. 16 listopada. № 263. S. 4.

14. Katalog illustrowany wystawy: «Koń w malarstwie i rzeźbie polskiej» w Towarzystwie Przyjaciół Sztuk Pięknych w Krakowie. Wydanie drugie. Lipeic, 1913. 46 s.

15. Pamiętnik dra B. Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 628 s.

16. Форум по искусству и инвестициям в искусство. URL: <https://forum.artinvestment.ru/showthread.php?p=286065> (дата обращения: 25.09.2022).

References

1. Bolonev F. F., Lyutsidarskaya A. A., Shinkovoy A. I. Ssyl'nyje poljaki v Sibiri XVII, XIX vv. [The exiled Polish in Siberia of the XVII, XIX c.]. Novosibirsk, 2007. P. 167. [In Russ.].

2. Bulgakov F. I. «Nashi khudozhniki» (zhivopiscy, skul'ptory, mozaichisty, gravery i medaljery) na akademicheskikh vystavkakh poslednego 25-letija : biografii, portrety khudozhnikov i snimki s ikh proizvedenij [«Our artists (painters, sculptures, mosaicists, engravers and medallists) at the academic exhibitions of the last 25 years : biographies, artists' portraits and photos of their works]. In 2 v. V. 1. St.-P., 1889. 233 p.

3. Kuybysheva K. S., Safonova N. I. Akvareli dekabrysta Petra Ivanovicha Borisova [The watercolors of the Decembrist Petr Ivanovich Borisov]. M., 1986. 551 p. [In Russ.].

4. Матвейчык Д. Ч. Удзельнікі паўстання 1863-1864 гадоў : біяграфічны слоўнік (паводле матэрыялаў Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі). Мінск : Беларусь, 2016. 735 с. ISBN 978-985-01-1159-3 [In Polish].

5. Portnova I. V. «Ippicheskij zhanr»v russkom iskusstve vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka. Kharakter khudozhestvennogo obraza, znachenije [«The ippic genre» in the Russian art of the second half of the XIX – beginning of the XX century. The character of the artistic image, meaning] // Kul'tura i civilizacija [Culture and civilization]. 2016. № 4. Pp. 57-65. [In Russ.].

6. Radzilovskaya F. N. Mesta katorgi Chernyshevskogo v risunkakh pol'skikh politicheskikh ssyl'nykh 1860-kh godov [Chernyshevsky's places of exile in the drawings of the Polish political exiles of the 1860s] // Literaturnoje nasledstvo [Literary heritage]. M., 1959. V. 67. Pp. 141-156. [In Russ.].

7. Romanov N. S. Letopis' goroda Irkutska za 1902-1924 gg. [Chronicle of Irkutsk city during 1902-1924]. Irkutsk, 1994. 555 p. [In Russ.].

8. Semyenov Ye. V. Khudozhestvennoje tvorcestvo pol'skikh ssyl'nykh na territorii Zabajkal'ja vo vtoroj polovine XIX v. [Artistic

creativity of the Polish exiles on the territory of Transbaikalia in the second half of the XIX c.] // Gumanitarnyj vektor [Humanitarian vector]. 2021. V. 16, № 3. Pp. 54-61. [In Russ.].

9. Semyenov Ye. V., Pokatskiy V. A. Pol'skij ssyl'nyj khudozhnik Juzef Berkman v Bajkal'skom regione v 60-70-je gody XIX veka [The Polish exiled artist Jozef Berkman in the Baikal region in the 60-70s of the XIX century] // Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. 2022. № 11(7). Pp. 449-466. [In Russ.].

10. Stroy L. R. Stanovlenije khudozhestvennykh shkol Sibiri v XIX – nachale XX vekov [Formation of art schools of Siberia in the XIX–beginning of the XX vekov] // Kul'tura i civilizacija [Culture and civilization]. 2017.V. 7, № 1A. Pp. 523-536. [In Russ.].

11. Tokarev V. P. Khudozhniki Sibiri. XIX vek [Artists of Siberia. The XX century]. Novosibirsk, 1993. 113 p. [In Russ.].

12. Fatyanov A. D. Khudozhniki, vystavki, kollekcionery Irkutskoj gubernii [Artists, exhibitions, collectors of the Irkutsk province]. Irkutsk, 1995. 192 p. [In Russ.].

13. Bukowski K. Józef Baerkman. Weteran z roku 1863. Sylwetka // Dziennik Wileński. Wilno.1917. 16 listopada. № 263. S. 4. [In Polish].

14. Katalog illustrowany wystawy: «Koń w malarstwie i rzeźbie polskiej» w Towarzystwie Przyjaciół Sztuk Pięknych w Krakowie. Wydanie drugie. Lipeic, 1913. 46 s. [In Polish].

15. Pamiętnik dra B. Dybowskiego od roku 1862 zacząwszy do roku 1878. Lwów : Wydawnictwo Zakładu Narodowego imienia Ossolińskich, 1930. 628 s. [In Polish].

16. Forum po iskusstvu i investicijam v iskusstvo [Forum in art and investments in art]. URL: <https://forum.artinvestment.ru/showthread.php?p=286065> (25.09.2022). [In Russ.].

Иванова О. Д.

**АНСАМБЛЬ ЯТАГИСТОК БУРЯТСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА ПЕСНИ И ТАНЦА
«БАЙКАЛ»**

Статья посвящена рассмотрению историко-культурных факторов, которые способствовали основанию ансамбля ятагисток в 1979 г. при Государственном ансамбле песни и танца «Байкал». Автор оценил вклад участников коллектива, представлен репертуар, описана концертная деятельность. Особое внимание уделяется современному периоду деятельности ансамбля «Эрдэни ятаг», преобразованного в 2007 г. Отмечается значение исполнительства на ятаге в деле укрепления и развития национальных традиций.

Ключевые слова: ансамбль, «Байкал», репертуар, народные инструменты, ятага.

Ivanova O. D.

**ENSEMBLE OF YATAGA PLAYERS OF THE
THEATRE OF SONG AND DANCE «BAIKAL»**

The article considers the historical and cultural factors that contributed to the creation of the ensemble of yataga players in 1979 at the State ensemble of song and dance «Baikal». The author has evaluated the contribution of the members of the collective, the repertoire is presented, the concert activity has been described. Particular attention is paid to the present activities of the ensemble «Эрдэни ятаг» recreated in 2007. The significance of yataga performance in strengthening and developing national traditions is noted.

Keywords: ensemble, «Baikal», repertoire, folk instruments, yataga.

Развитие исполнительства на народных инструментах является одной из интересных страниц в истории музыкальной культуры Бурятии. Еще в Со-

ветском Союзе уделялось внимание продвижению народно-инструментального исполнительства: записи народного фольклора, утверждение акаде-

мического статуса народно-исполнительского искусства, образованию ансамблевых форм исполнительства на народных инструментах. В республике проводились конкурсы, смотры самодеятельного творчества трудящихся, что демонстрировало популярность народных инструментов. В этом отношении показателен путь развития Бурятского государственного национального театра песни и танца «Байкал», который прошел путь от небольшого коллектива народных инструментов до профессионального художественного оркестра, ставшего впоследствии лауреатом всесоюзных, всероссийских конкурсов и премий [2]. Необходимо отметить, что мощный фундамент художественных традиций и творческий потенциал театра «Байкал» был заложен такими известными мастерами национального искусства БАССР как: Жигжит Батуев, Бау Ямпиров, Михаил Арсентьев, Татьяна Глязер, Михаил Заславский, Игорь Моисеев, Татьяна Гергесова и др. Традиции, заложенные этими профессионалами, бережно сохраняются и прумножаются последующими поколениями [3].

Инструмент *ятага* (бурят.), имеющий китайско-монгольское происхождение, появился в музыкальной жизни

республики в 1976 г. Это было связано с проведением в г. Москва I Всесоюзного фестиваля самодеятельного творчества трудящихся (1975-1977 гг.) [6]. Новость о возможности участия в таком фестивале окрылила знатоков истории родного края, исполнителей на народных инструментах. Заместитель министра культуры Бурятии А. Герштейн и директор Республиканского научно-методического центра (РНМЦ) Н. Дамиранов закупили в Монголии комплект народных музыкальных инструментов, в том числе десять ятаг. Удивительно гармонично и удачно был сформирован состав руководителей ансамбля, задачей которых стало соединение родственного бурятскому фольклорное звучание монгольской песенной музыки, приемов струнно-щипковой техники звукоизвлечения и стихов для песен на бурятском языке. Дебют ансамбля ятагисток состоялся на телевизионной передаче «Шире круг» 28 декабря 1977 г. [7].

Выступление стало итогом слаженной работы музыкального руководителя ансамбля Д. Цыренбата, хормейстера ансамбля М.А. Ербахасовой, художественного руководителя коллектива заслуженного деятеля искусств Бурятской АССР композитора Н.Б. Дамиранова. В составе первого ансамбля были

выпускницы Улан-Удэнского музыкального училища им. П.И. Чайковского. Репертуар ансамбля состоял из популярных песен бурятских композиторов: «Инаг дураяа гамнаарай» (Сохрани свою любовь) на музыку А. Андреева и слова Г. Чимитова; «Уулзалга» (Встреча) на музыку Ч. Павлова и слова М. Самбуева, «Дуран залуу болгодог» (Молодость любви), «Ургы» (Подснежник) – на музыку Н. Дамиранова и слова В. Лубсанова и др.

По мнению В.В. Китова, «ансамбль получил новое творческое кредо – пение под собственный аккомпанемент. Ятагистки обладали великолепными голосами, играли на 13-тиструнной ятаге» [2, с. 98]. «Неудивительно создание ансамбля ятагисток при Государственном ансамбле песни и танца «Байкал» в 1979 году, обратившимся к многоголосию» отмечает В. В. Китов [2, с. 65].

По инициативе народного артиста Бурятской АССР, художественного руководителя ансамбля песни и танца «Байкал» С.Л. Балдаева, был создан ансамбль ятагисток, который возглавила народная артистка Бурятия Светлана Батуева. В репертуар ансамбля вошли произведения Ю. Ирдынеева «Ушардаг хайш», Н. Дамиранова «Дуран залуу болгодог», А. Андреева «Тоонто нютаг». С

песней А. Андреева «Тоонто нютаг», солист Аюша Данзанов участвовал в заключительном концерте Всероссийского конкурса в Москве и был удостоен звания лауреата в 1982 г. После успешного выступления ансамбль гастролировал в Италии, Бельгии, Иране, Голландии, Германии и других странах, представляя уникальную культуру Бурятии.

В 1991 г. педагогом ятагисток ансамбля песни и танца «Байкал» стал монгольский композитор Бадамгарвын Наранбаатар, выпускник класса *ятга* Улан-Баторского хореографическо-музыкального училища. Уже спустя год напряжённой работы ансамбль был удостоен диплома лауреата Всероссийского конкурса ансамблей редких инструментов в г. Астрахань.

На протяжении многих лет в составе ансамбля работали выпускники образовательных учреждений г. Улан-Удэ. Из интервью Ешин-Хорло Гомбоин: «В 1995 г. 29 сентября наша группа выступала с огромным успехом в г. Багдад, и единственная из представителей многих стран получила приглашение выступить второй раз – 2 октября. Не ошибусь, если скажу, что все наши участники выступали вдохновенно, с блеском. Особенно понравились бурятские ятагистки, их

горловое пение в сопровождении экзотических, для многих, музыкальных инструментов или, музыка в сопровождении пения покорили всех» [4].

Первый состав ансамбля ятагисток: 1979-1986 гг. – руководитель Светлана Батуева, участники: Эльвира Цыренжапова, Эржена Дамдинова, Цыпилма Бабалаева, Людмила Иванова, Марина Дыпкеева, Сэдэб Банчикова, Алиса Цыренова, Виктория Баглаева, первая профессиональная ятагистка выпускница Улан-Удэнского музыкального училища Дэнсэма Ванюшкина.

Основной рабочий состав ансамбля 1986-2005 гг. – руководитель Светлана Батуева, состав: Сэдэб Банчикова, Цыпилма Аюшеева, Алиса Цыренова, Эржена Дамдинова, Эльвира Цыренжапова, Мэгзэм Эрдынеева, Баярма Овчинникова, Эльвира Цыремпилова, Юмжитма Юмжитова, Баярма Раднаева. Непродолжительный период работали: Дулма Дугданова, Оюна Гунсурунова, Жанна Чимбеева, Долгор Маюрова.

Преобразованный в 2007 г. ансамбль «Эрдэни ятаг», возглавляемый Баярмой Овчинниковой, сразу привлёк внимание своей неординарностью, новым звучанием и сильным молодым исполнительским составом. В состав ансамбля вошли выпускники музыкального колле-

джа им. П.И. Чайковского и Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств – профессиональные музыканты-ятагисты, мастерски владеющие 21-тиструнной ятагой, лауреаты и дипломанты международных, региональных, российских, республиканских конкурсов, участники международных фестивалей в Италии, Франции, США, Ираке, Бельгии, Болгарии, Греции, Словении, ГДР, Голландии, Тайваня. Репертуар ансамбля пополняется как авторскими произведениями, так и современными шоу-номерами.

Ансамбль «Эрдэни ятаг» с большим успехом проводит сольные концерты под названием «Шёлковые струны Эрдэни ятаг», став одним из самых необычных ансамблей республики, популярный и любимый зрителями. Их творчество называли музыкой на кончиках пальцев, т.к. мелодичное, изысканное и колоритное звучание ятаги идеально сочетается с нежными голосами солисток.

Ансамбль принимал активное участие во многих проектах, став визитной карточкой Бурятии. Крупные мероприятия не обходятся без участия ансамбля «Эрдэни ятаг», например, Байкальский экономический форум, Байкальский информационный форум, шоу «Блеск Азии», спектакль «Эхо

Баргуджин Тукум», «Баян талын аялга», «Амралтын удэшэ», международные фестивали «Жемчужина Байкала», «Рыбий глаз», «Звуки Евразии» и т.д.

После участия в фестивале «Звуки Евразии» 2011 г. ансамбль получил приглашение участвовать в Международном фестивале «Национальной музыки» в Австрии, г. Вена. А в 2015 г. «Эрдэни ятаг» был приглашён для участия в III Международном фестивале музыкантов-исполнителей на старинных щипковых инструментах «Садко» в г. Москва [5].

С 2007 г. по настоящее время в состав ансамбля «Эрдэни ятаг» входят заслуженный деятель искусств Республики Бурятия, концертмейстер, хормейстер, руководитель ансамбля ятагисток театра Баярма Овчинникова; заслуженный артист Республики Бурятия Нэлли Раднаева, I ятага, солистка; Туяна Григорьева, I ятага, солистка; Лариса Сыдеева, II ятага; Ольга Гармаева, II ятага; Дэнцэма Цыренжапова, II ятага [5]. Некоторое время работали выпускницы Улан-Удэнского музыкального колледжа им. П.И. Чайковского, ВСГАКИ Валентина Намдыкова и Юлия Даиндарова.

Таким образом, используемые в музыкальных произведениях, входящих в репертуар ансамбля, специфические приёмы

игры на ятаге помогают раскрыть весь потенциал уникального инструмента. Возможно, в будущем появится ещё более экзотическая манера и техника исполнения на инструменте. Сегодня исполнение на ятаге является неотъемлемой частью звучания оркестра бурятских народных инструментов. Как пишет В.В. Китов: «Исследование репертуара оркестра бурятских народных инструментов (ОБНИ), эволюционировавшего от сочинений русских композиторов и переложений классических произведений в 30-е годы XX столетия к творчеству композиторов-бурят, с детства освоивших народные инструменты и в своих сочинениях отразивших весь комплекс особенностей народного инструментария и приёмов исполнительства, показывает его всё более углубляющуюся специфичность» [1]. Сегодня ятага – инструмент усовершенствованный, национальная ценность сохранения которого является обязанностью народа. Можно сказать, что сформировалась бурятская школа педагогов и исполнителей на ятаге. Для этого инструмента расширяется репертуар, создаются новые сочинения композиторов в соответствии с академическим уровнем музицирования. В республике создана система обучения ятагистов в детских му-

зыкальных школах (ДМШ), детских школах искусств (ДШИ), колледже искусств им. П.И. Чайковского, а также в Восточно-Сибирском государственном институте культуры. Таким образом, можно сделать

вывод, что все три ступени музыкального образования по классу ятаги существуют в Бурятии. Что дает нам уверенность в том, что за этим уникальным инструментом есть будущее.

Примечания

1. Китов В. В. Музыкально-инструментальное творчество бурят как фактор художественной культуры : автореф. дис. ... канд. культурологии : 24.00.01. Улан-Удэ, 2002. 20 с.

2. Китов В. В. Оркестр бурятских народных инструментов. История оркестрового исполнительства на бурятских народных инструментах / под общ. ред. проф. О. И. Куницына. Улан-Удэ : ИПК ВСГАКИ, 2001. 312 с.

3. Бурятскому Государственному национальному театру песни и танца «Байкал» 70 лет. URL: www/theatre-baikal.ru. (дата обращения: 27.10.2022).

4. Знойное небо Багдада // Правда Бурятии. 1995. 28 октября. С. 4.

5. В Улан-Удэ состоится концерт ансамбля «Эрдэни ятаг». URL: <https://minkultrb.ru/news/news/5756-v-ulan-ude-sostoitsya-kontsert-ansamblya-erdeni-yatag/> (дата обращения: 27.10.2022).

6. О проведении в 1975-1977 годах в РСФСР первого всесоюзного фестиваля самодеятельного художественного творчества трудящихся : Постановление Совета министров РСФСР от 16 января 1975 г. : № 35. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&empire=1&nd=196014294&page=1&rdk=0&link_id=0#Ю (дата обращения: 28.11.2022).

7. Программа «Шире круг». URL: http://pesnyagoda.myl.ru/s_hire_krug.html (дата обращения: 28.11.2022).

References

1. Kitov V.V. Muzykal'no-instrumental'noje tvorchestvo burjat kak faktor khudozhestvennoj kul'tury : avtoref. dis. kand. kul'turologii : 24.00.01 [Musical and instrumental creativity of the Buryats as a factor of art culture : dissertation thesis ... candidate of cultural science : 24.00.01]. Ulan-Ude, 2002. 20 p. [In Russ.].

2. Kitov V.V. Orkestr burjatskikh instrumentov. Istorija orkestrrovogo ispolnitel'stva na burjatskikh instrumentakh [Orchestra of

the Buryat folk instruments. History of the orchestra performance on the Buryat folk instruments] / edited by O.I. Kunitsyn. Ulan-Ude, 2001. 312 p. [In Russ.].

3. Burjatskomu Gosudarstvennomu nacional'nomu teatru pesni i tanca «Baikal» 70 let [The Buryat State national theatre of song and dance «Baikal» is 70]. URL: www/theatre-baikal.ru. (27.10.2022). [In Russ.].

4. Znojnoje nebo Bagdada [Sultry sky of Bagdad] // Pravda Burjatii [Pravda of Buryatia]. 1995. 28 October. P. 4. [In Russ.].

5. V Ulan-Ude sostoitseja koncert ansamblja «Эрдэни ятаг» [There will be a concert of the ensemble «Эрдэни ятаг» in Ulan-Ude]. URL: <https://minkultrb.ru/news/news/5756-v-ulan-ude-sostoitsya-kontsert-ansamblya-erdeni-yatag/> (27.10.2022). [In Russ.].

6. O provedenii v 1975-1977 godakh v RSFSR pervogo vse-sojuznogo festivalja samodejatel'nogo tvorchestva trudjashchikhsja : Postanovlenije Soveta ministrov RSFSR ot 16 janvarja 1975 g. : № 35 [About holding the first All-Soviet festival of the workers' amateur creativity in 1975-1977 in the RSFSR : Decree of the Council of ministers of the RSFSR dated back to 16 January 1975 : № 35. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&empire=1&nd=196014294&page=1&rdk=0&link_id=0#I0 (28.11.2022). [In Russ.].

7. Programma «Shire krug» [Program «Wider circle»]. URL: http://pesnyagoda.my1.ru/shire_krug.html (28.11.2022). [In Russ.].

Сангадиева Э. Г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СКАЗКА В ТВОРЧЕСТВЕ ТАТЬЯНЫ ГРИГОРЬЕВОЙ

Статья посвящена жанру литературной сказки в современной детской литературе Бурятии. На примере творчества Татьяны Григорьевой рассмотрены проблемы трансформации жанра и связанные с этим тенденции, характеризующие художественные особенности авторской сказки. Поиски новых форм логично обращают внимание автора к мотивам и образам фольклора народов региона, что наполняет текст этнопоэтическим содержанием. Проанализированы сказки Т. Григорьевой как пример изменений жанра на различных художественных уровнях.

Ключевые слова: детская литература, литературная сказка, сюжет, типы героев, художественный мир, текст, разговорный язык, персонаж, дидактический, фольклор.

Sangadieva E. G.

LITERARY FAIRY TALE IN TATYANA GRIGORYEVA'S CREATIVITY

The article is devoted to the literary fairy tale genre in modern children's literature of Buryatia. Considering Tatyana Grigoryeva's creativity, the problems of genre transformation and related tendencies that characterize the artistic features of the author's fairy tale are touched upon. The search for new forms logically draws the author's attention to the motives and images of the folklore of the peoples of the region enriching the text with ethno-poetic content. The fairy tales of T. Grigoryeva are analyzed as an example of genre changes at various artistic levels.

Keywords: children's literature, literary fairy tale, plot, types of characters, artistic world, text, spoken language, character, didactic, folklore.

В литературе Бурятии XXI века отметим возросший интерес авторов к литературе для детей. По ряду известных при-

чин творческие процессы в литературе постсоветского периода были не столь активны, коснулось это и детской литературы. Развитие детской литературы в советский период отличалось серьезным вниманием со стороны государства, что, несомненно, сказалось на качестве произведений для детей, которые создавались крупнейшими писателями. К. Чуковский писал о том, что поэзия для маленьких должна быть и для взрослых поэзией [5]. К примеру, творчество Г. Остера, Г. Сапгира и многих поэтов, запрещенных к публикации, было реализовано в детской литературе. Также К. Чуковский считал, что литература для детей должна быть оптимистичной, должна побуждать веру в жизнь.

В бурятской литературе произведения писателей, написанные для детей младшего и среднего школьного возраста, сегодня могли бы составить солидную библиотеку. С самого начала Б. Барадин, Ч.-Л. Базарон, Д.-Р. Намжилон, С. Туя стали авторами первых произведений для детей. Отметим, рассказы для детей Б. Барадина, Х. Намсараева, Б. Абидуева, А. Шадаева, Ш. Нимбуева, И. Калашникова, А. Бальбурова, Р. Белоглазовой и др.

Сегодня для детей пишут С. Нестерова «Сказки для Поли-

ны», «Байкальские сказы», А. Виноградова «Жанна Косичкина, доктор Нетука и Синий лес», «Волшебный платок Дронды», В. Алагуева «Доржо, покоритель небес» и серии книг «Детям о родной земле», Б. Хатов «Голпек», А. Мухраев «Сказки старого Хубитэ», В. Басса «Этигэнэм», «Тайлаг тэмээн» и др.

В современной бурятской детской литературе писатели обращаются как к русской, так и к бурятской национальной культуре, при этом, не оставляя без внимания современные реалии и проблемы общества. Мы разделяем мнение В. В. Дементьевой, «на рубеже XX-XXI вв. наблюдается тенденция к использованию и авторской интерпретации богатого фольклорного наследия, различных мифологических сюжетов, архетипических образов, которые находят свое отражение в современных произведениях искусства. Творческий поиск новых форм и сюжетов детерминировал обращение авторов к архетипическому прошлому народа своего региона; осмыслению и анализу праобразов, постижению первичных элементов внешнего мира» [2, с. 94].

Яркой представительницей такого культурного сочетания является улан-удэнская писательница Татьяна Петровна

Григорьева, член Союза писателей России. Удивительна биография Татьяны Григорьевой. Врач-биохимик, работающий по специальности в г. Улан-Удэ, при этом с юношеских лет занимающаяся литературным творчеством. Лауреат множества литературных конкурсов: Всероссийской литературной премии имени Михаила Булгакова (2013 г.), Международного конкурса «Новые сказки» (2013, 2016 гг.), дипломанта Всероссийского конкурса «Добрая лира» на лучшее произведение для детей. Татьяна Петровна в числе победителей литературного конкурса «Новая детская книга» издательства «Росмэн» (Москва). Она известна прозаическими и стихотворными произведениями, как для детей, так и для взрослых – юмористические стихотворения, поучительные рассказы и авторские сказки. Как и многие современные авторы, Татьяна Григорьева в лучших традициях детской литературы обращается к неповторимому счастливому периоду – детству. Сказки Татьяны Петровны Григорьевой – это то новое видение, в котором нуждаются современные дети, когда автору смешение жанров дает неограниченную свободу воображения для создания новых героев, движения сюжета или интересной композиции.

Обращаясь к жанровой системе современной детской литературы, отметим общую тенденцию к трансформации жанров, которая ярко проявилась в изменении жанра сказки. Наиболее часто цитируемым является определение, принадлежащее исследователю скандинавской литературы Л.Ю. Брауде. В статье «К истории понятия «литературная сказка» она пишет: «Литературная сказка – авторское, художественное, прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо сугубо оригинальное; произведение преимущественно фантастическое, волшебное, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев... произведение, в котором волшебство, чудо играет роль сюжетообразующего фактора, служит отправной точкой характеристики персонажа» [1, с. 234]. Для литературной сказки характерны: использование типичных для фольклорной сказки образов, особенности поэтики и языка, сочетание элементов действительности и вымысла, наличие игрового начала, стремление к психологизации образов, выраженная позиция автора, сохранение социальной оценки изображаемого.

Со временем разрушались каноны традиционной фольклорной сказки, трансформируясь в новые жанровые формы литературной сказки. Недаром сегодня бытуют разнообразные формы: сказки, предназначенные специально для детей, с учетом их возрастных особенностей; сказки, основанные на фольклорной традиции и транслирующие понятия об обрядовых и этнических особенностях культуры; сказки универсальные для детей и взрослых. Кроме того, литературная сказка может не только бытовать в форме отдельного произведения, но и интегрироваться в структуру текста другого жанра. Литературная сказка всегда сказка своего времени, и даже у одного и того же автора ее структура может значительно различаться. Нравственная и психологическая основа, поэтика и стиль сказки всегда привлекают писателей возможностью разрешения «вечных» вопросов человеческого бытия.

В современную сказку Татьяны Григорьевой пришли новые современные сюжеты, в которых мотивы фольклорных сказок сочетаются с современной проблематикой. Обращение к молодёжному сленгу, разговорной речи, употребление заимствованных слов, выводит переработанные сюжеты классических сказок на новый, со-

временный уровень, понятный новому поколению читателей. Присутствие классических персонажей (Баба-Яга, Леший) в современном мире, в реальной жизненной ситуации (игра в шашки – «Сказка о том, как Баба-Яга с Лешим в шашки играли», съёмки фильма – «Воробей Васька») выстраивает художественный мир произведений по закону сказочного жанра – на противопоставлении и взаимодействии двух миров, причем миры существуют в орбите детства.

Стоит отметить художественные особенности сказок Татьяны Григорьевой в её двух сборниках «Такие разные сказки» и «Новые сказки про Бабу-Ягу и Лешего» [3; 4]. Её герои – знакомые нам с детства лесные «злодеи», извечно ассоциирующиеся с тёмной силой, алчностью, жадной наживы, с желанием свершения пакостей, направленных не только в сторону стандартных положительных персонажей (Иван-царевич, Василиса Прекрасная и др.), но и в сторону друг друга. Здесь мы видим изменение стандартных характеристик фольклорных персонажей, они занимаются «мирными» делами: собирают ягоду, играют в шашки, причём используют вместо шашек грибы (мухоморы и белые грибы), естественно один из них отравился мухоморами.

Леший обустроивает из берлоги медведя дом, а Баба-Яга устраивает лесной цирк. Автор относится к своим героям с юмором и заботой, здесь и Леший, и Баба-Яга симпатичны читателю, как взрослому, так и детям, тем, что они живые, они постоянно находятся в действии, не статичны. Реалии современной жизни вошли в сказочный мир, стали близки воображению детей. Дидактический элемент растворяется в структуре повествования, в языковой стилистике сказок.

Сборник «Такие разные сказки» оправдывает своё название. В сказке «Два унта по кличке Рыжий» возникает образ из бурятского фольклора – мудрый старец, который приходит на помощь к детям в трудную минуту. Мальчик из небогатой семьи убегает из дома, обидевшись на старшего брата и родителей, за то, что они вот уже который год не могут сделать ему хороший подарок на день рождения. Он встречает старца и помогает ему, за доброту старец дарит ему волшебные унты, которые могут превращаться летом в собаку и обратно в унты зимой. Сказка учит ценить то, что ты имеешь, и даёт надежду на лучшее будущее.

В сказке «Дед Пихто» мы встречаем интересного лесного героя – деда с ростом ногтей

по имени Пихто. Т. Григорьева даёт свою версию объяснения происхождения этого героя. Девочка решает заняться японским искусством бонсай, в надежде, что из нашей отечественной ёлочки получится миниатюрное деревце, случайно выкапывает «не ту» ёлку, под которой и жил старичок. Он попадает к ней домой и начинает познавать все прелести городской жизни – парк развлечений, телевидение, знакомится с домашней кошкой, что охотно «играла» с бедным дедушкой. В свою очередь он знакомит девочку с неписанными законами леса, рассказывает о том, что нельзя делать в лесу, учит любить природу.

В третьей, самой большой, сказке сборника «Воробей Васька» закручен удивительный по своей простоте сюжет. Два Васьки – кот и воробей, язык и сюжет сказки интересны тем, что они просты. Воробей с котом проходят кинопробы. Воробей в качестве каскадёра (дублёра) для звезды – снегиря, а кот на роль второго плана (хищника). Гонорары: коту – сметана, воробью – семечки. Всё просто! Кот становится товарищем воробью, они находят общие интересы: «Ой! Брат, брат мой, да мы с тобой хищники!» – восклицает кот, после того как воробей рассказал, как пробовал в парке сосиски.

Здесь мир животных и мир людей связаны: все понимают друг друга, люди уважают натуру зверей, относятся к ним с юмором и добротой, как и положено к «братьям нашим меньшим». В финале после трудных съёмок два «тёзки» становятся друзьями и обретают дом. Прекрасно показан детский взгляд на мир глазами двух Васек, двух жизнерадостных зверьков, которые не боятся сыграть в фильме и друга из беды выручить.

Исходя из проблем современного литературного образования, детская литература обретает особое значение особенно для младшего детского возраст-

та. Сегодня важна не только классическая литература, но и современная детская литература. Достоинством ее остается не только дидактическая направленность, пусть не явно выраженная, но и нравственно-этическая основа, философичность, поскольку только яркая образность формирует в подрастающем ребенке возможность постижения жизни и освоение общечеловеческих ценностей. Живой процесс развития детской литературы, коснулся жанровой трансформации, изменения типа героя, языка художественных произведений.

Примечания

1. Брауде Л. Ю. К истории понятия «Литературная сказка» // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977. Т. 36, № 3. С. 234.

2. Дементьева В. В. Обращение к архетипическим образам в художественной культуре Бурятии на рубеже XX-XXI вв. // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2022. №2 (22). С. 94-103.

3. Григорьева Т. П. Такие разные сказки : сказки для детей. Улан-Удэ : НоваПринт, 2014. 56 с.

4. Григорьева Т. П. Новые сказки про Бабу-Ягу и Лешего. Улан-Удэ : Домино, 2015. 28 с.

5. Чуковский К. И. Стихи и сказки. От двух до пяти. М. : Детская литература, 1981. 607 с.

References

1. Braude L. Yu. K istorii ponjatija «Literaturnaja skazka» [To the history of the notion «Literary fairy tale» // Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka [Proceedings of the AS of the USSR. Series of literature and language]. 1977. V. 36. № 3. P. 234. [In Russ.].

2. Dementyeva V. V. Obrashchenije k arkhjetipicheskim obrazam v khudozhestvennoj kul'ture Burjatii na rubezhe XX-XXI vv. [Turning to archetypal images in the artistic culture of Buryatia at the turn of the XX-XXI c.] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of East Siberian state institute of culture]. 2022. №2 (22). Pp.94-103. [In Russ.].
3. Grigoryeva T. P. Takije raznyje skazki : skazki dlja detej [Such different fairy tales : fairy tales for children]. Ulan-Ude, 2014. 56 p. [In Russ.].
4. Grigoryeva T. P. Novyje skazki pro Babu-Yagu i Leshego [New tales about Baba Yaga and Leshy]. Ulan-Ude, 2015. 28 p. [In Russ.].
5. Chukovsky K. I. Stikhi i skazki. Ot dvukh do pjati [Poems and fairy tales. From two to five]. M., 1981. 607 p. [In Russ.].

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.31443/2541-8874-2022-4-24-68-82

УДК 7.01+165.74

Чебунин А. В.

ИСКУССТВО И ГУМАНИЗМ

Искусство имеет особое значение в формировании эмоционально-чувственного содержания жизнедеятельности человека и его ценностного отношения к миру. С одной стороны оно способно обеспечить духовно-психическое здоровье, с другой – определять развитие деструктивных чувств и качеств личности. Поэтому ориентация на определенную модель личности, в основе чего лежат базовые мировоззренческие положения, обуславливает содержание и направление искусства. Гуманизм как идеология капитализма направлен на формирование индивидуальной личности с ее ориентацией на потребительство, гедонизм, конкуренцию, индивидуализм и эгоцентризм. Как неразрывная часть социально-духовной системы, искусство в качестве идеологического инструмента гуманизма и формирует соответствующие качества личности, прикрываясь красивой эквилибристикой о высшей ценности человека, свободе и правах личности. Однако фактически как сама идеология гуманизма, так и гуманистическое искусство представляют собой механизм расчеловечивания, потворствуя развитию деструктивных чувств и качеств личности, с единственной целью – превратить человека в материальный объект манипуляции, чтобы зарабатывать на нем капитал.

Ключевые слова: искусство, гуманизм, идеология, эмоционально-чувственное содержание, духовное здоровье, потребительство, гедонизм, конкуренцию, индивидуализм, эгоцентризм.

Chebunin A. V.

ART AND HUMANISM

Art is of particular importance in the formation of the emotional and sensory content of human life and the valuable attitude to the world. On the one hand, it can provide spiritual and mental health, on the other hand, it determines the development of destructive feelings and person-

ality traits. Therefore, orientation to a certain model of personality, which is based on basic worldview provisions, determines the content and direction of art. Humanism as ideology of capitalism is aimed at forming an individual personality with the orientation on consumerism, hedonism, competition, individualism and egocentrism. As an inseparable part of the socio-spiritual system, art, as an ideological tool of humanism, forms such traits in a person, hiding behind nice balancing act about the highest human value, freedom and individual rights. However, both the ideology of humanism and humanistic art are in fact a mechanism of dehumanization, indulging the development of destructive feelings and personality traits, with the only goal to make a person a material object of manipulation to earn capital.

Keywords: art, humanism, ideology, content of emotional feelings, spiritual health, consumerism, hedonism, competition, individualism, egocentrism.

Искусство как одна из форм общественного сознания, имеющая эмоционально-чувственное содержание и интуитивную направленность [1, с. 116], имеет особое значение в формировании оценочного отношения к миру. По выражению В.В. Кандинского, художника и теоретика изобразительного искусства, стоявшего у истоков абстракционизма, «... искусство в целом не есть бессмысленное созидание произведений, расплывающихся в пустоте, а целеустремленная сила; она призвана служить развитию и совершенствованию человеческой души...» [2, с. 140]. Вряд ли кто будет выступать против данной функциональной особенности и значимости искусства, несмотря на то, что само понимание искусства вызывает множество дискуссий, в основе которых

лежит коренной вопрос о направлении его развития и совершенствования, который опять-таки восходит к проблеме понимания человека в контексте его отношений с миром.

Эмоционально-чувственное содержание жизнедеятельности человека представляет собой совокупность эмоций и чувств, отвечающих за оценочное отношение к миру: нравится или не нравится что-то, испытываю любовь или ненависть к кому-то, терплю что-то или раздражаюсь этим, смиряюсь или возмущаюсь, сострадаю или осуждаю, сохраняю спокойствие или волнуясь, наслаждаюсь или мучаюсь, воздерживаюсь или алчу и т.д. и т.п. – все это отражает наше субъективное отношение к окружающему миру. Определяя эмоции как быстрые и короткие элементы

чувств, а чувства как длящаяся и более устойчивая основа вспыхивающих эмоций [3], необходимо учитывать их непосредственную связь с субъективной иерархией потребностей человека: «Эмоции отражают в форме непосредственного переживания значимость (смысл) явлений и ситуаций и служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение актуальных потребностей (мотивации)» [4, с. 169]. Ильин Е. П. также отмечает: «Эмоциональная реакция – это специфический ответ человека и животных на те или иные обстоятельства, ситуации, затрагивающие его интересы (потребности) [5, с. 13]. Эмоционально-чувственное содержание определяет способы практического взаимодействия с миром, что составляет способ существования (жизнедеятельности) как проявление нашей био-духовной сущности. Вследствие этого, от того, какой спектр эмоций и чувств испытывает человек, таким образом он и выстраивает свои отношения с миром, а в конечном итоге выстраивает свою жизнь.

Формирование эмоционально-чувственного содержания представляет собой длительный и сложный процесс, неразрывно связанный с фор-

мированием субъективной системы потребностей. Это содержание обуславливается не только ситуацией и нейрофизиологией, но и глубинными подсознательными процессами. Несмотря на то, что на одно и то же явление один и тот же человек в различных ситуациях может эмоционально реагировать по-разному, диапазон его чувств, определяемый мировоззренческой позицией, достаточно стабилен, что, собственно, и определяет характер человека. При этом, чем более устойчива и развита его субъективная система потребностей, тем более устойчива его эмоционально-чувственная реакция. В то же время через воздействие на эмоции и чувства можно структурировать иерархию потребностей человека, определяя тем самым направление его развития как личности. Именно в этом и заключается основная функция искусства.

Функциональная взаимосвязь искусства и духовно-психического состояния уже давно стало объектом научных исследований, зачастую в контексте арт-терапии. В то же время, если искусство может лечить, то вполне обосновано предложить, что оно может и калечить. Однако в данном направлении научные исследования игнорируют философско-

теоретические обобщения. Более того, любые попытки ввести какие-либо рамки художественного творчества воспринимаются как антигуманистические действия, направленные против свободы личности.

Такое положение, когда, с одной стороны, проводится обоснование терапевтического значения искусства, а с другой – полное игнорирование деструктивных механизмов искусства, характеризует абсолютную эклектичность и противоречивость общественного сознания. Впрочем, с учетом идеологической роли искусства, такая ситуация становится вполне понятной и обоснованной в контексте идеологии гуманизма.

В настоящее время, несмотря на отрицание государственной идеологии, гуманизм стал общепризнанным мировоззрением нашего общества, приняв на себя роль этой самой идеологии. В качестве надстройки капиталистической социально-экономической системы гуманизм обосновывает соответствующие ценности и формирует соответствующую личность, ориентированную на потребительский образ жизни, гедонизм, конкуренцию, индивидуализм и эгоизм. Однако абсолютное большинство гуманитарных и информационных источников продвигают апологетику гуманизма, облагораживая

его настолько, что любая противостоящая позиция уже воспринимается как непристойная.

Выдвигая человека в качестве высшей ценности и критерия всех других ценностей, гуманизм продвигает принцип плюрализма, что автоматически исключает какие-либо объективные критерии оценки, поскольку сам человек понимается по-разному. Подобный подход стал ведущим в гуманитарной науке, отказавшейся и от единого критерия развития человека: «Современная философия искусства избавилась от эссенциализма точно так же, как философская антропология отбросила идею поиска неизменной, данной раз и на века «сущности человека», а социальная философия оставила какую-либо надежду на раскрытии во все времена одной и той же «сущности социального»» [6, с. 20]. Используя понятия научность и современность, сторонники гуманизма прикрывают ими собственную мировоззренческую позицию, отвергая правомерность других мировоззрений на обоснование этих объективных критериев, поскольку их отрицание с позиции плюрализма еще не говорит об их отсутствии вообще, а показывает только отрицательное отношение к этим критериям.

Приведем небольшой пример. Если вкус одного яблока

разными людьми может ощущаться по-разному – одному он может показаться более сладким, другому – более кислым и т.д., а у третьего вообще аллергия на яблоки, это не значит, что яблоко не может быть объективно оценено с точки зрения питательных веществ и его полезности для конкретного субъекта. Иначе говоря, именно особенности субъекта обуславливают усвоение яблока, что никак не отрицает наличие объективных критериев его оценки (калорийность, питательность, кислотно-щелочной баланс, наличие витаминов и т.д.). Соотношение этих критериев с потребностями и особенностями человека определяет не только полезность или вредность яблока для организма, но и его вкусовые ощущения. А теперь представим, что яблоко при сохранении сладкого вкуса перенасыщено химикатами, способными отравить организм. В этом случае субъективное ощущение сладкого и полезного будут противоречить объективным результатам воздействия яблока на организм. Более того, некоторые продукты (например, алкоголь или наркотики) обуславливают яркое субъективное наслаждение при объективном разрушении организма.

Конечно, продукт духовного производства отличается от

материального продукта не только степенью сложности анализа, но и временем протекания процессов взаимодействия с субъектом. Однако критерии духовно-психического здоровья существуют объективно, более того, выясняется причинно-следственная связь между этим здоровьем и способом жизнедеятельности человека. Соответственно, выявляя механизмы воздействия духовного продукта на формирование отношения человека к миру посредством воздействия на его эмоционально-чувственное содержание, можно уже конкретно показывать непосредственную связь духовного продукта с духовно-психическим здоровьем и, согласно этому, объективно оценить этот продукт.

Другими словами, для абсолютно объективной оценки предмета необходимо знать не только полную информацию о его качествах, но и качествах субъекта восприятия, поскольку его уровень духовного развития определяет степень этого восприятия. То, что для одного будет лекарством, для другого может оказаться ядом; то, что для одного будет ясным и понятным, для другого может оказаться таинственным и мистическим. Однако, при выделении общих критериев развития субъекта и уровней этого развития, решается проблема

объективного воздействия предмета на субъект. От того, способствует предмет развитию или деградации субъекта и определяется объективная оценка этого предмета. И здесь вопрос упирается в критерии и направления развития человека.

На наш взгляд, фундаментальным и первичным критерием развития личности должно служить его духовное здоровье, а все прочие (интеллект, цивилизованность, профессионализм и т.д.) являются лишь дополнением к нему. Формируя целостность личности, они, тем не менее, никак не могут считаться первичными критериями, тем более не могут считаться критериями личностного развития внешние условия его существования – материальный или социальный статус. В результате, вследствие признания базовых критериев духовно-психического здоровья полностью снимается вопрос о направлении духовного развития личности.

В целом, понимая духовное здоровье как наличие положительных и отсутствие деструктивных чувств, а также соответствующих духовно-психических качеств, можно выделить объективные симптомы духовно здоровой и больной личности. Так, у духовно здоровой личности наличествуют такие чувства и качества как

любовь, вера (упование), мудрость, терпение, смирение, кротость, скромность, милосердие, сострадание, добродушие, великодушие, целомудрие, воздержание (самоограничение), жертвенность, щедрость, честность, правдивость, прямодушие, усердность, спокойствие, умиротворение, радость, счастье и т.д. У духовно больной личности – эгоизм, агрессия, гнев, ненависть, безверие, маловерие, сожаление, невежество, омрачение, глупость, нетерпимость, раздражительность, непримиримость (жесткость), гордыня, самомнение, возмущение, высокомерие (уверенность в своем превосходстве), тщеславие (страсть к похвалам), бахвальство (самовосхваление), кичливость (гордость ума), спесь (самодовольство), чванство (гордость богатства), наглость, надменность, властолюбие, жестокость, злорадство, осуждение, равнодушные, презрение, неприязнь, злость, злопамятство, малодушные, обидчивость, придирчивость, похотливость, страстолюбие, сластолюбие, несдержанность, неумеренность, алчность (жадность), лукавство (хитрость), лень, праздность, беспокойство, волнения, суета, тоска, недовольство, зависть (ревность), уныние, отчаяние и т.д. Вышеназванные чувства и качества личности опираются

на христианскую модель, однако во многом совпадают и с буддийской и мусульманской, где положительные чувства и качества и составляют так называемые духовно-нравственные ценности. В своей основе они представляют собой систему взаимосвязанных элементов, где все конструктивные элементы имеют противоположные деструктивные чувства и качества, что обусловлено противоречием биологической и духовной сущности человека. Поэтому выборочное признание или отрицание отдельных чувств, в частности веры и упования, нарушает системные связи и вызывает деградацию всей системы положительных качеств, что автоматически порождает развитие противоположных им. Естественно, что у среднего человека все эти конструктивные и деструктивные чувства и качества перемешаны в различных пропорциях, определяющих его социальную природу.

В этом контексте, помимо выборочного признания отдельных качеств, зачастую встречается позиция капитуляции перед духовными недугами, признания их неискоренимости и принятие их наличия как естественное положение. Такая позиция также обуславливает деградацию духовности, потворствует искажению ду-

ховных целей развития и, в конечном итоге, ведет к разрушению и общества и человека. Какой бы запущенной ни была духовная болезнь, отказ от лечения означает вредительство не только себе, но и другим людям, поскольку в отличие от многих физиологических болезней, которые не заразны, духовные чувства и качества легко передаются от человека к человеку. Раздраженный и возмущенный человек легко передает свое раздражение и возмущение другим, и если гриппозного стараются изолировать и избегать контактов с ним, то избегать духовно больных людей практически невозможно. Поэтому в этом плане актуально не только личный духовный иммунитет, но и теоретическое обоснование вредности духовных отклонений.

Впрочем, подобная вредность духовных болезней для человека имеет особенность компенсировать себя за счет внешних, материальных условий. Иначе говоря, человек за счет материального и статусного благополучия компенсирует духовные недуги, находя отдушину в отдельных деструктивных чувствах, переживание которых доставляет человеку внешнее удовольствие (например, гордыня, как одно из наиболее ярких переживаний). Обладая такой же системной

взаимосвязью, эти деструктивные качества неизбежно влекут за собой остальные, что усиливает духовную болезнь, для которой требуются все больше паллиативных внешних средств успокоения – шопинг, объединение, секс и т.д., доходящих до наркомании и извращений, что и обуславливает потребительский образ жизни.

Однако, именно такой духовно больной человек превращается в объект манипуляции и эксплуатации, на котором можно легко зарабатывать деньги, и именно такой человек обуславливает воспроизводство капиталистической социально-экономической системы. Эта система настолько отработала механизмы заработка на духовных болезнях и страстях, что постепенно стала переходить к генерации и физиологических болезней для заработка фармацевтических корпораций. Таким образом, человек превратился в материальный объект манипуляции и эксплуатации, обслуживающим материально-техногенную систему капитализма с его идеологией гуманизма.

Необходимо понимать, что любая идеология использует искусство в качестве инструмента продвижения своих ценностей для формирования соответствующей модели личности. Это в полной мере относится и к гуманизму, как идеологии ка-

питализма, нуждающегося для своего воспроизводства в ориентированных на потребление и гедонизм людях, с соответствующими духовно-психическими качествами, на которых можно зарабатывать капитал, которых можно эксплуатировать и которыми можно манипулировать. Иначе говоря, основная цель гуманизма – это переориентировать людей на материальную жизнь и чувственные наслаждения, вывести их за рамки самоограничения и жертвенности, перевести от служения Богу и обществу к обслуживанию своих индивидуальных интересов.

Естественно, что подобный процесс отрыва человека от высших духовных ценностей и превращения его в материальный объект манипуляции противоречит как самой его сущности, так и его социальной природе. В этом процессе расчеловечивания происходит не только морально-нравственная деградация, но и усиление духовно-психических проблем и болезней. Как отравленный продукт разрушает организм, так и ценности гуманизма, под сладким соусом гуманности и свободы личности, отравляют душу, превращая человека в био-робота, обслуживающего технократическую систему. И в этом процессе искусство является одним из главных инструментов.

Если проследить историю развития гуманистического искусства, то основным его объектом становится человек как венец творения Бога. Не Бог, не общество, а человек – вот альфа и омега гуманизма. Не отвергая первоначально духовных ценностей, гуманизм начал постепенно воспевать человеческое, формируя светское искусство, шаг за шагом расширяя границы дозволенного поощрения страстям и греху. От картин обнаженных женщин, порождающих похотливость и страстолюбие под прикрытием высокого понятия эстетического удовольствия, до допустимости блуда остается лишь небольшой шаг. Именно телесность и чувственность, перерастающая в страсть, составляет основное содержание гуманистического искусства, постепенно вовлекающего человека в материальное потребительство и гедонизм. Одновременно происходит воспевание индивидуализма, обуславливающего эгоцентризм, уникальности каждой личности с присущими ей страстями и грехами, которая закрывает собой идеал духовной личности. Постепенно вместе с процессами секуляризации онтологический антропоцентризм и психологический эгоцентризм совершенно вытесняют Бога из мировоззрения человека. Он выводит себя за рамки духовно-

трансцендентной и социальной систем, объявляя все духовные идеалы и социальные нормы вторичными по отношению к самому человеку и его жизни. Служение Богу и обществу трансформируется в потребительство, удовлетворение собственных интересов и страстей.

Данный процесс нивелирования духовности в искусстве протекал достаточно долго и очень хорошо отражен в творчестве французского поэта и критика Шарля Бодлера (1821-1867 гг.):

Сам Дьявол держит нить
судеб и правит нами;

В предметах мерзостных
находим прелесть мы

И к Аду каждый день спускаемся
среди тьмы

На шаг, без ужаса, зловонными
ходами [7, с. 4].

О жертвы жалкие, вам нет
уж исцеленья,

Спускайтесь медленно в
неумолимый ад,

На дно той пропасти, где
сонмы преступлений

Под ветром не с небес
мучительно кишат,

Как грозы, грохоча в
томительном слияньи.

Бегите за мечтой по
страдному пути.

Вовек не утолить вам
бешеных желаний,

И муки новые вам в
негах обрести [7, с. 177].

Впрочем, не стоит думать, что процесс развития искусства был однозначным со знаком минус в сторону нивелирования духовного за счет материализации и расчеловечивания. Во-первых, социальная природа человека как проявление двойственной био-духовной сущности человека включает в себя природно-материальные и духовные аспекты жизнедеятельности, где их противоречие способствует обоюдному развитию. Поэтому развитие гедонизма, с одной стороны, влечет усиление аскетизма, с другой стороны, поскольку отказаться от имеющегося гораздо сложнее, чем отказаться от неимеющегося. Во-вторых, область чувственности и духовности представляет собой весьма широкую сферу, где переплетаются конструктивные и деструктивные чувства, качества и идеи. Субъективная иерархия этих элементов имеет эклектический характер, поэтому и их проявление в искусстве также несет эклектический характер. Однозначно деструктивные или конструктивные произведения искусства встречаются крайне редко, абсолютное же большинство произведений сочетают в себе эти аспекты в различных пропорциях. Вследствие этого, основная проблема состоит в иерархии тех духовных качеств, которые формируют

эти произведения искусства и, тем самым, формируют соответствующий тип личности – индивидуальный, социальный или духовный.

Таким образом, развитие искусства, с одной стороны, отражая, а с другой – формируя эмоционально-чувственное содержание индивидуального и общественного сознания, в целом расширяя его грани и спектр, тем не менее, имеет определенную общую тенденцию, определяемую господствующей идеологией. В этом контексте идеология гуманизма направлена, прежде всего, на формирование модели индивидуальной личности, характеризующейся потребительством и гедонизмом [8]. Вследствие этого, искусство как элемент социальной структуры и инструмент идеологии, становится направленным на формирование в человеке соответствующих качеств – способствует развитию потребностей получения, пропагандирует чувственное наслаждение, подчеркивает уникальность индивидуализма и ценность плюрализма, в результате чего размываются границы духовного здоровья, духовные страсти и недуги из объекта борьбы становятся «отличительными особенностями» личности. Отсюда следует принятие деструктивных качеств за норму и духовно-нравственное разло-

жение общества в целом, основным принципом жизни которого становится «хлеба и зрелищ».

Подобная материально-гедонистическая функция искусства была присуща ему изначально и широко использовалась уже в языческих традициях. С появлением религиозно-философских учений, направленных на формирование духовной личности, эта деструктивная роль искусства активно критиковалась всеми их основоположниками. Так, Конфуций говорил: «Быть человеческим – значит победить себя и обратиться к нормам поведения. Если однажды победишь себя и обратишься к нормам, все в Поднебесной признают, что ты человек. От самого себя, не от других, зависит обретение человечности... Не смотри на то, что не соответствует нормам. Не слушай то, что не соответствует нормам. Не говори то, что не соответствует нормам. Не делай то, что не соответствует нормам» (Лунь Юй, 12:1). Будда отмечал, что отшельник «избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами» (Сутра о плодах отшельничества, ДН, 2). Христос в своей нагорной проповеди провозглашал: «Если же правый глаз твой соблазняет

тебя, вырви его и брось от себя, ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну» (Мф., 5:29).

Однако аскетизм как противоположность гедонизму не отрицает искусства вообще. Эстетика аскетизма заключается не в потакании чувственным наслаждениям, а в ограничении деструктивных и культивировании конструктивных чувств и качеств человека. Религиозное и духовное искусство не разжигает страсти, оно их обуздывает, гармонизируя эмоционально-чувственное содержание с высшим трансцендентным уровнем. Василий Великий писал: «Приковывай свой взор не к земному, а к небесному, где находится Христос» [9, с. 445]. У духовной личности чувство прекрасного обусловлено всеобщей любовью к миру, где творение человека отражает природу человека, а творение Бога отражает божественную природу: «Одна травка или одна былинка достаточна занять всю мысль твою рассмотрением искусства» [9, с. 337]. В этом контексте, все, что ведет человека в сторону положительных духовных качеств и представляет собой прекрасное, а все что ведет к противоположным качествам – безобразное.

В результате, любой компромисс в отношении чув-

ственной страсти, обернутый в красивую упаковку плюрализма, будет ничем иным как переход от духовной личности к индивидуальной. Впрочем, для индивидуальной личности такая позиция явно неприемлема, обличение ее бездуховности отвергается теоретической эквилибристикой гуманизма и человечности, где противоречивость и эклектика биологического и духовного в рамках «золотой середины», компромисса и прочих плюралистических концепций в конечном итоге логического анализа все равно определяют первичность организма (биологической жизни) и вторичность духовного.

В этом контексте собственную духовную незрелость и слепоту, неспособную охватить положительное или отрицательное влияние искусства, гуманисты возводят в ранг объективно недоступного, субъективно интуитивного, невербального и даже мистического содержания: «Но в искусстве, несомненно, есть и что-то непонятное, таинственное, невыразимое и даже мистическое. И возможно, как раз эти, ускользающие от вербальных объяснений стороны искусства и являются главными в них» [6, с. 33]. Недоступность рационального осмысления и объективного оценивания определенных явлений не говорит об отсут-

ствии таковых вообще, а просто показывает ограниченность мышления и духовную незрелость, проецируемых и на других людей: «Наивно надеяться также на ясные определения центральных категорий философии искусства, включая понятия «искусство», «произведение искусства», «прекрасное», «возвышенное», «эпатирующее», «комическое» и т.д.» [6, с. 14]. В рамках такого понимания, искусство становится областью не конструктивного духовного развития, а сферой самореализации, самовыражением творческих личностей, духовное здоровье которых зачастую вызывает большие сомнения. Вследствие этого такие творческие личности передают свои духовные проблемы аудитории, выискивая и находя чувственный резонанс деструктивных качеств, тем самым подпитывая и взращивая их.

Более того, при выявлении объективных деструктивных свойств тех явлений, которые гуманисты считают вполне нормальными и приемлемыми, происходит мировоззренческое отвержение, что является общим психологическим законом – как духовная личность отвергает все проявления страстей, чувственных извращений и деструктивных духовных качеств, так и индивидуальная личность отвергает все попытки ограни-

чения гедонизма. В ход идут избитые положения о человеке как мере всех вещей, недопустимости решать за самого человека, что ему хорошо, а что плохо, недозволенности насилия над человеческой волей и тому подобная казуистика, призванная оправдать допустимость духовных недугов. В конечном итоге, все это является лишь обоснованием мировоззренческой позиции индивидуальной личности, для которой главное в жизни это материальное благополучие и гедонизм (хлеб и зрелища), а все духовное есть лишь инструмент для их получения и гарантии. Иначе говоря, духовно-нравственные ценности никоим образом не отвергаются и даже поддерживаются, покуда они дают гарантии сохранения материального благополучия и гедонизма. Вместе с тем, духовно-нравственные ценности выступают прекрасным механизмом манипуляции и инструментом обеспечения собственного материального достатка за счет других. Но они легко отбрасываются при малейшей угрозе лишения этих благ или в ситуации выбора между ними и моралью, что как раз и отражает их вторичный характер для индивидуальной личности.

Таким образом, идейный плюрализм не должен переходить принципиальные границы

именно духовного здоровья, объективно определяемого и соответственно понимаемого. Ведь, несмотря на множество направлений искусства, многие формы традиционной и современной культуры, человек как био-духовное существо представляет собой единое явление во всех своих формах и средах существования. Принимая его таковым как он есть во всем своем разнообразии, отказываясь от объективной цели духовного развития, общество капитулирует перед духовными недугами, отбрасывает идеал духовной личности, который, по сути, есть смысл социальной жизни. В какой бы культуре ни жил человек, законы духовного развития едины для всех, абсолютно все должны пройти этапы мифологического, обыденного, религиозного, научного и философского мировоззрения, чтобы подойти к развитию интуитивного мировоззрения, непосредственного восприятия и реагирования на духовно-нравственной основе. В противном случае будет духовное вырождение и превращение человека в био-робота. Материальный достаток, уровень материального потребления есть лишь условие и инструмент развития духовных качеств человека, и если они вредят этому развитию, они должны быть понижены до той степени, пока

не перестанут мешать духовности. Если же человек достиг высокого уровня духовности, при котором материальные условия не могут навредить духовному здоровью, материальное благополучие становится фактором духовного развития, а искусство – механизмом развития соответствующих чувств и качеств. В этом контексте разнообразие произведений искусства, служащих единой цели духовного развития человека, гарантирует более широкий спектр его духовности. Однако для этого необходимо в первую очередь отказаться от ориентации на индивидуальную личность в пользу духовной личности.

В конечном итоге каждый человек несет личную ответственность за свое духовное здоровье и развитие. Понимание их базовых принципов способно оградить человека от некачественного духовного продукта и заложить основы развития духовного иммунитета. Поэтому от выбора каждого чело-

века зависит и направление искусства – чем меньше будут употреблять некачественный продукт, чем меньше он будет востребован, тем меньше деструктивного искусства останется в нашей жизни. Однако это не снимает с общества ответственности за механизмы своего культурного воспроизводства в виде ориентации на определенную модель личности. Искусство в качестве одного из основополагающих механизмов такого воспроизводства зависит от социально-экономической и политической системы, поскольку является ее неотъемлемой частью. Вследствие этого коренное изменение основного направления развития современного искусства в качестве инструмента расчеловечивания можно ожидать только с трансформацией всей системы общественных отношений, когда ведущими ценностями общества станут не капитал и материальное благополучие, а духовное здоровье.

Примечания

1. Чебунин А. В. Структурный подход к проблеме человека и общества. Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 139 с.

2. Кандинский В. В. О духовном в искусстве. Нью-Йорк, 1967.

3. Козлов Н. И. Эмоции и чувства // Психологос. Энциклопедия практической психологии. URL: <https://educ.wikireading.ru/hf40NK25Ac> (дата обращения: 26.10.2022).

4. Леонтьев А. Н., Судаков К. В. Эмоции // БСЭ. Т. 30. М., 1978.
5. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд. СПб. : Питер, 2011. 782 с.
6. Никитина И. П. Философия искусства : учеб. пособие. 3-е изд., испр. М. : Омега-Л, 2010. 559 с.
7. Бодлер Ш. Цветы Зла / пер. с франц. Адриана Ламбле. М. : Водолей, 2012. 220 с.
8. Чебунин А. В. К вопросу о критериях развития личности // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2022. Вып. 3. С. 10-24.
9. Симфония по творениям святителя Василия Великого. М. : ДАРЪ, 2008. 512 с.

References

1. Chebunin A. V. Strukturnyj podkhod k probleme cheloveka i obshchestva [Structural approach to the problem of man and society]. Ulan-Ude, 2006. 139 p. [In Russ.].
2. Kandinsky V. V. O dukhovnom v iskusstve [About spiritual in art]. New-York, 1967. [in Russ.].
3. Kozlov N. I. Emocii i chuvstva [Emotions and feelings] // Psikhologos. Enciklopedija prakticheskoy psikhologii [Psychologos. Encyclopedia of practical psychology]. URL: <https://educ.wikireading.ru/hf40NK25Ac> (26.10.2022) [In Russ.].
4. Leotyev A. N., Sudakov K. V. Emocii [Emotions] // BSE [BSE]. V. 30. М., 1978. [In Russ.].
5. Ilyin E. P. Emocii i chuvstva [Emotions and feelings]. 2nd ed. St.-P., 2011. 782 p. [In Russ.].
6. Nikitina I. P. Filosofija iskusstva : ucheb.posobije [Philosophy of art : manual]. 3rd ed., changed. М., 2010. 559 p. [In Russ.].
7. Bodler Sh. Cvety Zla [Flowers of Evil] / transl. by Adrian Lamble. М., 2013. 220 p. [In Russ.].
8. Chebunin A. V. K voprosu o kriterijakh razvitija lichnosti [About the criteria of personality's development] // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija [Bulletin of the Buryat state university. Philosophy]. 2022. Issue 3. Pp. 10-24. [In Russ.].
9. Simfonija po tvorenijam svjatitelja Vasilija Velikogo [Symphony on the creations of the Saint Vasiliy the Great]. М., 2008. 512 p. [In Russ.].

Кучмуруков В. В., Соболева Ю. Е.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ЕГО ИДЕНТИЧНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

В статье рассматривается вопрос о понятийном мышлении современного человека, которое является одним из важнейших инструментов его социальной, личностной, профессиональной идентификации.

Ключевые слова: терминологические заимствования, информативность, идентичность, культура, цивилизационная эволюция.

Kuchmurukov V. V., Soboleva Yu. E.

MODERN WORLD AND ITS IDENTITIES: PROBLEMS OF TERMINOLOGICAL BORROWINGS

The article deals with the issue of modern person's conceptual thinking, which is one of the most important tools of his/her social, personal, professional identification.

Keywords: terminological borrowings, informativeness, identity, culture, civilizational evolution.

По последним данным ООН, численность населения Земли составляет 8 миллиардов человек [10] и эта новость стала поводом для различных комментариев: положительных и отрицательных. Не менее трети поколения next стала придерживаться принципа «чайлдфри». Пользователи сети Интернет в ответ на новость об очередном количественном достижении человечества обреченно вздыхают: «Нас во-

семь миллиардов: жить стало лучше, но недолго» [6].

В таких реакциях на объективные процессы обнаруживают себя, возможно, главные особенности современного человека. Анализ даже малой части комментариев показывает, что отношение homo sapiens настоящего времени к миру и себе строится на признании необратимости антропогенных процессов, на глубоко скрываемой неуверенности в буду-

щем, и даже на известного рода страдающем эгоцентризме, так свойственном западному культурному сообществу, постоянно обнаруживающему, что его собственные технологические достижения приносят пользу кому-то другому. Ведь совсем не является тайной то, что население планеты растет не в пользу западного мира, каким бы современным и, в этом плане, доминирующим он себя не считал.

Примечательно, что за западный мир в отечественном сегменте глобальной сети подают голос российские пользователи, которые в основной своей массе даже не отдают себе отчет в том, что и как они комментируют. А еще обращает на себя внимание терминологический и ссылочный аппарат научных работ отечественных гуманитариев, в полной мере представляющих мировоззренческие концепты Запада. В этом нет ничего удивительного, так как отечественная гуманитарная наука Нового и Новейшего времени в целом, и по отраслям концептуально продолжает именно его эволюцию. Потому следует отдавать себе отчет в том, что подобная преемственность на постоянной основе формирует условия и язык научного дискурса, традиционно обогащая его терминологическими заимствованиями.

При этом определительный потенциал этих заимствований отличается разной степенью ясности и однозначности.

Так, разбираясь с качественными признаками современного мира, отечественное обществоведение называет его глобальным, используя термин американской экономической науки второй половины XX в. О цивилизационных особенностях современного мира часто говорят в терминах американской социологии 20-х и 60-х гг. XX в., используя такие слова, как «техногенность» и «постиндустриальность». Именования современной культуры начинаются от признания ее принадлежащей «массовому обществу», что тезисно сформулировали европейские философы начала XX в., а затем закрепили социологические дискуссии Америки и Европы середины прошлого столетия.

Приведенные примеры дают понять, что терминологические заимствования могут быть крайне полезны и существенно экономить время на разработку теоретических моделей действительности. Потому отечественная наука их осваивает, многократно применяет на практике, а далее признает общими местами знания, не требующими дополнительных обоснований.

Совсем иначе обстоит дело с более поздними словами-маркерами, фиксирующими такие качества современного мира как «информация» и «информационность». В трудах японских, американских, а позже европейских и отечественных ученых второй половины XX в. эти термины направлены сращиваются с характеристиками современного общества, почти вытесняя прежние его определения. За формируемым концептом «информационное общество» закрепляется значение актуального «<...> общественного уклада, базирующегося на комплексном, многостороннем

знании и неразрывно связанной с ним информацией. При этом строгое разграничение знания и информации в контексте их социальной роли теряет смысл, так как они воспринимаются в качестве коэволюционных начал преобразующейся цивилизации» [7].

Однако общий смысловой посыл данного определения после некоторого взглядывания в его формулировки напрашивается на критику. Во-первых, потому что оно ставит знак равенства между знанием и информацией, более того – поднимает информацию на уровень гиперонима знания, например, так:

ДАННЫЕ, ИНФОРМАЦИЯ, ЗНАНИЯ [9]

При этой всеобщей «информационности» необходимо заметить, что знание представляет собой неотчуждаемый и осмысленный опыт жизнедеятельности человека, а информация как коллекция целена-

правленно собираемых данных может быть обработана и машиной. Следовательно, никакого равенства между знанием и информацией нет, как нет и равенства социальных функций «главное – служебное».

Во-вторых, термин «информационный» имеет одно из значений «свойственный информации; создающий, перерабатывающий информацию» [4]. При объединении его с термином «общество» получается «общество работающих с информацией», или попросту – сообщество специалистов, допущенных к сбору и обработке данных – data-специалистов, или «информационных работников» [11]. Называть такой социальный субстрат основой современного «общественного уклада» по меньшей мере спорно.

Вообще перевод и употребление иноязычных терминологических единиц вызывает множество проблем адаптации смыслов, в том числе в операциях по их контекстному моделированию. Очень часто такие операции строятся по уже известным схемам типа, например, «массовое общество» → «массовая культура», что даже при наличии понятного предмета референции не всегда приводит к аккуратным результатам. Еще менее ясными они получаются тогда, когда терминологическая единица отстраивается от не до конца понятного концепта, такого, к примеру, как уже упомянутая «информационность». Метафоричность, нестрогость значений таких его производных,

как «информационная культура» (это про информацию или человека?) или «информационная система» (это про компьютер или систему коммуникаций?), вызывает множество попыток достроить, уточнить их содержание, в результате чего определения наслаиваются друг на друга, создавая вместо информации «белый шум», иначе – формируя тот самый симулякр, о котором так любит рассуждать современная европейская философия.

Можно ли относиться к такой ситуации терпимо, считая ее малосущественной для современного человека, точнее, для человека, живущего в современном постиндустриальном мире? Какое отношение к его комфортному существованию имеют иноязычные термины, которыми пользуется актуальный научный дискурс, и те проблемы, которые он порождает внутри себя? Ответами на эти вопросы будут «нельзя» и «принципиальное», потому что существование в языке есть норма для мышления, и, потому что язык или, иначе, речевое мышление является одним из важнейших инструментов идентификации человека. Человек, не прошедший через идентификацию, в том числе языковую, не может чувствовать себя в социуме уверенно и защищенно, он те-

ряет устойчивость в психологическом и деятельностном планах, теряет будущее, а вместе с ним теряет будущее и мир, в котором он живет.

Чтобы правильно оценить условия, которые предлагает современный мир для идентификации современного же человека, следует вернуться к классическим положениям социальной психологии, фиксирующим функциональные этапы процесса уподобления/отождествления/адаптации следующим образом:

- сравнение – сопоставление себя с другими людьми;

- подражание – следование образцу, примеру другого человека;

- эмпатия – способность поставить себя на место другого, посмотреть на мир его глазами, почувствовать его переживания, усвоить его личностный опыт;

- проекция – наделение другого человека своими чертами, чувствами, желаниями как продолжение и отражение себя самого в других людях [3].

Социальный ландшафт современного мира, понятийно обозначенный преимущественно англоязычной терминологией, как уже фиксировалось выше, строится как:

- преимущественно городской, точнее, уже преимущественно мегаполисный;

- урбанистический, высокоскоростной, разноскоростной, технологический и технократический;

- тотально массовый, создавший общественные институты массовой деятельности – детства, образования, досуга, информирования и т. п.

Простой перенос функциональных этапов идентификации человека в условия, создаваемые этим ландшафтом, позволяет сделать вывод о том, что:

- сравнивать/сопоставлять себя с другими приходится в абсолютно разнородной среде, поскольку современный мир не является гомогенным ни в культурном, ни в социальном планах; наиболее стабильными институтами идентификации сегодня могут быть только семья и профессия, но и здесь идут коренные подвижки в сторону разрушения общепринятого;

- подражать неосознанно, а точнее – принимать получается преимущественно близкородственные образцы, часто – профессиональные, тотально – ресурсодержащие и ресурсоуправляющие, что в том числе объясняет выбор языка;

- эмпатия, думается, особенно не развивается (сохраняясь частично в институтах семьи и профессии), она не успевает сформироваться в мире,

живущем на высоких скоростях, и «застревает» на уровне подражания;

– в проекции же предоставлено все пространство сетевого общения, все его группы, сообщества, личные блоги и потребительские площадки.

Если поверить социальным психологам и принять проецирование за высшую и самую зрелую функцию процесса идентификации, создающую взаимопонимание (гармонию) между людьми, то можно зафиксировать место дефекта в идентичностях современного человека, которому современные технологии предоставили возможность множить себя до бесконечности. Добавив к этим возможностям искушения – информационностью, языковыми кодами специальной идентичности (такие коды уже есть, они строятся на англоязычной терминологии специалистов IT, или геймеров), свободой от этики реального мира, виртуальным потенциалом собственного мышления, наконец, – можно очень наглядно отследить процесс превращения *homo sapiens* в *homo network*, сетевого человека.

О том, что этот человек с дефектом идентичности, речь уже была выше. И этот дефект пойман и введен в описание, пока еще в литературной форме, например, так: «Заметили

новое противоречие: человек разумный – человек сетевой? Куда уходит разум, когда приходит Сеть?» [8].

Получается, что культура – не «информационная», а та самая, базовая, «вторая природа человека», созданная им для обережения человеческого в себе – уже включилась, уже реагирует на этот дефект идентичности, воспринимая его как болезнь современного мышления, в том числе языкового, заигравшегося в концепты и потерявшего связь с миром действительности. Вылечить эту болезнь путем устранения сетевой среды и ее технологических носителей невозможно – из цивилизационного развития выйти можно только «вперед». Потому исправлять дефекты нужно в самом мышлении, а на это способно только критически построенное образование, настроенное на правильную систематизацию известного, в том числе – в терминологическом пространстве актуального научного дискурса.

Процесс очищения последнего уже начался. Это заметно по изменению словесного образа текущего обсуждения, в котором работают заимствования, идущие на пользу как самому дискурсу, так и его продуктивным прогнозам. Речь, например, может идти о понятии «цифровой трансформа-

ции», введенном в 1995 г. американским специалистом в области IT Н. Негропonte по отношению к процессам модернизации мировой экономики.

В обиходе обществоведческих наук это понятие закрепляется после выхода в свет работы К. Шваба «Четвертая промышленная революция», которое произошло в 2017 г. [2]. Закрепление дает возможность терминологически отделить от «информационности

вообще» ее технологическую оболочку и логично встроить последнюю в моделирование цивилизационной эволюции. Вот, например, как выполняют визуализацию базовой модели общецивилизационного прогресса создатели Международного межвузовского научно-исследовательского проекта «Цифровая цивилизация: медиакоммуникации, интернет-маркетинг», который был завершен в 2020 г.:

Типологическая модель цивилизации [5, с. 88]

В этой модели нет расхождений по классификации критериев различения, они едины; более того – они дают крайне необходимое уточнение содержанию понятий «цивилизация» и «культура», делая их смысл

однозначным, а отношения – непротиворечивыми:

- «...цивилизация – это комплекс технических и практических знаний, набор средств для воздействия на природу, материальная и социотехниче-

ская оболочка культуры. Понятие цивилизации при такой трактовке указывает на функциональность, технологичность, институциональность. Культура, о которой мы будем говорить дальше, в общем плане рассматривается как знания, ценности, нормы, создающие смысловой каркас человеческого существования» [5, с. 18];

- «... цивилизация сосуд, а культура – содержание. Понятно, что между сосудом и содержимым этого сосуда могут быть весьма разные отношения» [5, с. 18].

Избыточно-«художественная» сравнительность в этих определениях уместна и понятна, т. к. в человеческом мышлении основные операции выполняются пока еще все-таки в аналоговом, а не цифровом формате. Кроме того, такой формат позволяет концентрировать внимание не на абстрактных категориях/концептах, а на предметных референтах действительного мира, который никуда не делся

и остается таким же прекрасным, насыщенным историей и человеческим опытом.

Восстановление его ценности в мышлении, возможно, является одной из важнейших задач психологической реабилитации современного человека и тем самым базовым основанием идентичности, который охраняет его человеческую природу.

В итоге справиться с этой задачей без участия культуры и искусства невозможно, хотя, как известно, эстетическая деятельность лишена производительного потенциала. Зато она, по словам М. М. Бахтина, «собирает рассеянный в смысле мир и сгущает его в законченный и самодовлеющий образ, находит для преходящего в мире (для его настоящего, прошлого, наличности его) эмоциональный эквивалент, оживляющий и оберегающий его, находит ценностную позицию, с которой преходящее мира обретает ценностный событийный вес, получает значимость и устойчивую определенность» [1].

Примечания

1. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М., 1979.

2. Ефремова Т. А., Артемьева С. С., Макейкина С. М. Особенности, тенденции и перспективы цифровой трансформации экономики: мировой и национальный опыт // Теория и практика общественного развития. 2021. № 1(155). С. 53-58.

3. Почебут Л. Г., Чикер В. А. Организационная социальная психология : учеб. пособие. СПб. : Речь, 2002. С. 95.

4. Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. СПб. : Норинт ; М. : Рипол классик, 2008. 1534, [1] с.

5. Дзялошинский И. М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций : монография. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2020. С. 88. ISBN 978-5-696-05139-0.

6. [Нас восемь миллиардов: жить стало лучше, но ненадолго](https://dzen.ru/media/nakedscience/nas-vosem-milliardov-jit-stalo-luchshe-no-nenadolgo-63736717c613f77a96f71af4). URL: <https://dzen.ru/media/nakedscience/nas-vosem-milliardov-jit-stalo-luchshe-no-nenadolgo-63736717c613f77a96f71af4> (дата обращения: 04.12.2022).

7. Пидоймо Л. П., Бутурлакина Е. В. Сущность категорий "информационное общество", "информационная экономика" // Современная экономика: проблемы и решения. 2010. № 4. С. 112-118.

8. Ратай О. Человек сетевой. URL: <https://proza.ru/2018/08/27/1680?ysclid=lb3lj04mi4632426413> (дата обращения: 04.12.2022).

9. Алексеева Л. П. Информатика и ИКТ : презентация. URL: <https://present5.com/alekseeva-lyudmila-petrovna-kafedra-informatiki-1-informatika-i/> (дата обращения: 04.12.2022).

10. Население мира достигнет 8 миллиардов человек 15 ноября 2022 года // United Nations. Департамент по экономическим и социальным вопросам : сайт. URL: <https://www.un.org/en/desa/world-population-reach-8-billion-15-november-2022> (дата обращения: 04.12.2022).

11. Черныш М. Информационные работники: профиль социальной группы // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2017. Т. 9, № 14. С. 31-44.

References

1. Bakhtin M. M. Avtor i geroj v esteticheskoj dejatel'nosti [Author and character in aesthetic activity] // Estetika slovesnogo tvorčestva [Aesthetics of verbal creativity]. M., 1979. [In Russ.].

2. Efremova T. A., Artemyeva S. S., Makeykina S.M. Osobenosti, tendencii i perspektivy cifrovoj transformacii ekonomiki: mirovoj i nacional'nyj opyt [Features, tendencies and perspectives of digital transformation of economy: global and national experience] // Teorija i praktika obščestvennogo razvitija. [Theory and practice of social development]. 2021. № 1(155). Pp. 53-58. [In Russ.].

3. Pochebut L. G., Chiker V. A. Organizacionnaja social'naja psihologija : ucheb. posobije [Organizational social psychology: manual]. St.-P., 2002. P. 95. [In Russ.].

4. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Big explanatory dictionary of the Russian language] / [chief ed. S. A. Kuznetsov]. St.-P.; M., 2008. 1534, [1] p. [In Russ.].

5. Dzyaloshinsky I. M. Filosofija cifrovoj civilizacii i transformacija mediakommunikacij : monografija [Philosophy of digital civilization and transformation of media communications : monograph]. Chelyabinsk, 2020. P. 88. ISBN 978-5-696-05139-0 [In Russ.].

6. Nas vosem' milliardov: zhit' stalo luchshe, no nenadolgo [There are eight billion of us: life has become better, but not for long]. URL: <https://dzen.ru/media/nakedscience/nas-vosem-milliardov-jit-stalo-luchshe-no-nenadolgo-63736717c613f77a96f71af4> (04.12.2022). [In Russ.].

7. Pidoymo L. P., Buturlakina Ye. V. Sushchnost' kategorij «informacionnoje obshchestvo», «informacionnaja ekonomika» [The essence of the categories «information society», «information economy»] // Sovremennaja ekonomika: problemy i reshenija [Modern economy: problems and solutions]. 2010. № 4. Pp. 112-118. [In Russ.].

8. Ratay O. Chelovek setevoj [Network person]. URL: <https://proza.ru/2018/08/27/1680?ysclid=lb3lj04mi4632426413> (04.12.2022). [In Russ.].

9. Alexeeva L. P. Informatika i IKT : prezentacija [Computer science and ICT : presentation]. URL: <https://present5.com/alekseevalyudmila-petrovna-kafedra-informatiki-1-informatika-i/> (04.12.2022). [In Russ.].

10. Naselenije mira dostignet 9 milliardov chelovek 15 nojabrja 2022 goda [The world population will become 9 billion people on 15 November 2022] // United Nations. Departament po ekonomicheskim i social'nym voprosam [United nations. The department of economic and social issues]. URL: <https://www.un.org/en/desa/world-population-reach-8-billion-15-november-2022> (04.12.2022). [In Russ.].

11. Chernysh M. Informacionnyje rabotniki: profil' social'noj gruppy [Information workers: profile of a social group] // Interakcija. Interv'ju. Interpretacija. [Interaction. Interview. Interpretation]. 2017. V. 9, № 14. Pp. 31-44. [In Russ.].

Бояк Т. Н., Дедюро Д. А.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПРОЕКТ КАК МЕХАНИЗМ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ

Статья посвящена осмыслению вопроса формирования патриотизма молодежи в современных условиях. Уточняется содержание понятия «патриотизм», на основе данных анкетного опроса приводятся некоторые характеристики патриотизма современной студенческой молодежи, подчеркивается существенный потенциал социально-культурного проекта в решении задач патриотического воспитания молодого поколения, освещается один из примеров применения технологии социально-культурного проектирования по формированию и укреплению патриотизма студентов в практике вуза культуры.

Ключевые слова: молодежь, студенты, патриотизм, патриотическое воспитание, социально-культурный проект.

Boyak T. N., Dedyuro D. A.

SOCIO-CULTURAL PROJECT AS A MECHANISM OF PATRIOTIC EDUCATION OF MODERN YOUTH

The article is devoted to comprehending the issue of formation of youth patriotism in modern conditions. The content of the concept «patriotism» is clarified, some patriotism characteristics of modern student youth are given, the significant potential of a socio-cultural project in solving the tasks of patriotic education of the younger generation is emphasized, one of the examples of the use of socio-cultural projecting technology for forming and strengthening students' patriotism in the practice of the higher educational institution of culture is highlighted.

Keywords: youth, students, patriotism, patriotic education, socio-cultural project.

Патриотическое воспитание молодежи выступает важной задачей, от успеха решения которой напрямую зависит устой-

чивость, целостность общества. Патриотическая консолидация молодого поколения в условиях информационной войны против России является необходимым условием стабильности страны. Тем более, что молодёжь – одна из наиболее динамичных социально-демографических групп, которая, с одной стороны, активно приобщается к существующим ценностям общества, а с другой стороны, влияет на социум и его культуру посредством собственной реализации как субъект социального развития. Данное обстоятельство подчеркивает значимость молодежи в перспективах общественной жизни и одновременно, необходимость регулярного мониторинга процессов социализации, воспитания группы, в том числе, формирования патриотизма.

На основе анализа трактовок понятия «патриотизм», существующих в справочно-энциклопедической литературе, мы приходим к пониманию патриотизма как ценности, основным содержанием которой выступает любовь к Родине, гражданская ответственность за ее судьбу, преданность Отечеству и народу [1; 2; 3]. Патриотизм представляет собой комплексную ценность, которая включает в себя многие слагаемые: глубокая психологическая привязанность к людям, род-

ной земле, природе, культуре, осознание своего долга перед Родиной, выражающегося, в том числе, в добросовестном созидательном труде на благо страны, следовании высоким образцам нравственности, гражданственности и др.

Осмысление содержания патриотизма позволяет выделить в его структуре два наиболее значимых взаимосвязанных элемента: патриотическое сознание, патриотическое поведение. Данное обстоятельство определяет необходимость производить научный анализ проблемы патриотизма на двух этих уровнях, поскольку не всегда поведение личности в полной мере соответствует ее ценностному сознанию.

С целью выявления уровня патриотизма студенческой молодежи, факторов его формирования и путей повышения в современных условиях в декабре 2021 года студентами направления подготовки «Социально-культурная деятельность» группы 13Б-20 ФГБОУ ВО «Восточно-Сибирский государственный институт культуры» (при научном консультировании Т.Н. Бояк) было проведено анкетирование среди студенческой молодежи вуза. Участие в интернет-опросе приняли 201 респондент.

Один из вопросов исследования был направлен на выяв-

ление понимания студентами патриотизма. Для большинства патриотизм – любовь к Родине – 58,7%, уважение и гордость за свою страну – 52,2%. Это позволяет сделать вывод, что у респондентов, в целом, сформировано верное понимание патриотизма.

Только 14,4% не считают себя патриотами, и лишь 7,5% отмечают, что гордиться в стране нечем, тогда как 52,2% гордятся победой в Великой Отечественной войне, 50,2% гордятся культурным наследием и 45,8% историей страны.

Ответы респондентов на вопрос «Где бы Вы хотели родиться и жить?» свидетельствуют о том, что более 80% – патриоты своей страны: доля тех, кто предпочел бы родиться и жить за границей незначительна – 19,4% (заметим, что опрос был проведен в 2021 году, поэтому учитывая сегодняшнюю мировую ситуацию, полагаем, что сейчас среди молодежи доля желающих жить за рубежом еще меньше). 40,3% опрошенных предпочли бы родиться и остаться жить в своём родном регионе/городе/селе, 15,4% выбрали бы другой регион, 22,4% – столичные города – Санкт-Петербург и Москву.

То, что большинство молодых людей – патриоты своей страны, конечно, оптимистичный факт, свидетельствующий

о стабильности, устойчивости российского общества, государства.

Однако, данные опроса свидетельствуют и о некоторых противоречиях в патриотической культуре студентов. Так, 63,2% респондентов уверенно ответили, что очень любят свою малую Родину, в то же время доля тех, кто испытывает потребность жить в своем родном регионе/городе/селе – 40,3% (желающих жить на малой Родине на 22,9% меньше, в сравнении с признающими себя любящими ее). Данное обстоятельство определяет необходимость со стороны институтов социализации личности углублять работу по воспитанию гражданина – патриота малой Родины. Тем более, что от эффективности решения этой задачи напрямую зависят дальнейшие перспективы экономического, социально-культурного развития региона.

О противоречиях между установками ценностного сознания и поведения молодежи свидетельствуют и другие данные опроса: например, только 15,9% респондентов не считают, что сегодня нужно уделять больше внимания патриотическому воспитанию молодежи. Вместе с тем, не все молодые люди активно участвуют в мероприятиях патриотической направленности, большинство

играют в них пассивную роль зрителя/слушателя и не готовы становиться организатором/инициатором.

Таким образом, результаты анкетирования свидетельствуют об актуальности задачи углубления работы с молодым поколением по воспитанию гражданина – патриота малой Родины; повышению патриотической культуры личности на уровне ценностного поведения посредством поиска и внедрения эффективных мероприятий патриотической направленности, способствующих проявлению творческой деятельной активности, инициативности самой личности.

Решению данной задачи могут содействовать социально-культурные проекты, разработанные с учетом потребностей, интересов молодого поколения.

Компетентные содержательные социально-культурные проекты в современных условиях приобретают особую значимость во многом благодаря широким возможностям в решении целого комплекса просветительских, культуротворческих, воспитательных задач. Преимущества применения технологии социально-культурного проектирования в воспитательном процессе очевидны – систематичность, динамичность, действенность, способность формировать це-

лостную картину мира участников и убедительно доносить главные идеи благодаря серии хорошо продуманных разнообразных мероприятий, направленных на достижение единой цели. Проект позволяет организаторам максимально использовать необходимый для достижения цели арсенал воспитательных средств, осуществлять разработку и выбор форм мероприятий, быть в постоянном контакте с участниками, наблюдая за происходящими в процессе этого контакта изменениями.

Успешно разработанный и реализованный проект с применением эффективных средств социально-культурной деятельности создаёт благоприятные условия «для развития гармоничной личности, формирования патриотических чувств и приобщения к историко-культурному наследию» [4, с. 119].

В связи с существенным потенциалом социально-культурного проекта как механизма социализации личности в рамках практической части исследования по вопросу формирования патриотизма молодёжи (под руководством Т.Н. Бояк) студентами группы 13Б-20 был предложен и частично реализован (совместно с Д.А. Дедюро, студентами группы 13Б-18) проект «Патриотизм в

наших сердцах», направленный на воспитание, укрепление патриотизма студенческой молодежи вуза, решение выявленных в ходе анкетированных проблем, задач.

Исходной стала ориентация не на количество, а качество, действенность предлагаемых мероприятий. К тому же сами опрошенные не едины во мнении о необходимости роста количественных показателей мероприятий патриотической направленности.

Разработчики проекта пришли к пониманию возможностей повышения эффективности положительного воспитательного влияния на аудиторию посредством предоставления каждому желающему продемонстрировать свои чувства любви к Родине через собственную творческую деятельность (приняв, например, участие в конкурсе фоторабот, посвященном теме Родины), а также путем сочетания массовых зрелищных, познавательных и камерных мероприятий, позволяющих наиболее убедительно, без спешки, доходчиво, в располагающей для этого обстановке донести до сознания и чувств аудитории близкие, важные для каждого россиянина ценности любви к Родине.

При определении перечня мероприятий проекта (выстав-

ка-фотоконкурс «О малой родине с любовью»; литературный салон «Поэты родной земли»; экскурсия «Город историй»; театрализованный концерт «Береги землю любимую, как мать родимую») учтены предпочтения респондентов по результатам опроса. Проект разработан студентами в рамках учебного курса «социально-культурное проектирование», поэтому реализован частично.

Более подробно остановимся на проведенной (с 1 по 28 апреля 2022 г.) в рамках проекта выставке-фотоконкурсе «О малой Родине с любовью». Отметим, что по результатам опроса выставки (наряду с фестивалями, театрализованными концертами, литературными гостиными, тематическими вечерами патриотической направленности) по мнению респондентов способны оказать наиболее выраженное влияние на патриотическое воспитание студентов.

Ключевая цель выставки-фотоконкурса – развитие гражданско-патриотической культуры студенческой молодежи, слагаемыми которой выступают: бережное, уважительное отношение к культурному наследию, истории родного края, своей малой Родины, чувство гордости и ответственности за судьбу Отечества, преданность стране, высокий уро-

вень знаний о значимых историко-культурных событиях, консолидированность, сплоченность группы на основе объединяющих российское общество патриотических идей, общечеловеческих, нравственных ценностей.

Задачи, направленные на укрепление гражданско-патриотических позиций студентов, сочетаются в мероприятии с задачами выявления, поддержки творческих, инициативных молодых людей, создания благоприятных условий для личностной самореализации, развития и популяризации фотоискусства среди представителей группы.

К участию в конкурсе принимались любительские фотографии, выполненные студенческой молодежью вуза в различных жанрах, соответствующих одной из тематик: «Моя малая Родина», «Необъятный край», «Красоты России», «Гордость за Отечество». Критериями оценки, отбора фотографий для участия в выставке-фотоконкурсе были: самобытность сюжета фотографии, соответствие заданной теме, качество работы, оригинальность, интересный ракурс, неожиданность творческого решения. Всего участниками выставки-фотоконкурса представлено 140 работ, которые размещены, представлены в видео-каталоге

на странице в Контакте <https://vk.com/orodineslyuboviyu>. По итогам конкурса состоялось торжественное награждение участников, победителей сертификатами, дипломами.

На этапе информирования студентов о мероприятии был выявлен высокий уровень их заинтересованности. Стоит отметить, что желание участвовать исходило не только от студентов молодежного возраста, но и студентов более старших возрастных групп, сотрудников, преподавателей вуза. Это свидетельствует о возможности расширения аудитории участников подобных мероприятий в будущем.

Среди ключевых итогов выставки-фотоконкурса мы выделяем: укрепление у студентов патриотических ценностей, привлечение группы к деятельному созидательному совместному участию в процессе организации и проведения мероприятия патриотической направленности.

Данная форма мероприятия отличается многофункциональностью. Помимо основной задачи формирования патриотизма, выставка-фотоконкурс позволяет развивать у участников творческий потенциал, эстетический и художественный вкус, способствует поднятию социального имиджа малой родины.

Участники выставки-фотоконкурса продемонстрировали перед обучающимися, преподавателями, руководством образовательного учреждения не только свои творческие интересы, способности, но и неравнодушное отношение, любовь к малой родине, что важно для решения задач патриотического, нравственного, творческого воспитания в вузе в целом.

Возвращаясь к рассмотренной нами в начале статьи структуре патриотической культуры личности, образуемой единством сознания и поведения, мы приходим к выводу: повышение уровня сознания определяет повышение уровня поведения/деятельности. При благоприятных условиях развития данная деятельность способна достичь уровня участия в общественной организации.

Таким образом, можно заключить, что системная продуманная, хорошо организованная, глубокая работа институтов социализации по воспитанию молодежи способна сформировать высокий уровень патриотизма, гражданственности, нравственности группы, повы-

сить уровень ее деятельного созидательного участия в процессах развития общества, в том числе, посредством эффективной профессиональной, личностной самореализации на достижение единства, процветания страны, блага общества, Родины, а также посредством участия наиболее социально-активной части молодых людей в общественных объединениях. Решение данной задачи является важной в развитии гражданского общества.

Учреждения образования, культуры призваны формировать высокий уровень созидательного патриотизма молодого поколения, разрабатывая и внедряя эффективные социально-культурные проекты, применяя действенные современные технологии работы с группой. Посредством систематического воспитательного воздействия на личность, предоставления широких возможностей для ее деятельного включения в социально-значимые мероприятия, в перспективе представляется возможным достижение положительных качественных результатов.

Примечания

1. Осипов Г. В. Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком и чешском языках. М. : Норма : НОРМА-ИНФРА. М, 2000. 480 с. URL:

https://www.isras.ru/files/File/publ/Scan_2018/Soc_entsikloped_slovar_1998.pdf (дата обращения: 23.04.2022).

2. Осипов Ю. С. Большая российская энциклопедия : [в 35 т.] Т. 25. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2324213> (дата обращения: 23.04.2022).

3. Советская историческая энциклопедия : в 16 т. Т. 10. М. : Советская энциклопедия, 1961-1976. URL: <https://rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com/13649-ПАТРИОТИЗМ> (дата обращения: 23.04.2022).

4. Молчанова Н. В. Патриотическое воспитание молодежи средствами социально-культурной деятельности историко-мемориальной направленности // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2017. № 4. С. 115-122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-vozpitanie-molodezhi-sredstvami-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-istoriko-memorialnoy-napravlenosti> (дата обращения: 24.04.2022).

References

1. Osipov G. V. Sociologicheskij enciklopedicheskij slovar'. Na russkom, anglijskom, nemeckom i cheshskom jazykakh [Sociological encyclopedic dictionary. In Russian, English, German and Czech]. M., 2000. 480 p. URL: https://www.isras.ru/files/File/publ/Scan_2018/Soc_entsikloped_slovar_1998.pdf (23.04.2022). [In Russ.].

2. Osipov Y. S. Bol'shaja rossijskaja enciklopedija [Big Russian encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/2324213> (23.04.2022). [In Russ.].

3. Sovetskaja istoricheskaja enciklopedija : v 16 t. T. 10. [The Soviet historical encyclopedia : in 16 v. V. 10]. URL: <https://rus-sov-istoria-enc.slovaronline.com/13649-ПАТРИОТИЗМ> (23.04.2022). [In Russ.].

4. Molchanova N. V. Patrioticheskoe vospitanije molodezhi sredstvami social'no-kul'turnoj dejatel'nosti istoriko-kul'turnoj napravlenosti [Patriotic education of youth by means of socio-cultural activities of historical and memorial orientation] // Vestnik associacii vuzov turizma i servisa [Bulletin of the association of higher educational institutions of tourism and service]. 2017, № 4. Pp. 115-122. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/patrioticheskoe-vozpitanie-molodezhi-sredstvami-sotsialno-kulturnoy-deyatelnosti-istoriko-memorialnoy-napravlenosti> (24.04.2022). [In Russ.].

Татарова С. П., Кызылов А. А.

К ВОПРОСУ СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЙЦЕВ

Данная работа раскрывает результаты авторского пилотажного социологического исследования, проведенного в г. Горно-Алтайск. Актуальность исследования заключается в необходимости сохранения культуры малых народов, а также в понимании современного состояния этнокультуры алтайцев на данном этапе.

Ключевые слова: сохранение этнокультуры, культура алтайцев, национальная культура, этнокультура.

Tatarova S. P., Kyzyllov A. A.

TO THE ISSUE OF PRESERVING THE ALTAIANS' NATIONAL CULTURE

The work reveals the results of the author's pilot sociological study conducted in Gorno-Altaysk city. The necessity to preserve the culture of ethnic peoples and also understanding the modern condition of the ethnoculture of the Altaians at this stage comprise the actuality of the study.

Keywords: preservation of ethnoculture, the Altaians' culture, national culture, ethnoculture.

Вопросы сохранения этнической самобытности, формирования идентичности в современном обществе не только продолжают оставаться актуальными, но их значимость даже возрастает в связи с ростом миграции, ассимиляционных процессов, обострением межнациональных конфликтов на территории различных регионов и государств. Острота под-

нимаемой проблемы в разных поселениях отличается и зависит от воздействия целого ряда факторов, таких как плотность и однородность этнического окружения, распространение межнациональных браков, традиций поддержания родовой культуры, принадлежность к этническому меньшинству или большинству и многих других, которые в совокупности могут

влиять на характер воспроизводства и сохранения этнической культуры [1; 2].

Большинство российских регионов относятся к числу гетероэтнических, в которых, несмотря на стремление населения сохранить культуру своего народа, происходит утрата некоторых ее элементов. Кроме того, во многих местностях, в которых взят курс на развитие этнотолерантной среды, происходит активное взаимопроникновение культур различных этнических групп, что способствует размыванию различий, потере уникальности этносов [3].

В рамках данной статьи рассмотрим, как обстоят дела по сохранению этнической культуры алтайцев в Республике Алтай. Уникальность исследуемого региона заключается в том, что на его территории проживают несколько коренных народов (алтайцы, русское старожильческое старообрядческое население, тубалары, телеуты, кумандинцы, казахи и др.), сохранивших свою традиционную культуру.

Алтайский народ считается коренным малочисленным народом, который проживает на южной границе России. Культура алтайцев отличается самобытностью, которую удалось сохранить до сегодняшних дней. В этнографическом и

фольклорном наследии народа есть ряд уникальных феноменов, таких как национальный хоровод (Жанар), горловое пение, специфические обрядовые действия и т. д. Однако, можно отметить, что, несмотря на сохранность этнической культуры алтайцев, все же сложившиеся тенденции постепенной утраты национальной самобытности и забвение новыми поколениями традиций и культуры предков, безразличное отношение к народному искусству, культуре присутствуют и в культуре алтайцев. Традиционная культура алтайцев у современной молодежи не пользуется популярностью. Подрастающее поколение не стремится применять опыт предков в повседневной жизни, из обихода уходит национальный колорит, большая часть молодежи не знает традиционные элементы бытовой жизни. Находясь под влиянием СМИ, сети Интернет, молодежь ориентируется на различные тренды мировой культуры, равняется на образцы западной моды, музыки, стремится к подражанию в поведении, питании, одежде представителям других народов. Все это приводит к тому, что национальная культура алтайцев теряет свою популярность, со временем забывается.

Целью статьи является выявление отношения населения к

традиционной культуре алтайцев. Эмпирическую основу данной работы составляют результаты пилотажного авторского социологического исследования, проведенного в ноябре 2022 года среди населения г. Горно-Алтайск.

В настоящее время Республика Алтай привлекает большой поток туристов из Российской Федерации, а также из зарубежных стран, которым интересны не только природные богатства Горного Алтая, но и самобытность культуры проживающих народов. Весомую долю в культурном туризме составляет желание туристов познакомиться с традиционной культурой алтайцев. Большой спрос у гостей вызывают встречи с представителями традиционной культуры, такими как исполнители горлового пения, национального танца, виртуозов, играющих на национальных инструментах (топшур, икили, шоор, амыргы, тунур, јадаган, комус и т.д.). Большое внимание уделяется и познанию традиционной материальной культуры, знакомству с национальной кухней и утварью. Для того, чтобы достойно представлять свою культуру, хозяевам

нужно знать историю своей нации, рода, религии, принять и понимать их, испытывать чувство гордости, сопереживание, желание раскрыть для гостей красоту и уникальность культуры своего народа.

В ходе исследования нами был сформулирован вопрос: «Знакомы ли Вы с алтайской культурой?». Согласно полученным результатам, большинство опрошенных (50%) знают, но не могут воспроизвести элементы алтайской культуры. Чуть меньше (40%) знают свой язык и сохраняют традиции своего народа. Исходя из полученных данных, очевидно, что необходима активная работа по углублению знаний о богатстве национальной культуры, о традициях, обычаях, укладе жизни народа, его истории и культуре, духовных ценностях. Серьезным поводом к раздумьям о сохранении этнической культуры являются данные о том, что 10% респондентов не знают своей культуры, хотя и сохраняют интерес к ней (рис. 1). Пока этот интерес еще имеется, есть возможность развить его, направить подрастающие поколения по пути освоения и познания культуры своего народа.

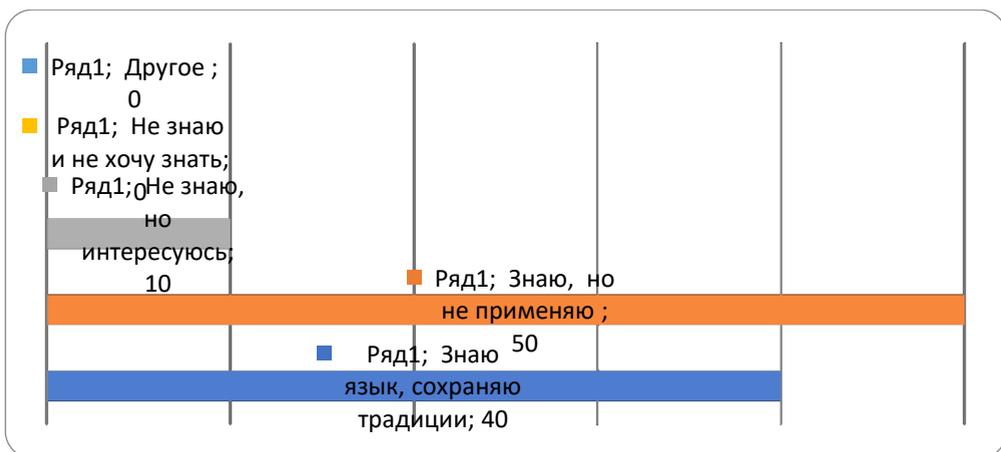

Рис. 1. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Знакомы ли вы с алтайской культурой?», в %

Далее в исследовании мы уточнили, что конкретно из элементов национальной культуры знают и сохраняют респонденты. Полученные результаты демонстрируют, что в тройке лидеров оказались: национальный танец (30%), язык (25%), устное народное

творчество (15%). В меньшей степени опрошенное население знакомо с национальным пением (10%), с традиционными ценностями, обрядами, ритуалами, декоративно-прикладным творчеством, костюмом – данные показатели выбрали лишь 5% респондентов (рис. 2).

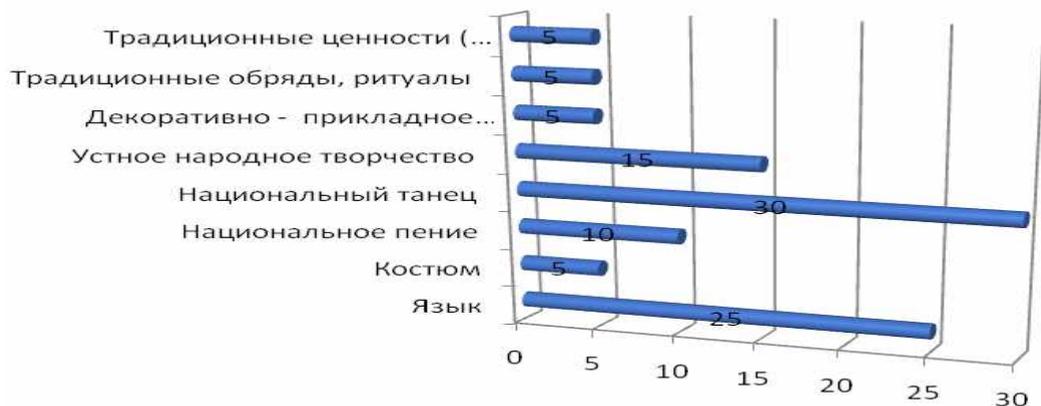

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что из национальной культуры алтайцев вы знаете и сохраняете?», в %

Следующий вопрос исследования «Что из национальной культуры алтайцев в настоящее время в большей степени утра-

чивается?» позволил выявить, что, по мнению опрошенного населения, в большей степени утрачиваются элементы нацио-

нального костюма (30%). Действительно, сегодня национальный костюм перестал быть атрибутом повседневной жизни, подвергся стилизации. В связи с тем, что используются ткани из Монголии и Китая с уже нанесенным орнаментом, не соответствующим алтайской культуре, мастера вынуждены ставить дополнительные родовые знаки отличия, что перегружает внешний вид костюма. Кроме того, при пошиве костюма заменяются материалы, видоизменяются орнаментальные рисунки в их оформлении.

На втором месте с одинаковыми результатами (20%) оказались «национальные танцы» и «традиционные обряды, ритуалы». Сегодня национальный танец не развивается. В ведущих хореографических ансамблях нет в репертуаре традиционного танца «Янар». Хореография пытается отвечать веяниям времени, но вследствие актуализации алтайский танец сильно подвергается стилизации.

Традиционные обряды и ритуалы также забываются, потому как в семье не ведется работа по сохранению традиций. Одной из причин является то, что с каждым годом остается все меньше взрослого населения, носителей традиционного опыта, кто соблюдает и знаком с национальными обрядами, ритуалами. Еще одной причи-

ной забвения и неприятия молодежью обрядов, является связь обрядовой деятельности с предшествующими языческими верованиями, отвергаемыми новыми поколениями. При этом, если грамотно выстраивать работу, делая акцент на нравственной стороне обычаев и обрядов, на том, что они формируют отношения любви, дружбы, взаимопонимания, почитания старших, то принятие обрядности возрастет.

Некоторая доля опрошенного населения считает, что забываются традиционные ценности (10%) и декоративно-прикладное творчество (10%). Молодое поколение не знает и не понимает важности сохранения национальных ценностей своего народа. Мало кто знает историю происхождения своего рода, священных животных, как выглядит родовой знак, свои семейные традиции и обычаи. Что касается декоративно-прикладного творчества, мастеров своего дела также остается не так много. Изготовление национальных инструментов, валяние, выделка кожи и изготовление изделий из нее – традиционные ремесла, которыми издревле занимались алтайцы. Несмотря на то, что данные ремесла еще присутствуют, однако обучения данным видам декоративно-прикладного творчества на сегодня нет и если ситу-

ация не изменится, то секреты мастеров будут полностью утрачены.

В меньшей степени, по мнению респондентов, утрачивает-

ся устное народное творчество и национальное пение. Данные показатели набрали по 5% голосов (рис. 3).

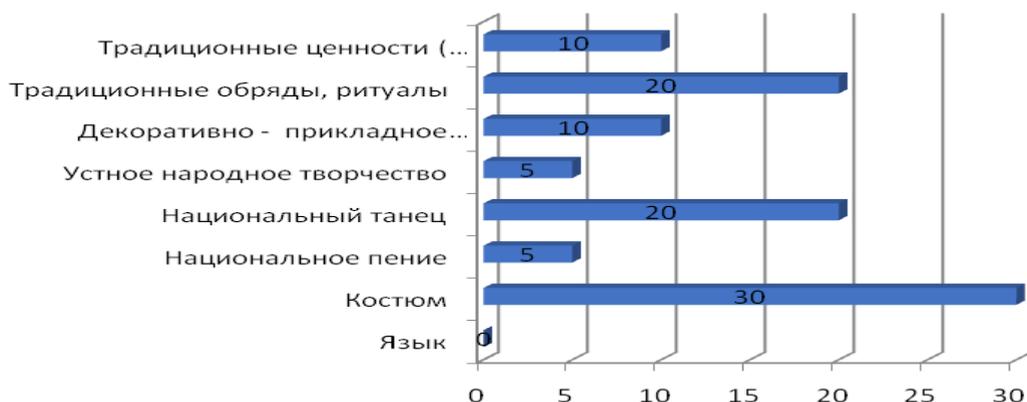

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что из национальной культуры алтайцев в настоящее время в большей степени утрачивается?», в %

Для сохранения этнической культуры необходима целенаправленная государственная политика в данном направлении. Важно, чтобы работа проводилась комплексно, с привлечением специалистов различных сфер общества. Население осознает глубину проблемы и считает важным привлечь к данной работе представителей различных организаций. Так, большинство опрошенных респондентов (100%) проголосовали за то, что основная работа по сохранению культуры должна вестись в семье. Одинаковое количество голосов (80%) набрали варианты «школа» и

«органы власти». Значимое место в сохранении культуры алтайцев население отдает культурно-досуговым учреждениям (70%). Несмотря на то, что СМИ являются главным источником передачи информации и важным ресурсом сохранения национальной культуры, им было отдано всего (20%) голосов. Это может свидетельствовать о том, что на сегодняшний день республиканские СМИ недостаточно уделяют внимание популяризации национальной культуры, а потому население не расценивает их как важных проводников идей сохранения этнокультуры (рис. 4).

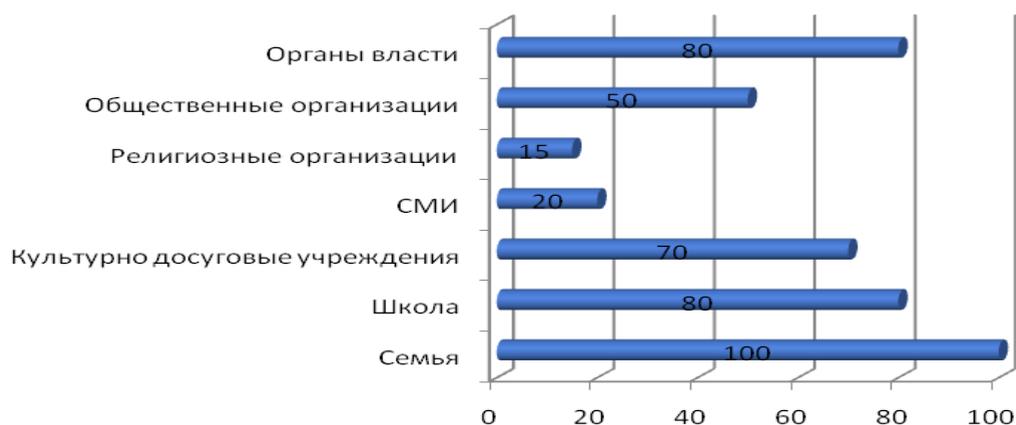

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Кто должен заниматься сохранением народной культуры алтайцев?», в %

Перед обществом как никогда остро встают вопросы передачи из поколения в поколение опыта предков, этнической культуры и национальных традиций. Однако, эта работа не будет системной, если не будут задействованы все социальные институты. В таком случае не стоит ожидать большого эффекта. Стремление сохранять и развивать национальную культуру способствует воспитанию

молодежи на лучших нравственных образцах, прививает интерес к обычаям предков, ценностям своего народа. Проведение исследований, актуализация проблемы способствуют осознанию населением утраты своих корней, самобытности и ценности своей этнокультуры, что становится одним из первых шагов в направлении ее сохранения и укрепления.

Примечания

1. Попова Н. Г. Некоторые теоретические аспекты изучения этнической идентичности // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-teoreticheskie-aspekty-izucheniya-etnicheskoy-identichnosti> (дата обращения: 06.12.2022).

2. Эм Е. А. Позитивная этническая идентичность как основа этнической толерантности // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-etnicheskaya-identichnost-kak-osnova-etnicheskoy-tolerantnosti> (дата обращения: 08.12.2022).

3. Болтаева Л. Ш. Гетероэтническая среда как фактор этнической идентичности личности // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geteroetnicheskaya-sreda-kak-faktor-etnicheskoy-identichnosti-lichnosti> (дата обращения: 07.12.2022).

References

1. Popova N. G. Nekotoryje teoreticheskiye aspekty izuchenija etnicheskoy identichnosti [Some theoretical aspects of studying ethnic identity] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Problems of history, philology, culture]. 2008. № 22. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-teoreticheskie-aspekty-izucheniya-etnicheskoy-identichnosti> (06.12.2022). [In Russ.].

2. Em Ye. A. Pozitivnaja etnicheskaja identichnost' kak osnova etnicheskoy tolerantnosti [Positive ethnic identity as the basis of ethnic tolerance] // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal [Siberian pedagogical journal]. 2010. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitivnaya-etnicheskaya-identichnost-kak-osnova-etnicheskoy-tolerantnosti> (08.12.2022). [In Russ.].

3. Boltaeva L. Sh. Geteroetnicheskaja sreda kak faktor etnicheskoy identichnosti lichnosti [Heteroethnic environment as a factor of individual's ethnic identity] // Obshchestvo: sociologija, psikhologija, pedagogika [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geteroetnicheskaya-sreda-kak-faktor-etnicheskoy-identichnosti-lichnosti> (07.12.2022). [In Russ.].

Ерохина Е. Г.

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ФЕСТИВАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ

В статье рассматривается одна из форм народного творчества, действующая на территории Забайкальского края, а именно деятельность клубных формирований и их обусловленность с фестивальным движением в крае. Представлены статистические данные о клубных формированиях за последние три года. Проанализирована их деятельность и определен рейтинг по количеству формирований и численному составу участников, определены наиболее востребованные направления. Рассмотрены фестивали, непосредственно влияющие на деятельность клубных формирований, их обусловленность и взаимосвязь.

Ключевые слова: фестиваль, народное творчество, самодеятельное творчество, клубные формирования, народный коллектив.

Erokhina Ye. G.

FOLK CFEATIVITY THROUGH THE PRISM OF FESTIVAL MOVEMENT OF THE TRANSBAKAL REGION

The article considers one of the forms of folk art on the territory of the Transbaikal region, namely the activities of club societies and their conditionality with the festival movement in the region. Statistical data on club societies during the last three years are presented. Their activities have been analyzed and the rating of the number of societies and numerical composition of their participants and the most popular areas have been identified. The festivals that directly affect the activities of club societies, their conditionality and interrelation are considered.

Keywords: festival, folk art, amateur creativity, club societies, folk collective.

Сегодня в сложных политических, экономических условиях, фактически в борьбе за пра-

во России к самоопределению и противостоянию Западу, когда стремление некоторых стран к

мировой гегемонии может привести к потере национальной идентичности и соответственно этнокультурной идентичности, как никогда важно сохранять культуру народа, традиции и обычаи. И народное творчество в этом деле как проводник и источник национальных художественных традиций играет одну из важнейших ролей.

Под народным творчеством понимается коллективная художественная деятельность народа, которая отражает основные ценностные установки и жизненные ориентиры, национальные традиции и служит средством самовыражения человека. Народное творчество как основа и корневая система мировой художественной культуры всегда способствовало ее становлению и развитию.

В современных условиях государством предусмотрено множество форм поддержки народного творчества. Мы рассмотрим одну из наиболее популярных и развитых в Забайкальском крае форм – деятельность клубных формирований, в частности, творческих коллективов, через их участие в фестивальном движении.

В учреждениях культуры клубного типа Забайкальского края осуществляют свою деятельность более трех тысяч клубных формирований по различным направлениям, к ним

относятся творческие коллективы: вокальные, хореографические, инструментальные, театральные, фольклорные, циркового искусства. Наибольшей популярностью в крае пользуются вокальные коллективы, по итогам 2021 года их насчитывалось 713 единиц с числом участников более семи тысяч человек. На втором месте хореографические коллективы – 424 ед., участников более пяти тысяч, на третьем месте театральные коллективы – 369 ед., участников более четырех тысяч, на четвертом месте фольклорные коллективы – 120 ед., число участников около двух тысяч [5].

В числе данных коллективов присутствуют самодеятельные коллективы Забайкальского края, которые имеют звание «Народный (Образцовый)». Это самодеятельные коллективы, созданные на добровольной основе, объединение любителей и исполнителей вокального, хорового, музыкального, хореографического, театрального и другого искусства, работающее на постоянной основе в свободное от основной работы или учебы время. Звание «Народный (Образцовый) коллектив» присуждается тем коллективам, которые достигли высоких результатов, отличаются своеобразием и самобытностью [4].

На протяжении последних трех лет, в период с 2020 по 2022 гг., в крае насчитывается более 90 коллективов, имеющих звание «Народный (Образцовый) коллектив», число участников более 2000 человек.

Народных коллективов, в составе которых творческие люди от 18 лет, более 70 единиц с числом участников более 1000 человек, «Образцовых» (детских) более 20 с числом участников 1000 человек. На первое место по количеству коллективов и участников опять же выходит вокально-хоровые направления, по итогам 2021 года число таких коллективов составило 44 единицы с числом участников более семисот человек. На втором месте – театральное направление – 19 ед., участников более четырехсот, на третьем месте фольклор – 17 ед., участников более двухсот пятидесяти, на четвертом месте хореография – число коллективов составляет 16 ед., число участников – более семисот человек [3].

Таким образом, в системе клубной деятельности выделились четыре лидирующих направления, востребованные населением. На наш взгляд, этому способствовали фестивали народного творчества, ранее – смотры художественной самодеятельности.

В 1940 году прошёл один из первых областных смотров, являющийся олимпиадой художественной самодеятельности, следующий в 1945 году, участие в котором приняли около тысячи человек. Так на протяжении десятилетий стабильно проводились мероприятия, способствующие поддержке и развитию народного творчества, росту клубных формирований на территории Забайкальского края.

Динамика в вокально-хоровом движении края показывает рост числа хоров в два раза, по сравнению с 1955 годом в 1956 году составило 570 ед. В 1970-е годы пользовались популярностью областной конкурс на лучшую песню «Пою о тебе, мой край Забайкалье», смотр духовых оркестров и областной музыкально-песенный фестиваль «Забайкальские вечера» [1, с. 87]. Сегодня для данной аудитории проводятся: Краевой видеоконкурс любительских коллективов народного творчества Забайкальского края «Я тебя, Забайкалье, пою!»; Краевой фестиваль ветеранских вокально-хоровых коллективов Забайкальского края; День славянской письменности и культуры; Краевой конкурс хоровых коллективов «Весенняя капель».

Как правило, в фестивалях активное участие принимали и

продолжают принимать представители коренных народов Забайкалья: буряты, семейские, эвенки, каждый транслировал свою уникальную культуру, что также способствовало созданию фольклорных коллективов. Эти же участники представляли культуру области на зональных, межрегиональных, всероссийских фестивалях.

В целях стимулирования к созданию, профессионального роста фольклорных коллективов в крае проводились фестивали устного народного творчества и фольклорных коллективов. С 1970-х годов по 2000 г. систематически проводились фестивали среди работников молочно-товарных ферм, животноводов и их семей, лесозаготовителей, чабанов, записи на радио и демонстрация лучших самодеятельных артистов-животноводов на телевидении [2]. В начале 1990-х годов в культурную жизнь края были введены фестивали казачьей культуры, которые проводятся и по сей день, один из них – Краевой фестиваль казачьей культуры «Забайкальскому краю – любо!». С 2012 года проводится Международный фестиваль культуры семейских-старообрядцев «Семейская круговая».

Для популяризации хореографического направления работали Областной фестиваль

хореографических коллективов «Семь цветов радуги» и Областной фестиваль детского творчества «Забайкальские звоночки». На современном этапе: открытый конкурс-фестиваль национального детского творчества «Танцуй, играй и пой!»; «Кружево танца» – хореографический конкурс в рамках Международного фестиваля «Во глубине сибирских руд...»; Краевой фестиваль «Волшебные двери».

Театральное направление было поддержано через проведение следующих мероприятий: Областной фестиваль любительских театральных коллективов «Театральная весна»; Областной фестиваль детских драматических и кукольных коллективов «Театральные каникулы», а также Краевой фестиваль любительских театральных коллективов «Забайкальская рампа».

Таким образом, проанализировав деятельность клубных формирований края и фестивалей, работающих на территории в разные периоды, определенно можно утверждать о существовании зависимости между данными объектами. Деятельность клубных формирований определенного жанра способствует наличию фестивалей по этому направлению, а в случае отсутствия клубных формирований отсутствуют и фестивали по

этому направлению, например, в крае работает два клубных формирования по цирковому направлению, соответственно фестивалей по этому виду искусств в крае нет. Эту взаимосвязь также возможно рассматривать с точки зрения наличия фестивалей, например, проводятся вокально-хоровые фестивали в крае систематически и на протяжении многих десятилетий, соответственно и количество формирований данного направления занимает лидирующее место по краю. Выше представленные материалы позволили рассмотреть один из элементов народного творчества через призму фестивального движения Забайкальского края.

Автором проанализированы некоторые масштабные мероприятия краевого уровня, вы-

шеуказанные фестивали не демонстрируют полного перечня проводимых в крае мероприятий. Не затронуты мероприятия городского, районного и сельского уровней, которые, несомненно, играют важную роль в поддержке народного творчества и создании творческих коллективов, их дальнейшей деятельности.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что фестивали – одна из важных и популярных площадок для демонстрации достижений художественного народного творчества через работу клубных формирований. Жителями Забайкалья востребованы такие формы функционирования народного творчества как деятельность творческих коллективов.

Примечания

1. Белоносова И. В. Музыкальная культура Читы : монография. Красноярск : Краснояр. гос. академия музыки и театра, 2007. 167 с.

2. Колесников В. Культпросветработа в Читинской области в 1989 г. Результаты социологического исследования ОНМЦ «По развитию любительских объединений и клубов по интересам». Чита : Нерчинская район. тип., 1990. 92 с.

3. Отчет ГУК «УМЦКиНТ» по самодеятельным коллективам Забайкальского края, имеющих звание «Народный», «Образцовый» 2020-2022 гг. Чита, 2021.

4. Положение о народном, образцовом самодеятельном коллективе : Распоряжение Министерства культуры Забайкальского края от 25.02.2010 г. : № 38 а-р. Чита, 2010.

5. Свод годовых сведений об учреждениях культурно-досугового типа Системы Министерства культуры России по Забайкальскому краю за 2020 и 2021 гг. : Федеральное статистическое наблюдение. Чита, 2021.

References

1. Belonosova I. V. Muzykal'naja kul'tura Chity : monografija [Musical culture of Chita : monograph]. Krasnoyarsk, 2007. 167 p. [In Russ.].

2. Kolesnikov V. Kul'tprosvetrabota v Chitinskoj oblasti v 1989 g. Rezul'taty sociologicheskogo issledovanija ONMC «Po razvitiyu l'yubitel'skikh objedinenij i klubov po interesam» [Cultural educational work in the Chita region in 1989. The results of the sociological research of the RSMC «Development of amateur societies and clubs according to interests»]. Chita, 1990. 92 p. [In Russ.].

3. Otchet GUK «UMCKiNT» po samodejatel'nym kollektivam Zabajkal'skogo kraja, imejushchikh zvanije «Narodny», «Obrazcovyj» 2020-2022 gg. [The report of the SIC «EMCC&FC» on amateur collectives of the Transbaikal region which have the title «Folk», «Exemplary» in 2020-2022]. Chita, 2021. [In Russ.].

4. Polozhenije o narodnom, obrazcovom samodejatel'nom kollektive : Rasporjazhenije Ministerstva kul'tury Zabajkal'skogo kraja ot 25.02.2010 g. : № 38 a-r [The Provision about folk, exemplary amateur collective : Order of the Ministry of culture of the Transbaikal region dated back to 25.02.2010 : № 38 a-r]. Chita, 2010. [In Russ.].

5. Svod godovykh svedenij ob uchrezhdenijakh kul'turno-dosugovogo tipa Sistemy Ministerstva kul'tury Rossii po Zabajkal'skomu kraju za 2020 i 2021 gg. : Federal'noje statisticheskoe nabljudenije [Set of annual data about the institutions of cultural leisure type of the System of the Ministry of culture of Russia in the Transbaikal region in 2020 and 2021 : Federal statistical observation]. Chita, 2021.[In Russ.].

Ершова О. С.

ПРАЗДНИК КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается феномен праздника, раскрываются его функции, освещаются типология, обусловленность содержания историко-культурными реалиями общества. Особое внимание автор уделяет значимости праздника в полиэтническом регионе, а именно в Республике Бурятия, отмечает некоторые новые тенденции праздничного календаря.

Ключевые слова: праздник, полиэтничный регион, культура, трансформация, национальные праздники.

Yershova O. S.

HOLIDAY AS A PHENOMENON OF CULTURE

The article considers the phenomenon of holiday, its functions are revealed, the typology is highlighted, content conditionality by historical and cultural society realities. The author pays special attention to the holiday significance in the polyethnic region, namely in the Republic of Buryatia, notes some new tendencies of the holiday calendar.

Keywords: holiday, polyethnic region, culture, transformation, national holidays.

Праздники существовали во все времена, трансформируясь по содержанию и форме, соответственно с историческим развитием общества, его культуры. В современных реалиях праздник приобретает особую значимость. В условиях глобального ценностного кризиса он может выступать механизмом, способным сохранять, развивать национальную культуру.

Суть феномена праздника довольно подробно раскрыта в работах Д.М. Генкина, М.М. Забылина, Л.Н. Лазаревой, А.И. Мазаева, Л.Н. Михеевой, И.М. Снегирева и др.

Поскольку праздник выступает многогранным, сложным явлением, то это определяет многообразие его трактовок.

Так, в справочной литературе праздник рассматривается как выходной, производящий

от слова «праздное», пустое, свободное время. Близкое определение предлагает И.М. Снегирев: «Праздник – это антитеза будней» [14, с. 257]. В.Н. Топоров рассматривает праздник как временной отрезок, где каждый участник становится причастным к сфере сакрального [15, с. 823]. По мнению А.А. Коновича, праздник – это многостороннее явление в человеческой жизни, которое является транслятором традиций, побуждающим к действию [6, с. 4].

О.Л. Орлов, изучая феномен праздника, характеризует его как демонстрацию форм коллективной культуры, определяет праздник как особое время интенсивных культурных инициаций и социализации личности [10, с. 18]. С.Б. Маркарян характеризует праздник как форму духовной культуры, где первое место занимает традиция, потому что она отражает характер общественного уклада, семейных и бытовых отношений [9, с. 3].

В трактовках праздника справедливо подчеркивается его социальная значимость и обусловленность историко-культурными реалиями общества. Так, М.М. Бахтин определяет праздник как важную первичную форму человеческой культуры [1]. Л.Н. Лазарева проводит аналогию

праздника с портретом общества каждой эпохи, в котором находит отражение система нравственных, этических, религиозных, эстетических ценностей общества [7]. К. Жигульский в анализе праздника проводит параллель с зеркалом эпохи, отмечая, что по созданным народом праздникам можно судить о различных сферах жизни общества, в частности политической, исторической или духовной [4]. В.М. Рябков рассматривает праздник как необходимое условие социального бытия и необходимый фактор национального, государственного, культурного, религиозного обособления различных общностей, оформления их самоидентификации [13].

Анализ трактовок праздника позволяет выделить основные смыслы данного феномена в гуманитарной мысли: обрядово-ритуальное действо (Т. Бернштам), форма манифестации сакрального (М. Бахтин, Р. Кайуа, В. Топоров, М. Элиаде), антитеза труду (И. Снегирев, Л. Лаптева), отражение исторической действительности (К. Жигульский, А. Мазаев, Й. Хейзинга).

В осмыслении праздника как феномена культуры важным является рассмотрение его классификации, поскольку последняя не является неизмен-

ной, определяется как историко-культурными факторами, так и взглядами ученых. Например, И.М. Снегирев разделил праздники на подвижные и неподвижные, исключительные (связанные с особым событием), сельские и городские, отечественные и заимствованные [14, с. 257]. Классификация праздников В.М. Рябкова представлена следующим образом: религиозные, государственные, общественные, домашние [13]. Я.П. Белоусов выделяет в структуре праздника 5 основных категорий: общегосударственные, трудовые/профессиональные, семейные, традиционные народные, праздники отечественного и мирового культурного наследия [2].

Д.М. Генкин предложил классификацию, на наш взгляд, наиболее универсальную, выделив три основные группы праздников: всеобщие, локальные, личностные [3]. Учитывая современные реалии, данную группу логично дополнить корпоративно-инициативными праздниками, куда могут войти праздничные события, отмечаемые представителями разных профессий, а также праздники популярные и получившие свое рождение в народе (презентации, банкеты, выезды на природу, тематические праздники, день смеха, праздник послед-

него звонка, праздник цветов, день велосипедиста и др.).

Таким образом, существует множество различных типологий праздников. Из-за многогранности этого явления невозможно сформировать единую комплексную классификацию, охватывающую все аспекты и особенности праздников.

Праздничные дни связываются с ключевыми событиями общества и позволяют человеку чувствовать свою сопричастность к этим событиям, сохраняя свою индивидуальность. Данное обстоятельство во многом определяет устойчивость праздника во времени.

Исторический экскурс подчеркивает прочность феномена праздника в культуре, наряду с обусловленностью его динамики влиянием конкретно-исторических условий жизнедеятельности общества. Приведем лишь некоторые примеры в подтверждение данного тезиса. Истоки праздников уходят в глубокую древность и находят свое воплощение в языческих обычаях, ритуалах. В древности праздники носили организованный, массовый, сакральный характер. В средние века жизнедеятельность, мировоззрение, досуг людей находятся под доминирующим влиянием церкви, поэтому преобладают церковные праздники.

Вместе с тем, в противовес серым будням средневековья параллельно формируются и развиваются народные площадные действа. Одним из популярных торжественных действий стал карнавал, с характерными для него яркостью, пышностью и эмоциональностью. В период Ренессанса монополия церкви ослабевает, досуг стал рассматриваться как возможность просвещения и развития личности. В эпоху Просвещения празднества Великой французской революции отражают исторический характер событий, несут в себе гражданскую смысловую нагрузку, регулируют общественные отношения.

Развитие праздничной культуры в России отличалось от европейской, однако в эпоху Петра I стало происходить влияние европейских норм празднования. Народные календарные и церковные праздники сохранялись. В то же время развитие народного традиционного площадного действия с XVII-XVIII вв. сопровождалось перенесением традиционного земледельческого праздника в новые условия города. В результате были нарушены такие основные особенности праздника: строгий регламент, обряд. Праздники данного периода можно классифицировать на придворные,

народные торжества, частные. XIX век отмечен ярмарочными представлениями и массовыми гуляниями, балаганскими и цирковыми действиями. Зрители любили данные формы представлений из-за их злободневности и вольнолюбивого характера.

Начало XX века внесло существенные изменения в праздничный календарь. В это время наблюдается расслоение праздника на традиционный (аграрный) и революционный. В годы утверждения новой идеологии советской власти зарождаются новые формы площадного действия: митинг-спектакли, митинг-концерты, декламации, манифестации, демонстрации и т.д. С началом периода антирелигиозной кампании происходило разрушение церковной праздничной системы. Вместе с тем праздничный календарь пополнялся профессиональными праздниками, целью которых – полная советизация общества.

С началом перестроечных процессов, в условиях постсоветского историко-культурного пространства, происходит формирование современной праздничной культуры, которая ориентирована на комбинирование ценного культурного наследия прошлого и новых образцов. Элементы предшествующих праздников состав-

ляют части современных праздников, что подчеркивает необходимость грамотного их представления, преобразования [12].

Таким образом содержание современной праздничной культуры является результатом общей динамики социокультурного пространства, в котором отражается жизнь человека и общества. Основными причинами, которые вызвали изменения в праздничном календаре, выступают политические, экономические, социально-культурные. Так или иначе на смену праздничным событиям, которые теряли свою актуальность, приходили новые памятные даты, тем самым отражая историческую картину жизни общества.

Праздничная культура трансформируется, при этом, не утрачивая своей функциональной значимости.

Исходя из анализа научных трудов, в которых раскрыты функции праздника, мы выделим основные из них: коммуникативную, компенсаторную, игровую, интегративную, консервативную, эстетическую, воспитательную, транслирующую.

Приведем некоторые классификации функций, представленных в опубликованных работах. По мнению О.Л. Орлова, одной из первых исторических

была функция недопущения общественного хаоса и связанных с ней изменений. Последующие функции возникают, по мнению исследователя, в связи с изменениями в социальной структуре общества, с появлением новых праздников: воспитание и рекреация, физическая и психическая реабилитация человека, регуляция, художественная, зрелищная функции [10].

Л.С. Лаптева выделяет идеологическую, воспитательную, художественно-эстетическую, рекреационно-компенсаторную, информативно-коммуникативную, интегративную, игровую функции праздника [8]. Г.Г. Карпова отмечает функцию проективной разрядки, где праздник выступает как способ снятия напряжения, за счет создания иллюзорной проекции (фантазия, игра) [5]. Аналогичные функции присущи празднику, по мнению И.Н. Прониной, которая отмечает социально-интегративную, коммуникативную, идеологическую, игровую, компенсаторную, функцию трансляции социального опыта, а также проективной разрядки [11].

Праздники являются не только средством воспитания, формирования мировоззрения, нравственности личности, ее

рекреации, но и способом духовного единения народов.

Россия – многонациональная страна, в которой совместно проживают представители различных этнических общностей. Одним из субъектов страны является Республика Бурятия, полиэтнический, многоконфессиональный, поликультурный регион, на территории которого проживает более 160 этнических групп. Культура Бурятии вобрала в себя традиции как коренных, так и пришлых народов.

В современных праздниках Бурятии значимое место занимают традиционные, что предоставляет благоприятные условия для сохранения богатого культурного наследия региона, укрепления межэтнического согласия. Жители республики, независимо от этнической принадлежности, активно принимают участие в праздничных мероприятиях: межнациональном фестивале «Караван дружбы», мусульманских праздниках Навруз, Курбан-Байрам, татарском Сабантуй, эвенкийском празднике Больдёр, сойотском Улуг-Даг, бурятских Сагаалган, Сурхарбан, русском празднике Масленица и др. Это позволяет достигать культурного единства, целостности общества.

Традиционные праздники способствуют сохранению эт-

нической идентичности, являясь своеобразным зеркалом социального взаимодействия, они динамично меняются в содержании и форме, запуская тем самым процесс аккультурации.

Анализируя традиции народных праздников Бурятии в контексте их взаимосвязи, важно отметить, что некоторые элементы игр, обрядов, ритуалов схожи. Например, национальный праздник сойотов Улуг-Даг (Великая священная гора) включает в себя игры и состязания, идентичные бурятскому празднику Сагаалган, такие как: борьба, метание аркана, стрельба из лука, ломание хребтовой кости, перетягивание каната, перенос камня и др.

Наблюдается в сегодняшних реалиях и, так называемое, осовременивание праздничного традиционного календаря.

Сохранение истории, привлечение внимания подрастающего поколения к традиционным ценностям выступает одной из первостепенных задач традиционного народного праздника.

Значимость сохранения культурного кода сегодня отмечается на государственном уровне. Традиционные ценности рассматриваются как основа сохранения единства многонациональной и многоконфессиональной страны. В Указе Президента Российской Феде-

рации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» одной из ключевых целей государственной политики является сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколе-

ния к поколению [16]. В данном контексте значение праздника возрастает и его можно рассматривать как своего рода механизм передачи традиций, позволяющий сохранять народам культурную самоидентификацию и, вместе с тем, обеспечивать целостность, единство социума.

Примечания

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М. : Художеств. лит., 1990. 543 с.
2. Белоусов А. П. Праздники старые и новые: некоторые философские аспекты проблемы празднования. Алма-Ата : Казахстан, 1974. 198 с.
3. Генкин Д. М. Массовые праздники. М. : Просвещение, 1975. 140 с.
4. Жигульский К. Праздник и культура: праздники старые и новые. Размышления социолога. М. : Прогресс, 1985. 336 с.
5. Карпова Г. Г. Праздник в контексте социальных изменений : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2001. 156 с.
6. Конович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М. : Высш. шк., 1990. 206 с.
7. Лазарева Л. Н. История и теория праздников : учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. Челябинск : Челяб. гос. акад. культуры и искусств, 2010. 251 с.
8. Лаптева Л. С. Функции массовых праздников // Парк и отдых : материалы Всесоюз. науч.-практ. конф. М., 1978. С. 173-201 (Труды / НИИ культуры; 76).
9. Маркарьян С. Б., Молодякова Э. В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М. : Наука, 1990. 245 с.
10. Орлов О. Л. Российский праздник как историко-культурный феномен : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2004. 31 с.
11. Пронина И. Н. Феномен праздника в контексте отечественной культуры : дис. ... канд. философ. наук. Саранск, 2001. 143 с.

12. Романова Г. А. Современная праздничная культура России: актуальность трансформаций, отличительные признаки и тенденции развития // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6(85). С. 189-191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-prazdnichnaya-kultura-rossii-aktualnost-transformatsiy-otlichitelnye-priznaki-i-tendentsii-razv> (дата обращения: 25.11.2022).

13. Рябков В. М. Антология форм праздничной и развлекательной культуры России : учеб. пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 071401 Социально-культурная деятельность. Челябинск : Полиграф-Мастер, 2007.

14. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М. : Университет. тип., 2013. 257 с.

15. Топоров В. Н. Праздник // Мифы народов мира : энцикл. М. : Совет. энцикл., 1980. Т. 2. С. 329-331.

16. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 9 нояб. 2022 г. : № 809. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 25.11.2022).

References

1. Bakhtin M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura Srednevekovja i Renessansa [Francois Rabelais's creativity and folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. М., 1990. 543 p. [In Russ.].

2. Belousov A. P. Prazdniki staryje i novyje: nekotoryje filosofskie aspekty problemy prazdnovanija [New and old holidays: some philosophical aspects of the problem of celebrating]. Alma-Ata, 1974. 198 p. [In Russ.].

3. Genkin D. M. Massovyje prazdniki [Mass holidays]. М., 1975. 140 p. [In Russ.].

4. Zhigulsky K. Prazdnik i kul'tura: prazdniki staryje i novyje. Razmyshlenija sociologa [Holiday and culture: new and old holidays. The sociologist's thoughts]. М., 1985. 336 p. [In Russ.].

5. Karpova G. G. Prazdnik v kontekste social'nykh izmenenij : dis. ... kand. social. nauk [Holiday in the context of social changes : dis. ... candidate of sociological sciences]. Saratov, 2001. 156 p. [In Russ.].

6. Konovich A. A. Teatralizovannyje prazdniki i obrjady v SSSR [Theatricalized holidays and rituals of the USSR]. M., 1990. 206 p. [In Russ.].

7. Lazareva L. N. Istorija i teorija prazdnikov : ucheb. posobje [History and theory of holidays : manual]. 3rd ed., corrected and enlarged. Chelyabinsk, 2010. 251 p. [In Russ.].

8. Lapteva L. S. Funkcii massovykh prazdnikov [Functions of mass holidays] // Park i otdykh : materialy Vsesojuz. nauch.-prakt. konf. [Park and recreation : proceedings of the All-Union scient.-pract. conf]. M., 1978. Pp. 173-201 (Works / SRI of culture; 76). [In Russ.].

9. Markaryan S. B., Molodyakova E. V. Prazdniki v Japonii: obyčaj, obrjady, social'nyje funkcii [Holidays in Japan: customs, rituals, social functions]. M., 1990. 245 p. [In Russ.].

10. Orlov O. L. Rossijskij prazdnik kar istoriko-kul'turnyj fenomen : avtoref. dis... d-ra kul'turologii [The Russian holiday as a historical and cultural phenomenon : dissertation thesis ... doctor of cultural sciences]. St.-P., 2004. 31 p. [In Russ.].

11. Pronina I. N. Fenomen prazdnika v kontekste otechestvennoj kul'tury : dis.... kand. filosof. nauk [Holiday phenomenon in the context of national culture : dis. of candidate of philosophical sciences]. Saransk, 2001. 143 p. [In Russ.].

12. Romanova G. A. Sovremennaja prazdnichnaja kul'tura Rossii: aktual'nost' transformacij, otlicitel'nyje priznaki i tendencii razvitija [Modern festive culture of Russia: actuality of transformations, distinctive features and tendencies of development] // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija [World of science, culture, education]. 2020. № 6(85). Pp. 189-191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-prazdnichnaya-kultura-rossii-aktualnost-transformatsiy-otlichitelnye-priznaki-i-tendentsii-razv> (25.11.2022). [In Russ.].

13. Ryabkov V. M. Antologija form prazdnichnoj i razvlekatel'noj kul'tury Rossii : ucheb. posobije dlja studentov vysshikh uchebnykh zavedenij, obuchajushchiksja po special'nosti 071401 Social'no-kul'turnaja dejatel'nost' [Anthology of the forms of festive and entertaining culture of Russia : manual for the students of higher educational institutions of specialty 071401 Socio-cultural activity]. Chelyabinsk, 2007. [In Russ.].

14. Snegirev I. M. Russkije prostonarodnyje prazdniki i sujevernyje obrjady [The Russian holidays of ordinary people and superstitious rites]. M., 2013. 257 p. [In Russ.].

15. Toporov V. N. Prazdnik [Holiday] // Mify narodov mira : encikl. [Myths of the peoples of the world : encycl.]. M., 1980. V. 2. Pp. 329-331. [In Russ.].

16. Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sokhraneniju i ukrepleniju tradicionnykh rossijskikh dukhovno-nravstvennykh cennostej : Ukaz Perzidenta RF ot 9 nojab. 2022 g. : № 809 [About the approval of the Foundations of the state politics to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values : Decree of the President of the RF dated back to 9 Nov. 2022 : № 809. URL: [https:// www.garant.ru/ products/ipo /prime/doc/405579061/](https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/) (25.11.2022). [In Russ.].

ОБРАЗОВАНИЕ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

DOI 10.31443/2541-8874-2022-4-24-125-132

УДК [378.016:745/749](571.54-25)

Батуева Э. Б.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ У СТУДЕНТОВ ДПИ К ХУДОЖЕСТВЕННО-ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается пробный вариант погружения студентов в будущую профессиональную художественно-творческую сферу в ходе изучения дисциплины «Пропедевтика». Изучаются творческие проекты по разработке художественных изделий декоративно-прикладного искусства. Акцентировано внимание на формирование у студентов профессиональных компетенций по направлению подготовки 54.03.02 «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы».

Ключевые слова: профессиональные компетенции, учебный план, структура, направление, декоративно-прикладное искусство, объекты и виды, задачи, профессиональная деятельность, информационная культура, библиографическая грамотность.

Batueva E. B.

FORMATION OF PROFESSIONAL INTERESTS OF THE STUDENTS MAJORING IN DECORATIVE AND APPLIED ART IN THE ARTISTIC AND CREATIVE ACTIVITY

The article considers a probe version of the students' immersion in the future professional artistic and creative sphere while studying the discipline «Propaedeutics». The creative projects for developing artistic products of decorative and applied art are considered. The attention is focused on acquiring professional competencies by the students majoring in 54.03.02 «Decorative and applied art and folk crafts».

Keywords: professional competencies, curriculum, structure, direction, decorative and applied art, objects and types, tasks, professional activity, information culture, bibliographic literacy.

Современный подход к профессиональной вузовской подготовке обучающихся ставит новые задачи не только усвоения определенных знаний. Общеизвестно, что декоративно-художественное творчество как составная часть декоративно-прикладного искусства (ДПИ) затрагивает всю сферу жизнедеятельности человека от рождения и на протяжении всей жизни. Сама предметная область декоративно-прикладного искусства имеет обширную трактовку. Это создание художественных изделий, имеющих практическое назначение в общественном и частном быту, и художественная обработка утилитарных предметов, таких как утварь, мебель, ткани, орудия труда, средства передвижения, одежда, украшения, игрушки и т. д.

Для первоначального знакомства с истоками ДПИ можно обратиться к учебному пособию В. Б. Кошаева [2]. Автор дает подробное разъяснение, что является объектом и предметом ДПИ, поясняет главное отличие от дизайна. Представлена систематизация обширного материала. Задача пособия ориентирована на усвоение основных понятий ДПИ, поясняет образ декоративно-прикладного искусства как особой категории познания. Автором подчеркивается ос-

новная идея, что отдельные виды ДПИ со своими специфическими признаками подчиняются общим законам художественной формы [2].

Сегодня активно применяется новый малозатратный способ – технология прототипирования для создания опытно-экспериментальных образцов предметов, изделий для экспертной оценки или дальнейшего серийного производства. Данная технология выдвигает новые задачи, связанные с быстрой ориентацией в изготовлении предметов и изделий ДПИ, отвечающим интересам потребителя. Процесс подготовки прикладников художественно-творческого направления требует оперативной перестройки в организации обучения и поиска нетрадиционных путей в плоскости развития познавательных интересов с включением внимания, памяти, мышления, воображения, представления нового художественного образа. Ведется поиск авторского подхода по вовлечению студентов в процесс погружения в будущую профессию, также поиск мотивов, развитие зрительной памяти, создание установки, связанной с игрой воображения, включения ассоциативной памяти, прорисовки художественного образа.

Главным ключевым моментом при выполнении творческих проектов является разбор заданий по этапам. Для успешного выполнения проекта создана рабочая группа из числа первокурсников и студентов выпускного курса. В процессе разработки эскизов художественно-творческого проекта «Чайный путь» выбран формат изделия в виде веера и зонта, выполненного в технике батик (роспись по ткани). Автором, Еленой Разживиной, решена сложная задача в раскрытии и передаче художественно-образными средствами темы проекта. Его отличительной особенностью стали оригинальность, неповторимость в создании зрительного образа в пластическом формате [1, с. 125]. При незначительном пересмотре проектно-эскизной части данный проект имеет перспективу – может быть передан в художественную лабораторию Центра креативных прототипов ВСГИК для разработки образцов мелкосерийного производства и запуска сувенирной продукции.

В настоящее время в разработке находятся не менее интересные проекты студентов кафедры. Например, для первокурсников в качестве учебно-творческого задания практикуются занятия с приглашением студентов – авторов пред-

стоящих выпускных квалификационных работ (ВКР).

Например, художественное проектирование сувенирного набора «След зверя», автор проекта Вероника Тулбурева; декоративная скульптура «Стихия природы в мифах и легендах», автор проекта Юлия Передникова.

В процессе обсуждения и прорисовки рабочих эскизов обнаруживаются нетипичные моменты в создании макета, придание другой формы, например, воспроизвести след зверя в форме деревянной посуды в виде набора для охотника. Сувенирный набор «След зверя» – это перспективный проект, который можно реализовать в Центре создания креативных прототипов ВСГИК, который откроется в декабре 2022 г.

Отметим интересный момент, группа студентов активно включилась в поиск создания формы посуды и упаковки и предложили креативные варианты упаковки в форме туюска из березовой коры, экокожи с орнаментовкой или сумки-шопер с эмблемой ВСГИК – ДПИ.

В проекте декоративной скульптуры «Стихия природы» стал этап моделирования и декорирования дизайна одежды, образов каждой стихии. Авторская идея передает художе-

ственное представление образа каждой природной стихии в скульптурной композиции, а аксессуары каждой скульптуры представлены отчетливо.

Первокурсники, активно вовлеченные в обсуждение проектов, высказали предложение – сделать каждой скульптуре свою подставку. Например, для скульптуры «Стихия воды» подошла бы подставка в виде танцующего – плавающего лотоса, водорослей, волн как потоков воды. А в руках скульптуры – сосуд с живой водой как символ жизни. Для скульптуры «Стихия земли» – подставка в виде могучих корней, изображающих единство всех народов, проживающих в Бурятии. К скульптуре «Стихия Огня» – подставка как земной эквивалент Солнца – вечное возрождение, очищение и центр жилища в древности. Для «Стихии воздуха» – плывущие белые облака, как знак, олицетворяющий духовное развитие и совершенство человека. В итоге каждый образ стихии индивидуален и узнаваем, согласно мифологии и легендам. Скульптурная композиция пронизана семантикой и символикой природных явлений.

Все эти ценные дополнения появились в результате поиска студентами информации по электронным библиотечным

ресурсам (ЭБС). Изучены разделы по литературе, истории, этнографии, искусству. Целенаправленно обращено внимание студентов на требования ФГОС по формированию профессиональных компетенций, а также усилий, направленных на создание авторского художественного проекта, например, такой общепрофессиональной компетенции как ОПК-3 [3].

В ходе разработки поисковых эскизов более отчетливо проявилась проектная идея. Студенты продемонстрировали умения объединять различные пути решения для моделирования предстоящих образов в соответствии с выбором и техникой исполнения в материале. В результате совместной деятельности первокурсник осознает важность сотрудничества и успех командной работы, ответственно воспринимает специфику творческого проекта, получает опыт коммуникации и умение вести диалог, приобретает навыки профессиональной речи, приходит первичное умение формулировать свои мысли по созданию художественного образа предмета. Это является особо ценным, так как личность студента-художника значительно отличается от других студентов творческих направлений. Подобная совместная деятельность превра-

тилась в форму творческого события, по решению многоуровневой задачи в отличие от обычного практического занятия. Заметен познавательный интерес, подъем творческой активности, явно прослеживалась ситуация выбора и стремление к самовыражению.

Создание учебно-творческой среды послужило стимулом для серьезного знакомства студентов с содержанием и структурой учебного плана, утвержденного Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 54.03.02 «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» [3].

Структура образовательной программы по данному направлению подготовки послужила отправным моментом для глубокого ознакомления с будущей профессиональной деятельностью. Весь перечень учебных предметов представляет собой основные разделы предметной области декоративно-прикладного искусства, показывает широкий спектр творческой деятельности. Только одно перечисление названий дисциплин в определенном порядке дает настрой на логическое размышление о характере профессиональной деятельности, формирует пред-

ставление о выбранной профессии, служит первоначальной ступенькой целостного восприятия мира художественно-творческой деятельности.

Ценной находкой в учебно-познавательном процессе стало практическое понимание сложной взаимосвязи системы профессиональных компетенций. В данном случае меняется сама образовательная траектория – это студент первокурсник, пока рассчитывающий только на свои знания, затем – студент-выпускник, владеющий набором первоначальных профессиональных умений и навыков, способный применить их в практической деятельности, овладевший ключевыми компетенциями. Проектная деятельность предоставляет автору свободу в выборе темы, постановки цели и задач и поиске путей по реализации идей собственного замысла. По завершении работ были выделены основные термины и понятия в виде набора ключевых слов с целью усвоения понятийного аппарата самой предметной области ДПИ и заполнения учебного словаря. В дальнейшем предполагается, что данный набор ключевых слов будет применяться при тематическом поиске в работе с ЭБС.

Широта трактовки определения ДПИ в процессе освоения дисциплины «Пропедевти-

ка» нацеливает не только на расширение представлений об основных закономерностях художественного творчества, но, прежде всего, должна побудить студентов к освоению не только содержания ДПИ, но и к самостоятельной работе. Дисциплина «Пропедевтика» – это только первый этап вхождения в профессию художественной деятельности, имеет междисциплинарный характер со всеми обязательными базовыми дисциплинами учебного плана и является только предварительной стадией погружения в будущую профессиональную деятельность. Затем на последующих курсах предусмотрено серьезное образовательное обучение для профессиональной подготовки художника, педагога в области ДПИ.

Логико-понятийная структура учебного плана по направлению подготовки ДПИ представляет собой тематический рубрикатор основных понятий, а компетенции представляют профессиональную творческую деятельность и раскрывают категориальный аппарат предметной области ДПИ.

Отправным инструментарием стал просмотр и анализ структуры учебного плана 54.03.02 «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы» [3]. Здесь в ло-

гической последовательности представлен весь спектр образовательного процесса в названиях дисциплин, содержательный уровень которых закреплен в компетенциях, ориентированных на деятельностный подход.

Для понимания содержания ДПИ надо иметь общее представление о его предметной области, которая тесно связана с историческим этапом развития общества, традициями конкретного этноса, обладающим собственным арсеналом, своими выразительными средствами, своей атрибутикой.

В целом, полагаясь на общепрофессиональную компетенцию дисциплины «Пропедевтика», определенную в учебном плане, ОПК-5 – «студент способен решать стандартные задачи профессиональной деятельности на основе информационной и библиографической культуры с применением информационно-коммуникационных технологий и с учетом основных требований информационной безопасности» [3]. В целях усвоения содержания требований данной компетенции в профессиональной деятельности по приобретению навыков информационной и библиографической культуры, умения формулировать информационный запрос и проводить поиск про-

ведено предварительное знакомство с системой ЭБС. Информационный поиск проводился по обширной и многоплановой теме «Образ природы в традиционной художественной культуре бурят». Многоаспектный поиск по предметным рубрикам: проза, поэзия, музыка, искусство, живопись, семантика и символика образа природы, пейзажные зарисовки в творчестве отдельных писателей, поэты-песенники, музыканты-исполнители, народное пение, художники, мастера декоративно-прикладного творчества, галерея, выставки фотохудожников.

В процессе самостоятельной работы студенты ознакомились с функциональными возможностями многих ЭБС, доступных бесплатно в рамках подписки ВСГИК на правах корпоративного пользователя. На первоначальном уровне предпочтение отдано интуитивному поиску – самому простому поиску изданий в ЭБС. Но при этом студенты убедились, что все это проще, чем просто «гуглить». Можно регистрироваться, читать и скачивать, работать с первоисточниками, работа с каталогами изданий: книги, периодика, фонды российских библиотек, наличие обучающих материалов. Преимуществом является чтение книги в режиме online. Наличие Артпортала

Библиоклуба явилось профессиональной находкой для студентов художественных специализаций. Данная образовательная интернет-платформа «Мировая художественная культура» представляет доступ к изображениям произведений искусства с высоким разрешением, имеются обширные сведения об архитектуре, живописи, графике и декоративно-прикладном искусстве, объектах всемирного наследия. Студенты в восторге от примечания разработчиков ЭБС «Лань» не только делать заметки, но и возможности рисовать – за рисунки на полях книг в ЭБС не штрафуют. Конечно, студенты осознают, что впереди еще освоение многих других функций и сервисов многочисленных ЭБС.

Необходимо освоить и получить навык работы сервисами «читалки»: делать заметки, выделять цитаты с указанием библиографической записи. Это только часть общей культуры личности, основные первоначальные признаки информационной культуры: сохранять, просматривать прочитанное, делать закладки и т.д. Предварительно проведенная со студентами ознакомительная работа с ЭБС может стать основой выработки информационной культуры и библиографической грамотности личности.

Примечания

1. Батуева Э. Б. Перспективные направления студенческих проектов в сфере декоративно-прикладного творчества // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2022. № 2 (22). С. 124-130.

2. Кошаев В. Б. Декоративно-прикладное искусство. Понятия. Этапы развития : учеб. пособие для вузов. М. : ВЛАДОС, 2014. 272 с. : ил.

3. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 54.03.02 Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы : Приказ Министерства науки и высшего образования РФ : от 13 августа 2020 г. : № 1010. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/74566320/paragraph/1:0> (дата обращения: 17.10.2022).

References

1. Batueva E. B. Perspektivnyje napravlenija studencheskikh projektov v sfere dekorativno-prikladnogo tvorchestva [Promising directions of students' projects in the field of decorative and applied creativity] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of East Siberian state institute of culture]. 2022. № 2 (22). Pp. 124-130. [In Russ.].

2. Koshaev V. B. Dekorativno-prikladnoje iskusstvo. Ponjatija. Etapy razvitija : ucheb. posobije dlja vuzov [Decorative and applied art. Concepts. Stages of development : manual for higher educational institutions]. M., 2014. 272 p. : ill.[In Russ.].

3. Ob utverzhdenii federal'nogo gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta vysshego obrazovanija – bakalavriat po napravleniju podgotovki 54.03.02 Dekorativno-prikladnoje iskusstvo i narodnyje promysly : Prikaz Ministerstva nauki i vysshego obrazovanija RF : ot 13 avgusta 2020 g. : № 1010 [About the approval of the federal state educational standard of higher education of specialty 54.03.02 Decorative and applied art and folk crafts : Order of the Ministry of science and higher education of the RF : dated back to 13 August, 2020 : № 1010. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/74566320/paragraph/1:0> (17.10.2022).[In Russ.].

Бутуханов В. А., Дандарон М. Б.

ТЕХНОЛОГИЯ ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НА ПРИМЕРЕ 3D СЛОВАРЕЙ БУРЯТСКОГО И УДМУРТСКОГО ЯЗЫКОВ

В статье рассматривается возможность применения технологии дополненной реальности в качестве одного из возможных инструментов для задач сохранения национальных языков народов России как объектов нематериального культурного наследия. На сегодняшний день проблема сохранения родного языка наблюдается не только в Республике Бурятия, но и в большинстве национальных республик Российской Федерации. Показано, что сочетание дополненной реальности и традиционной полиграфии позволяет достичь наглядности и обеспечивает интерактивность, что в сумме повышает эффективность языкового обучения.

Ключевые слова: 3D словарь, дополненная реальность, бурятский язык, удмуртский язык.

Butukhanov V. A., Dandaron M. B.

TECHNOLOGY OF AUGMENTED REALITY FOR PRESERVING INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE ON THE EXAMPLE OF 3D DICTIONARIES OF THE BURYAT AND UDMURT LANGUAGES

The article considers the possibility of using augmented reality technology as one of the possible tools for the tasks of preserving the national languages of the peoples of Russia as objects of intangible cultural heritage. Today, the problem of preserving the native language is observed not only in the Republic of Buryatia, but also in most of the national republics of the Russian Federation. It is shown that the combination of augmented reality and traditional polygraphy makes it possible to achieve visibility and provides interactivity, which, on the whole, increases the effectiveness of language learning.

Keywords: 3D dictionary, augmented reality, the Buryat language, the Udmurt language.

В настоящее время в условиях глобализации, новых форм экономической деятельности и развития креативных индустрий наблюдается стремительный переход социума к цифровым технологиям. Эта тенденция затрагивает практически все сферы жизнедеятельности, включая сферу культуры. Однако, в то же время мы наблюдаем, что российское общество осознает важность сохранения традиционной культуры, отмечая отрицательные стороны вышеуказанных явлений. Тревожность в этом вопросе обусловлена тем фактом, что глобализационные процессы именно в культуре ведут в перспективе к утрате национальной идентичности. Особенно заметно это отражается в средствах общения этносов – гибель языков. Таким образом, все более актуальным становится вопрос поиска подходов, основанных на инновационных цифровых технологиях, которые могли бы быть применимы для сохранения, популяризации и развития культурного наследия, но вместе с тем были бы экономически целесообразны.

Широко обсуждается внедрение дополненной реальности в сферу культуры и искусства. Кроме положительных настроений встречаются и негативные прогнозы. В исследовании Р.Р. Будагына приводятся критиче-

ские высказывания философов и культурологов по данному вопросу [1]. Несмотря на указанные мнения, технологии смешанной реальности, в частности дополненная реальность, продолжают свое активное проникновение в общественную жизнь. Как полагает Наталья Лосева, заместитель главного редактора МИА «Россия сегодня»: «Скорость и объем потребления информации играют с человеком злую шутку: он читает заголовки, смотрит видео, выходит из кинотеатра и уже через полчаса ничего не помнит. Подобный «информационный фастфуд» порождает закон компенсации: появляется потребность остановиться и глубже погрузиться в заинтересовавшую информацию, и здесь формат дополненной и виртуальной реальности подходит идеально» [2].

Технология дополненной реальности начала свое интенсивное развитие с 2016 года, когда появилась игра Pokemon Go. Популярность игры была основана на том, что 3D-модели фантастических существ из популярной франшизы накладывались на реальный мир с камеры смартфона или планшета и взаимодействовали с пользователями. Данная технология примечательна возможностью предоставления расширенной информации об окружающем

мире, при этом информация может быть представлена самыми различными способами: в виде 3D-моделей, текста или изображений и даже звука [3]. В исследовании [4] отмечена уникальность технологии дополненной реальности, заключающаяся в ее соответствии трем основным критериям теории ситуативного познания: встраиваемость, воплощение и расширение. Это открывает перспективы для применения данной технологии в учебном процессе, а конкретно – для языкового обучения. Начиная с первых разработок, образовательные возможности дополненной реальности активно эксплуатируются на Западе [5].

Современный ребенок с планшетом окружен всевозможными устройствами. Это первое действительно цифровое поколение («поколение Z»). Сегодня главным окном познания окружающего мира для детей уже стал экран смартфона. Это сподвигает к соответствующей трансформации образователь-

ной деятельности в нашей стране. Автором были разработаны интерактивные 3D словари с дополненной реальностью для бурятского и удмуртского языков (рисунки 1-4).

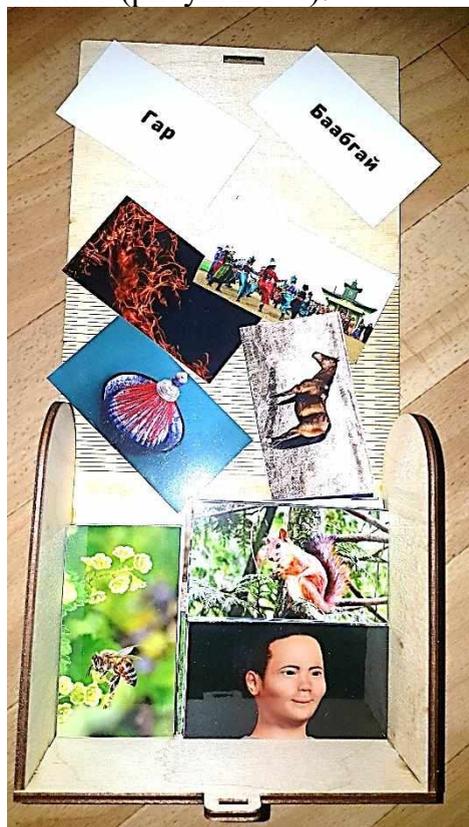

Рис. 1. 3D словарь бурятского языка с дополненной реальностью.

Рис. 2. 3D словарь удмуртского языка с дополненной реальностью.

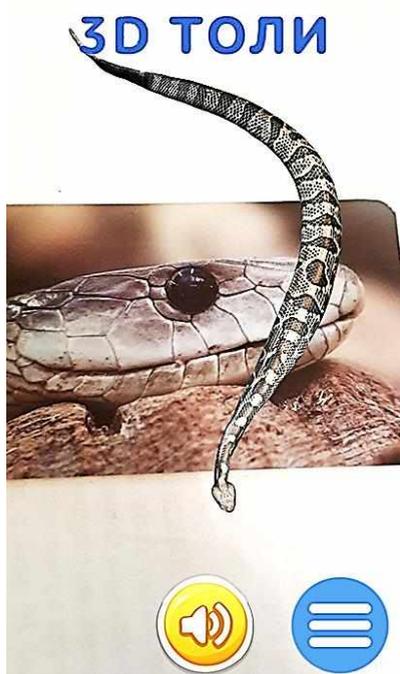

Рис. 3. Интерфейс мобильного приложения бурятского языка с дополненной реальностью.

Рис. 4. Интерфейс мобильного приложения удмуртского языка с дополненной реальностью.

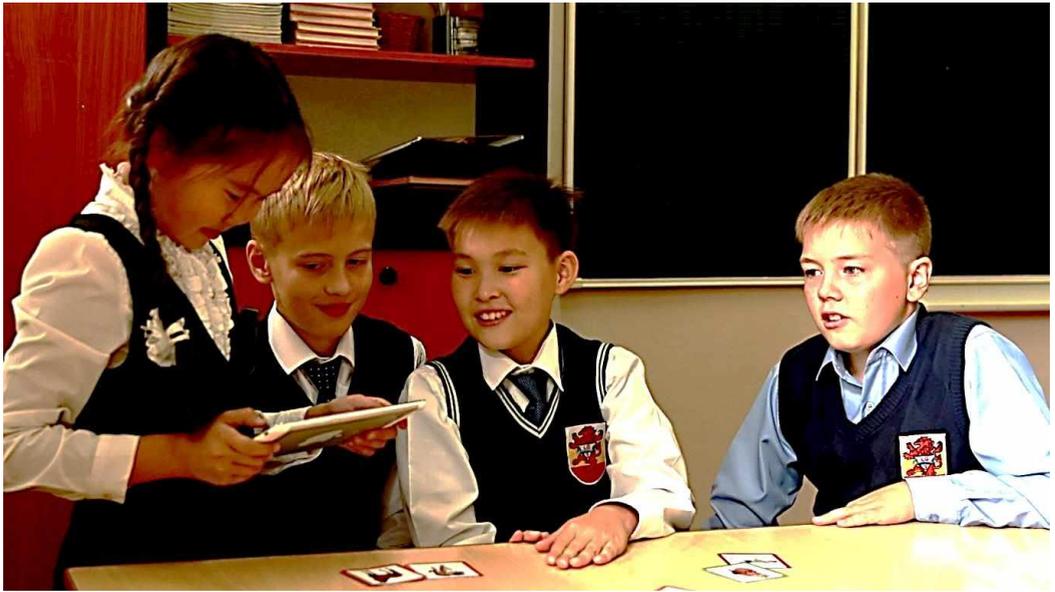

Рис. 5. Занятие с 3D словарем.

Для работы со словарями необходим смартфон либо планшет с операционной системой Android. Комплект словаря состоит из бесплатного приложения, взаимодействующего с 80 карточками со словами по темам: «Человек», «Природные явления», «Флора», «Фауна», «Предметы быта». Карточки служат маркерами, распознаваемыми приложением дополненной реальности. Таким образом, в данных продуктах функции традиционного печатного пособия расширяются за счет взаимодействия с интерактивными элементами (3D-модели с анимацией и аудиозаписи). Метод карточек (или система Лейтнера) – хорошо заре-

комендовавшая себя методика для запоминания большого количества слов за относительно непродолжительный отрезок времени. На наш взгляд, дополненная реальность делает метод карточек более эффективным благодаря возможности приложения озвучивать карточки и демонстрировать 3D-модели. Расширенный таким образом метод задействует визуальный и аудиальный каналы одновременно. Помимо этого, дополненная реальность в сочетании с карточками предлагает упражнения на отработку слов: задания на интервальное повторение, на написание слова, групповые игры (рисунок 6).

Как использовать 3D словарь	
<p>Уважаемые педагоги! У Вас в руках - интерактивный 3D словарь бурятского языка с дополненной реальностью (англ. augmented reality, AR «дополненная реальность»). Словарь представляет собой учебное пособие для учителей и учеников начальной школы. Пособие предназначено для индивидуальной и коллективной работы с целью развития навыков запоминания и воспроизведения начального объема лексики бурятского языка. Пособие включает в себя 80 карточек со словами по темам: Человек, Природные явления, Флора, Фауна, Предметы быта. Карточки служат маркерами, распознаваемыми приложением дополненной реальности.</p>	<p>Таким образом, функции традиционного печатного пособия расширяются за счет взаимодействия с интерактивными элементами (3D модели с анимацией и аудиозаписи).</p> <p>Приложение - бесплатное и разработано для работы на смартфонах и планшетах с операционной системой Android. Пособие реализует игровой подход к обучению.</p> <p>Дидактические задачи пособия: развить фонематический слух, обучить корректному произношению, сформировать словарный запас начального уровня, обучить правильному написанию слов Игровые действия: обучающиеся сканируют дополненную реальность, слушают произношение слов, проговаривают слова, запоминают написание слов</p>
<p>Возможные варианты дидактических игр с комплектом карточек и одним или несколькими устройствами с установленным приложением:</p> <p>1) Карточки раскладываются стороной с изображениями вверх. Обучающимся предлагается произнести то или иное изображенное слово. После этого указанная карточка переворачивается надписью вверх. Обучающиеся проверяют себя, сканируя дополненную реальность и прослушивая аудиозапись.</p> <p>2) Карточки раскладываются стороной с надписями вверх. Педагог предлагает обучающимся прочитать заданное слово. Обучающиеся проверяют себя, сканируя дополненную реальность и прослушивая аудиозапись.</p> <p>3) Обучающиеся делятся на команды и знакомятся со словами, сканируя дополненную реальность. Задача - запомнить написание слов.</p>	<p>Педагог забирает устройства и карточки и выдает каждой команде по листу бумаги. Участники команд по очереди пишут слова, не видя ответов другой команды. По окончании результаты проверяются и сравниваются. Побеждает команда, верно написавшая большее количество слов.</p> <p>Автор не ставил перед собой задачу кардинального изменения методики преподавания. Данный проект - всего лишь попытка изучить возможности и перспективы применения новой цифровой технологии в качестве дополнительного инструмента для педагогов. Занятия с 3D словарем могут быть включены в дидактические игры, созданные педагогами. Автор рад любым замечаниям, пожеланиям и отзывам, а также предложениям по вариантам дидактических игр с 3D словарем,</p> <p>e-mail: vive_vrc3@mail.ru</p>

Рис. 6. Методические рекомендации 3D словаря бурятского языка с дополненной реальностью.

В связи с простотой создания и использования, а также наличием смартфона практически у каждого современного

человека, применение дополненной реальности обуславливает экономическую целесообразность подхода. Технология

дополненной реальности может применяться как непосредственно на уроках, так и на внеклассных мероприятиях различного типа, не предполагая значительных финансовых затрат. Необходимо отметить, что предлагаемую методику не стоит рассматривать как панацею. Однако, как показал опыт апробации 3D словарей с дополненной реальностью в школах двух регионов (Республика Бурятия, Удмуртская Республика) данное решение вполне действительно в качестве дополнения к образовательной деятельности, учитывая нарастающую тенденцию к все большей визуализации информации.

Можно сделать вывод о том, что синтез дополненной реальности и традиционной полиграфии позволяет достичь наглядности и обеспечивает ин-

терактивность, что в сумме повышает эффективность обучения. На сегодняшний день проблема сохранения родного языка наблюдается не только в Республике Бурятия, но и в большинстве национальных республик Российской Федерации. Разработанная программная основа 3D словарей предусматривает возможность добавления любого языка в приложение, а также возможность выпуска соответствующих наборов карточек для любого региона страны. Осознание национальной идентичности является важным условием экономического благополучия и успешного развития государства. Вопросы сохранения нематериальной культуры средствами новых цифровых технологий сегодня являются как никогда актуальными.

Примечания

1. Будагян Р. Р. Тенденции применения цифровых технологий в пространстве современного музея // Сфера культуры. 2021. № 1(3). С. 61-68.

2. Лосева Н. Новые реалии: виртуальная реальность покоряет журналистику. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/media-industry-v-2019/natalia-loseva-interview.html> (дата обращения: 10.10.2022).

3. Зыбина Е. П., Божко Е. М. Обзор технологии «Дополненная реальность» // Язык в сфере профессиональной коммуникации : материалы междунар. науч.-практ. конф. студентов и аспирантов (Екатеринбург, 20 апр. 2017 г.). Екатеринбург : Издательство УМЦ-УПИ, 2017. С. 140-145.

4. Григорьев С. Г., Родионов М. А., Кочеткова О. А. Образовательные возможности технологий дополненной и виртуальной

реальности // Информатика и образование. 2021. № 36 (10). С. 43-56.

5. Law C., Wing Wah So S. QR codes in education // Journal of Educational Technology Development and Exchange. 2010. № 3(1). Pp. 85-100.

References

1. Budagyan R. R. Tendencii primenenija cifrovyykh tekhnologij v prostranstve sovremennogo muzeja [Tendencies of using digital technologies in the space of modern museum] // Sfera kul'tury [Sphere of culture]. 2021. № 1(3). Pp. 61–68. [In Russ.].

2. Loseva N. Novyje realii: virtual'naja real'nost pokorjajet zhurnalistiku [New realities: virtual reality conquers journalism]. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2019/natalia-loseva-interview.html> (10.10.2022). [In Russ.].

3. Zybina E. P., Bozhko M. A. Obzor tekhnologii «Dopolnennaja real'nost'» [Review of the technology «Augmented reality»] // Jazyk v sfere professional'noj kommunikacii : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. kof. studentov i aspirantov (Jekaterinburg, 20 apr. 2017 g.) [Language in the field of professional communication : proceedings of the intern. scient. and pract. conf. of students and post-graduate students (Yekaterinburg, 20 April 2017)]. Yekaterinburg, 2017. Pp. 140–145 [In Russ.].

4. Grigoryev S. G., Rodionov M. A., Kochetkova O. A. Obrazovatel'nyje vozmozhnosti tekhnologij dopolnennoj i virtualnoj real'nosti [Educational possibilities of technologies of augmented and virtual reality] // Informatika i obrazovaniye [Computer science and education]. 2021. № 36(10). Pp. 43–56. [In Russ.].

5. Law C., Wing Wah So S. QR codes in education // Journal of Educational Technology Development and Exchange. 2010. № 3(1), Pp. 85–100. [In Engl.].

Бальжитова О. М.

**ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЕЯ КАК СПОСОБ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО ЦЕНТРА
ГАУК РБ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ»)**

Музей естественно-научного профиля в наши дни – это учреждение культуры, не только реализующее свою деятельность в сфере хранения, изучения и экспонирования музейных предметов культурного и природного наследия, но и активно внедряющее в свою культурно-образовательную деятельность новые способы и методы экологического просвещения среди музейной аудитории. Одним из таких способов является проектная деятельность. В представленной статье автор на примере Естественно-научного центра ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» рассматривает проектную деятельность в музее как один из способов экопросвещения среди посетителей разной музейной аудитории, в том числе лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: музей, проект, проектная деятельность, интерактив, посетитель, экологическое просвещение.

Balzhitova O. M.

**MUSEUM PROJECT ACTIVITIES AS A WAY
OF ENVIRONMENTAL EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF
THE NATURAL SCIENCE CENTRE OF THE SAIC RB
«NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BURYATIA»)**

At present the Museum of Natural Science is a cultural institution not only carrying out its activities in the field of storing, studying and exhibiting museum objects of cultural and natural heritage, but also actively introducing new ways and methods of environmental education in its cultural and educational activities of the museum visitors. One of such methods is the project activity. The author considers the project activities in the museum as one of the ways of eco-education of different visitors, including people with disabilities on the example of the Natural

Science Center of the SAIC RB «National Museum of the Republic of Buryatia».

Keywords: museum, project, project activities, interactive, visitor, environmental education.

Одной из выразительных тенденций современной культуры является идеология проектирования. Проект как форма организации деятельности, направленной на достижение заранее намеченного результата, сегодня широко востребован. Большую популярность обрело само слово «проект» и в различных источниках можно найти разные определения понятия «проект», все они достаточно схожи и не противоречат друг другу. В целом можно сказать, что проект – это временное предприятие, предназначенное для создания уникальных продуктов, услуг или результатов [1].

Если касаться музея и его деятельности в области проектирования, то музейное проектирование – это процесс системной разработки концепций, форм, способов, методов построения музейных учреждений и их систем, а также научного содержания всех направлений музейной деятельности. Результаты музейного проектирования могут быть представлены в форме проектов новых музеев и музейных сетей, научных и художественных проектов экспозиций музейных и выставок,

концепций и программ комплектования и осуществления культурно-образовательной деятельности [2].

Как отмечает В.Ю. Дукельский, сотрудник лаборатории музейного проектирования Российского института культурологии, «из наработок теоретического музееведения и проектной практики, прежде всего, практики проектирования экспозиций, из их соединения и возникло то, что в результате можно назвать музейным проектированием. Постепенно оно вбирало в себя все новые части. Сначала было понятно, что можно задумать экспозицию, создать ее концепцию, спроектировать, но тем временем рядом появилось еще одно понятие – научная концепция комплектования, понятие расширилось в сторону нескольких направлений музейной деятельности. Если могла быть написана научная концепция экспозиции, а потом и сценарий экспозиции, то рядом могли быть концепция комплектования, концепция научно-фондовой работы, концепция научно-просветительной работы» [3].

Но несомненно, что каждый проект:

- по-своему уникален, если даже создается что-то в рамках одной выставки или какого-либо музейного мероприятия, то процесс создания, рабочая группа и конечный результат будут всегда отличаться;

- направлен на выполнение определенных задач, отличающихся от постоянных и направленных на выполнение конкретно поставленных задач;

- направлен на создание определенного результата;

- концептуально связан с деятельностью музея согласно его профилю.

Одно из приоритетных направлений в современном стандарте образования получило экологическое образование и воспитание подрастающего поколения. И в современных условиях развития общества музеем как социокультурному институту отводится огромная роль в просвещении всех слоев населения; музей призван нести знания, нравственные и культурные ценности. В связи с этим одной из задач современного естественно-научного музея является воспитание не только подрастающего поколения, но и взрослого населения, умеющего любить окружающий мир, понимать процессы, происходящие в природе и осознавать роль человека в этих процессах.

Ориентируясь на вышесказанную задачу, Естественно-научный центр ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (музей природы Бурятии) активно ведет проектную деятельность, связанную с экологическим просвещением среди своих посетителей.

Одним из его последних проектов, направленного на все категории музейной аудитории, является проект «Музейный дворик». На уличной территории музея была создана интерактивная площадка, представляющая собой образовательный комплекс. Начинается площадка с тактильной пешеходной дорожки. Тактильная дорожка разделена на сегменты, каждый из которых состоит из разнообразных материалов по форме и текстуре. Это дерево в виде спилов и брусков, кусочков гранита и мрамора, пластиковых крышечек. В качестве материала в определенной части дорожки использованы буквы, которые внимательный посетитель может сложить в слова: лес, природа, олень, волк и др. Тактильная дорожка построена таким образом, что часть ее можно пройти шагом, а где-то надо совершить прыжок, чтобы продолжить движение. Дорожка ведет к зоне, которая отведена под древнюю природу нашего региона. И начинается она с интерактива – песочницы «Па-

леонтологические раскопки», имеющей познавательную и релаксирующую функции, когда посетитель, работая кисточкой, знакомится с профессией ученого-палеонтолога и получает удовольствие от работы с песком. Раскопанные в песке фрагменты динозавров приводят в восторг как ребенка, так и взрослого.

Информационная двухсторонняя доска возле интерактива содержит информацию о динозаврах, найденных в песочнице. Центральное место в данной зоне занимает скульптура шерстистого носорога на постаменте, выполненного в натуральную величину. Скульптура носорога появилась благодаря руководителю художественной многопрофильной мастерской «Лотос» Болоту (Балжиру) Цыжинову и скульптору Батору Гармаеву. Данный арт-объект был преподнесен мастерской в дар музею. Хочется отметить, что скульптура обладает аттрактивностью, вызывающей желание зайти непосредственно в сам музей природы и увидеть настоящие кости вымерших животных ледникового периода. Табличка-этикетка рассказывает об этом удивительном животном, обитавшем на территории Бурятии много тысяч лет назад. На стене здания музея, примыкающей к дворику, и на самой скульптуре носорога

нанесены стилизованные рисунки первобытных людей, рассказывающие о том, какие еще древние животные, обитали на нашей территории.

С природой нашего края знакомит карта животного и растительного мира Бурятии. На карте имеются изображения зверей, птиц и растений, характерных для тех или иных районов республики. Рядом с картой грифельная доска, на которой любой желающий цветными мелками может нарисовать понравившееся животное, растение или просто оставить рисунки своего творчества. Также на территории двора есть искусственный пруд, имитирующий водный ландшафт республики. Пруд обложен галькой, камнями, среди которых произрастают растения, а рисунок на стене продолжает имитировать растительность вокруг водоема. Все это позволяет, находясь в городской среде, прикоснуться к дикой природе.

При разработке проекта «Музейный дворик» научными сотрудниками музея было учтен тот факт, чтобы площадка была доступна и приспособлена для людей с ограниченными возможностями здоровья. Имеющийся пандус позволяет заехать маломобильным гражданам на территорию «Музейного двора». При зонировании «Музейного двора» были учтены

маршруты движения инвалидов колясок так, чтобы можно было без затруднения подъехать к песочнице, скульптуре или грифельной доске.

При планировании интерактивных зон была учтена высота интерактива – песочницы «Палеонтологические раскопки», карты животного и растительного мира республики Бурятии, грифельной доски для рисования. Выбранные размеры и высота перечисленных интерактивов помогли стать доступными для всех категорий посетителей. Помимо этого, площадка обустроена скамейками для отдыха, где взрослые могут с удобством подождать своих детей, играющих в «Музейном дворике». Таким образом, можно сказать, что «Музейный дворик» – это интерактивная площадка с эко-просветительской функцией и комфортная зона отдыха для посетителей музея.

Еще одним интересным шагом в проектной деятельности стало включение Национального музея Республики Бурятия к Национальному проекту «Культура» Министерства культуры Российской Федерации по созданию мультимедиа-гидов по государственным и муниципальным музеям с применением технологии дополненной реальности на основе цифровой платформы «Артефакт». Для его реализации сотрудниками

музея природы была проведена большая и кропотливая работа. В результате был создан черновик мультимедиа-гида по 40 экспонатам из постоянной экспозиции музея «Таежная, озерная, степная...». Информация по каждому из 40 экспонатов содержит одинаковое наполнение на русском языке:

- фотография экспоната;
- общие сведения о предмете (этикетаж);
- точки интереса (разметка ключевых деталей предмета о важных деталях и интересных фактах);
- статья о предмете.

После подачи заявки и последующего прохождения в серьезном конкурсном отборе черновик мультимедиа-гида музея природы Бурятии прошёл следующие этапы, осуществленные командой Национального проекта «Культура»:

- профессиональная редакция текстов;
- осуществление перевода описания на иностранный язык;
- запись аудиогидов на русском и одном иностранном языке;
- подготовка фотоматериалов;
- публикация разработанного контента в цифровой платформе «Артефакт»;
- разработка рекламных материалов о мультимедиа-гиде для размещения в экспозиции.

«Artefact» – гид по музеям России – с дополненной реальностью позволяет сделать интерактивным и более информативным музейное пространство. Тем более в наши дни меняется формат посещения музеев посетителями. Если раньше для большинства людей посещение музея рассматривалось через организованную экскурсию или «индивидуальный» осмотр экспозиции, тематической выставки, то сегодня формы посещения музея, методы работы с посетителями видоизменяются [4]. Теперь посетители, установив на свое мобильное устройство (смартфон) бесплатное приложение с технологией дополненной реальности «Artefact», получают возможность открыть посещение музейных экспозиций, выставок с новой стороны. Посетителю достаточно включить мобильное приложение и навести камеру на музейный экспонат, и персональный гид начнёт работу – расскажет множество интересных фактов о том или ином предмете в виде текста или аудио. Поверх изображения также появятся специальные метки «точки интереса», помогающие сделать рассказ более насыщенным и познавательным. Гид «Artefact» будет полезен и для иностранных посетителей музея природы, поскольку в приложении имеется ин-

формация на английском языке. Хочется отметить, что для того, чтобы воспользоваться приложением, необязательно идти в музей. Можно, находясь дома, установить приложение и без помощи экскурсовода побывать на индивидуальной экскурсии при помощи интерактивного гида: найти интересующий нас экспонат, прочитать или прослушать его историю.

Современные информационные технологии помогают сделать привычный поход в музей более познавательным, привлечь новую аудиторию, особенно детей и подростков в эпоху цифровой реальности. Внедрение мультимедиа-гида «Artefact» повышает уровень доступности культурного и природного наследия и людям с ограниченными возможностями здоровья.

Данные проекты были успешно запущены и пользуются спросом среди посетителей музея. Ведь они помогают музею и посетителю стать ближе друг другу. Хочется отметить, что каждый реализованный проект тесно связан с основной миссией музея природы Бурятии – экологическое образование и воспитание, формирование экологической культуры всех возрастных групп населения средствами музейных средств и современных информационных технологий.

Так, проект «Музейный дворик» соединяет в равной мере просветительные и музейные технологии. Задействованные в проекте методы и подходы такие как наглядность, интерактив, игры, рисование помогают просто и легко закладывать в посетителе искру знаний о природе родного края. Особенно это важно при экопросвещении подрастающего поколения. Поскольку дети в силу особенностей своего возраста очень чутко и органично воспринимают знания, которые связаны с окружающей их природой. Ведь они ощущают себя частью природы, у них ещё не развито потребительское отношение к ней. Очень важно сделать так, чтобы ощущение нити, связывающей их с окружающей средой и берущей свое начало из детства, могла остаться с ними на всю жизнь. Ощущение тесной взаимосвязи с окружающим миром, природой в дальнейшем позволит воспитать ответственного и нравственного гражданина

нашей страны, понимающего и бережно относящегося к природным богатствам. Это хорошо понимали русские писатели М. Пришвин, В. Бианки, К. Паустовский, которые свои литературные произведения пронизывали мыслью о том, что потеря уважения к природе ведет к потере нравственности в человеке.

Если «Музейный дворик» ведет экологическое воспитание и просвещение через игровые моменты, то проект «Artefact» позволяет уже с научных позиций прививать трепетное отношение к животному и растительному миру, раскрывать их уникальность и многообразие, показывать хрупкость экологического равновесия в природе.

Таким образом, можно сказать, что реализованные проекты музея природы Бурятии – это еще один шаг в сохранение природы родного края и нашей планеты.

Примечания

1. Пак В. Д., Нужина Н. И. Что такое проект? Определение и признаки // [Международный научно-исследовательский журнал](https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-proekt-opredelenie-i-priznaki). 2013. № 8-3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-proekt-opredelenie-i-priznaki> (дата обращения: 08.01.2021).
2. Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. № 5. С. 59.
3. Музейное проектирование / отв. ред. А. А. Щербакова ; сост. А. В. Лебедев. М., 2009. 256 с.

4. Бальжитова О. М. Мастер-класс как одна из форм культурно-образовательной деятельности музея // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2012. № 4 (16). С. 152-156.

References

1. Pak V. D., Nuzhina N. I. Chto takoye projekt? Opredeleniye i priznaki [What is a project? Definition and features] // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal [International research journal]. 2013. № 8-3 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-proekt-opredelenie-i-priznaki> (01.08.2021). [In Russ.].

2. Slovar' aktual'nykh muzejnykh terminov [Dictionary of actual museum terms] // Muzej [Museum]. 2009. № 5. P. 59. [In Russ.].

3. Muzejnoye projektirovaniye [Museum projecting] / chief editor A.A. Shcherbakova; comp.by A.V. Lebedev. M., 2009. 256 p.[In Russ.].

4. Balzhitova O. M. Master-klass kak odna iz form kul'turno-obrazovatel'noj dejatel'nosti muzeja [Workshop as one of the forms of museum cultural and educational activities] // Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury [Bulletin of East Siberian state institute of culture]. 2012. № 4 (16). Pp. 152-156. [In Russ.].

Сведения об авторах

1. Бальжитова Ольга Михайловна, младший научный сотрудник естественно-научного центра ГАУК РБ «Национальный музей Республики Бурятия» (г. Улан-Удэ).

2. Батуева Эвелина Батуевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

3. Бояк Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

4. Бутуханов Вячеслав Александрович, преподаватель анимации и 3D графики Школы креативных индустрий при колледже искусств им. П.И. Чайковского, аспирант 1 года обучения научной специальности «Теория и история культуры, искусств», ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

5. Дандарон Мэдэгма Бидияевна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

6. Дедюро Дарья Александровна, бакалавр 4 курса направления подготовки 51.03.03 «Социально-культурная деятельность» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

7. Ерохина Елена Геннадьевна, директор ГУК «Учебно-методический центр культуры и народного творчества Забайкальского края» (г. Чита).

8. Ершова Оксана Сергеевна, руководитель образовательной программы направления подготовки 51.03.05 «Режиссура театрализованных представлений и праздников», аспирант 1 года обучения научной специальности «Теория и история культуры, искусств» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

9. Иванова Ольга Дондоковна, доцент кафедры инструментального исполнительства, звукорежиссуры и музыкального искусства эстрады, Заслуженный работник культуры Республики Бурятия, ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

10. Кучмуруков Всеволод Всеволодович, кандидат культурологии, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

11. Кызылов Айвар Альбертович, магистрант 1 курса направления подготовки 51.04.03 «Социально-культурный менеджмент и маркетинг» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

12. Махачкеева Галина Виссарионовна, независимый исследователь (г. Улан-Удэ).

13. Покацкий Виталий Андреевич, аспирант 3 года обучения направления подготовки 46.06.01 «Исторические науки и археология» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

14. Сангадиева Эржен Гэндэновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и языкознания ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

15. Семенов Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета социально-культурной деятельности, наследия и туризма ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

16. Соболева Юлия Евгеньевна, старший преподаватель кафедры хорового дирижирования, звукорежиссуры и вокального искусства ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

17. Татарова Светлана Петровна, доктор социологических наук профессор кафедры социально-культурной деятельности, ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

18. Тихонов Владимир Викторович, кандидат культурологии, директор Иркутского областного ГАУК Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (г. Иркутск).

19. Цыренова Саяна Бато-Очировна, аспирант 2 года обучения направления подготовки «Теория и история культуры» ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

20. Чебунин Александр Васильевич, доктор философских наук, доцент кафедры культурологии и искусствоведения ФГБОУ ВО ВСГИК (г. Улан-Удэ).

Information about the authors

1. Balzhitova Olga Mikhailovna, junior researcher of the natural science centre, SAIC RB «National museum of the Republic of Buryatia» (Ulan-Ude city).

2. Batueva Evelina Batuevna, Ph.D. in Pedagogy, associate professor of the department of decorative and applied art, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

3. Boyak Tatyana Nikolaevna, Sc.D. in Sociology, professor of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

4. Butukhanov Vyacheslav Alexandrovich, teacher of animation and 3D graphics of the School of creative industries, college of arts named after P.I. Tchaikovsky, 1st-year post-graduate, specialization «Theory and history of culture», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

5. Dandaron Medegma Bidiyaevna, Sc.D. in Philosophy, professor of the department of culturology and art history, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

6. Dedyuro Darya Alexandrovna, 4th-year student, specialty 51.03.03 «Socio-cultural activity», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

7. Erokhina Yelena Gennadyevna, director of the SIC «Educational and methodical centre of culture and folk creativity of the Transbaikal region» (Chita city).

8. Ershova Oksana Sergeevna, head of the educational program of specialty 51.03.05 «Directing of theatrical performances and holidays», 1st-year post-graduate, specialization «Theory and history of culture, arts», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

9. Ivanova Olga Dondokovna, associate professor of the department of instrumental performance, sound directing and musical art of variety, Honored worker of culture of the Republic of Buryatia, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

10. Kuchmurukov Vsevolod Vsevolodovich, Ph.D. in Culturology, associate professor of the department of library and information resources, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

11. Kzylyov Aivar Albertovich, 1st-year magistrate, specialty 51.04.03 «Socio-cultural management and marketing», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

12. Makhachkeeva Galina Vissarionovna, independent researcher (Ulan-Ude city).

13. Pokatskiy Vitaliy Andreevich, 3rd-year post-graduate, specialization 46.06.01 «Historical sciences and archaeology», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

14. Sangadieva Erzhen Gendenovna, Ph.D. in Philology, associate professor of the department of literature and linguistics, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

15. Semyenov Yevgeniy Vladimirovich, Ph.D. in History, associate professor, dean of the faculty of socio-cultural activity, heritage and tourism, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

16. Soboleva Yulia Yevgenyevna, senior teacher of the department of choral conducting, sound directing and vocal art, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

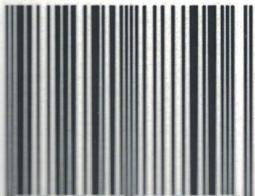
17. Tatarova Svetlana Petrovna, Sc.D. in Sociology, professor of the department of socio-cultural activity, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

18. Tikhonov Vladimir Viktorovich, Ph.D. in Culturology, director of the Irkutsk regional SAIC «Architectural and Ethnographical Museum «Taltsy» (Irkutsk city).

19. Tsyrenova Sayana Bato-Ochirovna, 2nd-year post-graduate, specialization «Theory and history of culture», FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

20. Chebunin Alexandr Vasilyevich, Sc.D. in Philosophy, associate professor of the department of culturology and art history, FSBEI HE «East Siberian state institute of culture» (Ulan-Ude city).

ISSN 2541-8874

22004

9 772541 887006

